

Научно-информационный журнал
КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
РОССИИ

№4 (ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ) 2019

Научно-информационный журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

№4 (ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ) 2019

Издаётся с 2013 г. Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Соловей Т. Д.** С надеждой на прекрасную науку будущего: кафедре этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова – 80 лет 3

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- Нефедьев Г. В.** Дом и сад С.Н. Дурылина в Болшево как пространство культуры 17
- Бельская С. А.** Болшевский детский посёлок (1918-1928): к истории социального воспитания в советской России 22
- Плотникова А. Г.** Киносценарий М.Горького о трудовых коммунах..... 30
- Севостьянов А. С.** Коллекция керамики селища Болшево-3 как источник истории Московского края 37
- Степанова М. А.** Репрезентация жизненного пути А.И. Цветаевой на выставке «“Многоликая Ася”: личность, судьба и творчество Анастасии Цветаевой»..... 44
- Чермошенцев А. В.** Мозаики города Королёва как культурный символ советской эпохи..... 49
- Юренева Т. Ю.** Музейная сеть России: основные характеристики и проблемы изучения..... 55
- Зотова Т. А.** Музей-заповедник «Горки Ленинские»: проблемы ребрендинга..... 62

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

- Пархоменко Т.А.** «Записи» А. Н. Скрябина в культурном наследии Серебряного века 69
- Шарова Е. А.** Аполлон Николаевич Мокрицкий – ученик А. Г. Венецианова, последователь К. П. Брюллова: к вопросу об эволюции взглядов на художественный метод..... 75
- Долженкова Т. И.** Роль В.М. Клыкова в формировании культурного облика Курской области..... 82
- Синянская Н. А.** Из истории музыкальной культуры дворянских усадеб Курской губернии на рубеже 20-х гг. XIX века: о курском периоде жизни графа Мих. Ю. Виельгорского (1818-1823) 93
- Малышева Е. М.** Мифологизация личности как инструмент искажения исторической правды: Султан Клыч-Гирей 100

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МИРА

- Сокольская Н. Ф.** Крестовые походы в русской культурной рефлексии: Рецензия на книгу С.И. Лучицкой «Крестовые походы: идея и реальность» 107

В оформлении обложки использована фотография памятника в честь равноапостольных Кирилла и Мефодия в посёлке Киенский. Скульптор В.М. Клыков. 1998 г.

ОСНОВАТЕЛИ ЖУРНАЛА

В. М. Захаров — доктор культурологии, профессор, Народный артист России, художественный руководитель театра танца «Гжель»;

И. Л. Кучмаева — д. филос. н., профессор, академик, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Протоиерей **Олег Колмаков** — благочинный Плесцевского благочиния Ярославской епархии Русской Православной Церкви.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **Е. Д. Дерябина**, канд. культурологии, доцент, руководитель отдела Института Наследия;

Заместитель главного редактора — **Л. Н. Михеева**, д-р филол. наук, профессор,

Заслуженный работник культуры России, профессор кафедры гуманитарных наук РГСАИ;

Заместитель главного редактора — **Г. А. Цветкова**, канд. культурологии, доцент;

Художественный редактор — **Ю. А. Бревнова**, канд. культурологии, член Союза профессиональных художников России;

Редактор по общественным связям — **А. С. Калашиников**, член Союза театральных деятелей России;

Дизайнер-верстальщик — **О. В. Богданова**, член Союза профессиональных художников России;

Б. Б. Акимов — Народный артист СССР, художественный руководитель Московского хореографического училища при театре танца «Гжель»;

Т. Г. Богатырёва — д-р культурологии, профессор, эксперт Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС, профессор ИБДА РАНХиГС;

А. Л. Доброхотов — д-р филос. наук, профессор, профессор факультета философии НИУ ВШЭ;

Л. Н. Дорогова — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

А. Б. Ефимов — д-р физ.-мат. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, зав. кафедрой истории миссий НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет» (ПСТГУ);

В. Н. Катасонов — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;

Е. А. Киричок — д-р социол. наук; V1, SAM Schneider Electric;

О. В. Кучмаева — д-р экон. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Ю. А. Лукин — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

Г. У. Лукина — д-р искусствоведения, зам. директора по научной работе ГИИ;

Е. А. Минаев — д-р искусствоведения, ведущий научный сотрудник МГИК;

А. В. Окороков — д-р ист. наук, зам. директора по научной работе Института Наследия;

М. Ю. Парамонова — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН;

Ю. С. Путрик — д-р исторический наук, кандидат географический наук, руководитель центра социокультурных и туристских программ Института Наследия;

В. В. Патоков — канд. экономических наук, председатель МОО «Русский культурный центр»;

В. Н. Расторгуев — д-р филос. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова;

Т. Д. Соловей — д-р исторических наук, профессор, профессор кафедры этнологии МГУ;

В. И. Уральская — канд. филос. наук, Заслуженный деятель искусств России, гл. редактор журнала «Балет»;

Н. П. Ходакова — д-р пед. наук, зав. кафедрой математики и информатики дошкольного и начального образования Института педагогики и психологии образования МГПУ;

Е. П. Чельшев — Академик Российской академии наук, доктор филологических наук, главный научный сотрудник центра фундаментальных исследований в сфере культуры Института Наследия, Заслуженный деятель науки РФ;

Ю. М. Чурко — д-р искусствоведения, профессор кафедры хореографии БГУКИ (Республика Беларусь).

Учредители: Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева» (Институт Наследия); Межрегиональная общественная организация (МОО) «Русский культурный центр».

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR
УДК 394
ББК 63.5
10.34685/НИ.2019.27.4.001

С НАДЕЖДой НА ПРЕКРАСНУЮ НАУКУ БУДУЩЕГО: КАФЕДРЕ ЭТНОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА — 80 ЛЕТ

Соловей Татьяна Дмитриевна,
доктор исторических наук,
профессор кафедры этнологии исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова;
119992 Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4, Г-429
tsolovei19@yandex.ru

Аннотация

Ключевой недостаток историографии этнологического образования в МГУ – фрагментарное внимание к контексту и внешним влияниям. В авторской гипотезе ключом к пониманию специфики этнологии как дисциплины и интеллектуального и социокультурного института оказывается отношение власти и науки, что предопределено решающей, конституирующей ролью русской власти, российского государства в формировании науки как системы. История этнографического образования в Московском университете рассматривается именно с этой наблюдательной позиции.

Ключевые слова

Этнология, этнографическое образование, МГУ имени М.В. Ломоносова, кафедра этнологии, власть и наука в России, советский патернализм.

Автору статьи не единожды пришлось писать о истории становления и развития системы профессионального этнологического образования в Московском университете. Некоторые публи-

кации об университетской этнологии носят юбилейный характер¹, подразумевая особенности жанра, с акцентированием достижений и оптимистическим видением перспектив. Даже будучи довольно содержательными, такие публикации создают облегченное представление о развитии науки как бесконфликтном поступательном эволюционном процессе.

От этого изъяна свободны работы, не привязанные к «круглым датам» и рассматривающие как отдельные фазы университетской этнографии (ее дореволюционное становление и расцвет этнологического образования в 1920-х годах²), так и дающие целостное и систематическое представление об институциональном развитии, организации, содержании профессиональной подготовки, концептуальном оснащении университетской этнологии³.

Ключевой недостаток историографии этнологического образования в МГУ – фрагментарное внимание к контексту и внешним влияниям. В случае с таким обширным и исторически длительным феноменом, как система подготовки этнологов в университете, контекст – критически важен для понимания его смысла и логики.

Речь идет, в первую очередь, о контексте дисциплинарном. Они – университетская этнография и этнография как дисциплина – неразрывно связаны.

Ключевой недостаток историографии этнологического образования в МГУ – фрагментарное внимание к контексту и внешним влияниям. В случае с таким обширным и исторически длительным феноменом, как система подготовки этнологов в университете, контекст – критически важен для понимания его смысла и логики.

Речь идет, в первую очередь, о контексте дисциплинарном. Они – университетская этнография и этнография как дисциплина – неразрывно связаны.

Однако дисциплинарного контекста явно недостаточно. Этнография как научная дисциплина, в свою очередь, развивалась в динамичном общеисторическом контексте, оказывавшем (-ущем) на нее решающее воздействие. Историографический жанр предлагает обширный ассортимент контекстов и внешних факторов: от интеллектуальной истории и истории идеологий до политической и социально-экономической ситуации, внешнеполитического окружения и государственных приоритетов. Попытка рассмотреть даже пунктирно все основные контексты отечественной этнологии на протяжении ее истории представляется предприятием неподъемным.

Поэтому надо было выбрать такую наблюдательную позицию, которая обеспечила бы проникновение одновременно во внутреннюю (этнологии как науки) и внешнюю (этнологии как социокультурного и интеллектуального института) специфику этой дисциплины. Ключом к пониманию этой специфики оказывается *отношение власти и науки*, что предопределено решающей, конституирующей ролью русской власти, российского государства в формировании *науки как системы*.

Применительно к советской эпохе эта связь проступала более чем рельефно; в имперской России она также была ощутимой и сочеталась с интенсифицировавшимися отношениями между наукой и протогражданским обществом. Несколько упрощая, в Советском Союзе легитимирующий дискурс в отношении науки держало государство, в досоветской России оно делило эту роль с обществом, хотя все равно оставалось более важным игроком.

С разрушением института советской науки, что было предопределено падением в начале

- 1 См., напр.: Марков Г.Е., Соловей Т.Д. Этнографическое образование в Московском государственном университете: К 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ // Советская этнография (далее СЭ). 1990. № 6. С. 79-91; Соловей Т.Д. Яркая страница истории отечественной этнологии: К 60-летию кафедры этнологии исторического факультета МГУ // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 8. История. 1999. № 5. С.3-10; Марков Г.Е., Пименов В.В., Соловей Т.Д. 60-летие кафедры этнографии (этнологии) исторического факультета МГУ // Этнографическое обозрение (далее ЭО). 1999. № 6. С. 119-129; Соловей Т.Д. Из истории кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (1939-2009) // Кафедра этнологии Исторического факультета МГУ – 70 лет. Сборник научных статей / Отв. ред. А.А. Никишенков. М.: МГУ, 2010. С. 254-272
- 2 См., напр.: Алексеева Л.Д. Московский университет и становление преподавания этнографии в дореволюционной России // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1983. № 6; Соловей Т.Д. Этнографическое отделение этнологического факультета I МГУ. 1925-1930 // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1992. № 3. С.38-50; Соловей Т.Д. Институционализация этнологии в Московском университете (Жизнь и труды Д.Н. Анучина в контексте эпохи) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2003. № 6. С. 3-38.
- 3 Соловей Т.Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте XIX – начало XXI вв.). М.: Прометей, 2004.

1990-х государства, ее создавшего, связь между наукой и государством атрофировалась до стадии исчезновения. Ощущение принципиальной ненужности научного знания для современного российского государства проявилось отнюдь не только в мизерных размерах финансирования науки и системы образования, но и в беспрецедентном снижении социального статуса науки и престижа профессии ученого. В современном контексте невостребованность науки государством, традиционно для отечественной истории выступавшим источником высших смыслов и ценностей, сочетается с ее невостребованностью обществом, которое не развилось в гражданское и не в состоянии легитимировать науку. Таким образом, российская этнология, источниками легитимации которой на исходе XIX в. выступали совместно государство и протогражданское общество, а на протяжении большей части XX в. – государство, к началу XXI в. «избавилась» не только от обязательств перед государством, но и от любых форм социальной ответственности.

Первый опыт организации профессиональной этнографической подготовки в российских университетах, где в роли флагамена оказался Московский университет, относится к 80-90-м гг. XIX в. И, хотя эта подготовка проводилась в контексте географического образования или носила спорадический характер, началось постепенное формирование корпуса профессиональных этнографов.

К рубежу XIX и XX вв. наметились две линии этнографического образования в Московском университете: одна интегрировала его в естественнаучный цикл (Д.Н. Анучин), другая тяготела к гуманитарному (Н.Н. Харузин)⁴. Эти тенденции сложились не спонтанно, а вытекали из различных теоретических обоснований предмета этнографии и ее места в системе наук. Конкуренция двух подходов к этнографическому образованию в модифицированном виде продолжалась до конца 20-х годов XX в⁵.

К началу XX в. формирование русской этнографии не было полностью завершено, ряд эле-

ментов системы науки характеризовался незрелостью, в кадровом и институциональном отношении она напоминала недостроенное здание⁶.

Общая первопричина слабости российской науки крылась в типе отношений, установившихся между институтами науки и государства. Хотя Россия начала XX в. была быстро модернизирующейся страной, у ее властвующей элиты отсутствовало понимание науки как критически важного фактора развития, что обусловило очевидную слабость государственной поддержки и легитимации науки. Несколько упрощая, можно сказать, что самодержавие – институт эпохи до-Модерна – не видело в существовании науки особого смысла, если не иметь в виду узкопрактические и военные нужды империи.

В то же время слабое (протогражданское) русское общество не могло заменить власть в качестве источника легитимации и материальной поддержки науки. Профессиональное общество осознавало ключевые проблемы этнологии, однако это осознание и здравые идеи по поводу обновления отечественной этнологии соседствовали с драматической неспособностью научной корпорации кардинально переломить ситуацию – для этого у нее отсутствовали ресурсы. Хотя поступательное развитие этнографии в начале XX в. вплотную подвело ее к переходу в новое качество, кардинальные ее проблемы в рамках старой социальной системы были принципиально неразрешимы.

Советское государство одной из своих ипостасей выступало как государство модерна. Модерн-проект, вне зависимости от его политико-идеологической окраски, неосуществим без самого активного участия и использования науки, что предопределяло востребованность и высокий статус научного знания в новой России, порождая, в свою очередь, надежду на взаимность науки по отношению к большевистскому государству.

Развитие отечественной этнологии в 1920-е гг. в полной мере подтверждает справедливость этих теоретических выкладок. Она приобрела устойчивый статус самостоятельной научной дисциплины, получила институциональное оформление и стабильное государственное финансирование, была налажена система подготовки этнологиче-

4 Соловей Т.Д. Власть и наука в России. С. 119-144; Она же. Институционализация этнографической науки в Московском университете... С. 3-38.

5 Подробнее об этом см.: Соловей Т.Д. Власть и наука в России. С. 159-178.

6 Миллер В.с. Вступительное слово при открытии под-секции этнографии на XII-м съезде естествоиспытателей и врачей // ЭО. 1909. Кн. LXXXIII. № 4. С.6-7.

ских кадров⁷, укрепился привлекательный образ профессии.

Отношения между государством и этнологической наукой в 1920-е гг. можно охарактеризовать как неравноправное партнерство, где слабой стороной выступало научное сообщество. Государственные преференции науке обменивались на ее участие в модернизации советской России («связь с практикой социалистического строительства»), что в полной мере соответствовало устремлениям самих этнологов, и политическую лояльность по отношению к новой власти. За этими исключениями этнология сохраняла автономию. В свою очередь, этнологическому знанию нередко принадлежала решающая роль в выборе конкретных приоритетов, определении форм и методов советской этнополитической стратегии, особенно в части социализации «отсталых народов».

Выстраивавшаяся в 1920-х гг. в Московском университете (Этнологический факультет I МГУ, 1925-1930) система предметной организации гуманитарного знания приближалась к той, которую мы знаем сейчас. Однако в контексте идеологизированных дискуссий, прокатившихся по отечественному обществоведению на рубеже 1920-30-х гг., ряд наук, включая этнологию, приобрел настолько скандальную и сомнительную репутацию, что решение 1931 г. о расформировании истфила (в его структуру было инкорпорировано этнографическое образование после ликвидации этнофака в 1930 г.) выглядело попыткой разрубить гордиев узел теоретических проблем, внутрикорпоративных противоречий и личных амбиций. В ходе последовавшей за этим реорганизации I и II МГУ был создан Институт общественных наук. Преподавание этнологии в университетах на несколько лет приостановилось.

Определения «возрождение» или «реанимация» были бы сущностно ошибочной характеристикой процесса восстановления этнографической науки в конце 1930-х гг. Старая наука умерла безвозвратно, феномен, возникший на излете 30-х гг. XX в., был советской этнографией – качественно новой наукой. Хотя некоторые линии преемственности со старой этнологией

(кадровая, проблемно-тематическая) прослеживались, теоретико-методологические и институциональные основания, структура науки, действовавшие в ней принципы и правила стали кардинально другими.

Последующая внутренняя динамика советской этнографии не затрагивала ее качественной специфики, поскольку оставались неизменными принципы системы науки. Несмотря на появление в ней новых элементов, изменение конфигурации самой системы, напряженности и интенсивности связей между ее элементами, она оставалась советской этнографией – специфическим интеллектуальным и социокультурным институтом. Внутринаучная динамика в конечном счете зависела от изменений в государстве, ведь именно коммунистическая власть была подлинным демиургом как института советской науки, так социополитической системы, интеллектуально-культурного континуума, элементом которой она выступала.

Другими словами, сначала изменение власти, затем – характера (но не модальности!) ее взаимоотношений с наукой, что давало импульс находившимся под спудом внутринаучным тенденциям, – такова самая общая логика перемен в советской науке. Исходя из этой логики историю советской этнологии можно разделить на два хронологических периода: с конца 1930-х по середину 1950-х гг., когда государство использовало «террористический» (по выражению Ж.-Ф.Лиотара) язык в отношении науки; и с середины 1950-х до середины 1980-х гг., когда отношения государства и науки приобрели «нормальный» (в контексте советской системы) характер.

Принципиальная возможность восстановления преподавания этнографии в Московском университете открылась в связи с партийно-правительственным постановлением 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», за которым последовало воссоздание исторического факультета. Эта возможность вытекала из того, что в дискуссиях рубежа 1920-30-х гг. была кодифицирована принадлежность этнографии к семейству исторических наук, хотя и в периферийном статусе вспомогательной дисциплины. Однако лишь в 1939 г. на истфаке была открыта отдельная кафедра этнографии.

Институционализация этнографии в МГУ откладывалась по причине дезорганизации работы истфака в связи с репрессиями 1936-1938 гг. (за два года факультет потерял двух деканов –

7 Соловей Т.Д. Этнографическое отделение этнологического факультета I МГУ. С. 38-50; Она же. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М.: ИЭА РАН, 1998. С.112-136.

Г.С. Фридлянда и П.О. Горина), а также, вероятно, в связи с довольно пренебрежительным отношением к этнографии со стороны части гуманитарного сообщества, что было неизбежным следствием гонений на науку в начале 1930-гг.

Известный историк-востоковед С.П. Толстов⁸ стал первым заведующим кафедры этнографии (1939-1952). Ему удалось совершить в корпорации профессиональных историков перелом от взгляда на этнографию как сугубо описательную и вспомогательную (при истории) дисциплину до признания ее наукой, равноценной в семье исторических дисциплин, обладающей собственным предметом и качественной спецификой.

Поиск оптимальной формы организации этнографической подготовки в контексте исторического образования завершился вскоре после войны созданием такой концепции профессионального образования, которая в основных чертах дожила до наших дней, что подтверждает ее эффективность. Магистральная установка состояла в том, чтобы, во-первых, раскрыть реализацию мирового исторического процесса в специфических этнокультурных формах; во-вторых, дифференцировать целостные этнокультурные комплексы на структурные составляющие и описать наиболее важные эмпирические процессы и феномены. Таким образом, логика этнографического образования на историческом факультете представляла схождение от всеобщего (общей исторической подготовки) через особенное (этнографическую проекцию истории на регионы) к отдельному (этнографическим сюжетам стран и народов).

В течение первого послевоенного десятилетия этнография в МГУ – в 1952-1956 гг. кафедру возглавлял Н.Н. Чебоксаров⁹ – прошла полноценную институционализацию.

«Нормализация» связи власти и науки, начавшаяся в середине 1950-х гг., была следствием динамики коммунистической системы, которая от «бури и натиска», революционного самоутверждения перешла в послесталинскую эпоху к стабилизации и эволюционному развитию. На смену присущему экстремальной фазе коммунизма «террористическому» языку пришел новый характер отношений между наукой и государством – патерналистский, что открыло возможность серьезной внутринаучной динамики.

Патернализм в отношении этнологии не исчерпывался обменом стабильной поддержки науке на ее безусловную политическую лояльность. Государство также обеспечивало общий контроль идеологической чистоты и методологической выдержанности.

Верность марксизму оставалась *sine qua non*, но его адаптация к исследовательской проблематике приобретала все более расплывчатый и одновременно все более гибкий и изощренный характер.

В то же время в ходе исследования профессиональной проблематики происходило постепенное расширение и обогащение методологического и концептуального арсенала советской этнографии, чему немало способствовало приоткрытие «железного занавеса» в середине 1950-х гг. Поскольку непосредственные и открытые заимствования из западной теоретической мысли были табуированы, освоение западных концептуальных подходов происходило в форме их декоративной «марксизации», латентной интеграции с марксизмом или посредством т.н. «критики буржуазной историографии». В целом «советская этнология была осведомлена об основных концептуальных разработках, имевших место среди зарубежных специалистов по этнической проблематике, и той операционной технологии, которая такие разработки обеспечивает»¹⁰.

Серьезным ограничением советской этнографии стали иерархический принцип организации науки и унификация профессиональной учебной подготовки. Хотя это лишало этнографию – науку и учебную дисциплину – гибкости, взамен она получила статус общеобязательного учебного предмета и стала преподаваться во всех университетах и крупнейших педвузах, что

8 Разные отзывы о С.П.Толстове см.: С.Т.А.Жданко беседует В.А.Тишков // ЭО. 1994. № 1; Жданко Т.А., Раппопорт Ю.А. Годы войны в жизни С.П.Толстова // Там же. 1995. № 2; Семенов Ю.И. О моем пути в «первобытность» // Академик Ю.В.Бромлей и отечественная этнология. 1960-1990-е годы. / Отв. ред. С.Я.Козлов. М., 2003. С. 164-212; Решетов А.М. О Ю.В.Бромлее, о прожитых годах и о нас, грешных (заметки с элементами полемики) // Там же. С.295

9 См.: Гулдин Г. Антропология под другим именем: эффект «старшего брата» // ЭО. 1994. № 1. С.93; Пименов В.В. Кафедра этнографии истфака МГУ в начале 1950-х годов – Н.Н.Чебоксаров // ЭО. 1994. № 2.

10 Заринов И.Ю. Исследование феноменов «этноса» и «этничности»: некоторые итоги и соображения // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. С.33.

обеспечило кардинальное расширение масштабов подготовки профессиональных кадров.

Патерналистский тип отношений сочетался с нарастающим (с начала 1970-х гг.) дистанцированием государства от гуманитарного знания. По-прежнему выступая источником его легитимации, государство все менее испытывало в нем практическую потребность, что было заметно по тому подозрению, которое выказывалось в отношении глубокого изучения советской современности, особенно этнической проблематики. Причем это ограничение относилось не только к «гражданской» науке, но и к возможности глубоко партийного (т.е. относительно конфиденциального) анализа¹¹.

Происходила нарастающая социополитическая деактуализация гуманитарного знания, которое все заметнее утрачивало свою легитимирующую функцию по отношению к государству, последствия чего для советской этнографии оказались амбивалентными.

В общем контексте размягчения советской идеологии и прогрессирующего дряхления советского государства его угасающее внимание к этнологии объективно способствовало расширению ее внутренней автономии. Несмотря на наличие ряда табуированных тем, профессиональное сообщество было довольно свободно в выборе исследовательской проблематики. Идеологические ограничения обходились с помощью словесной эквилибристики и жонглирования цитатами «классиков марксизма-ленинизма», в чем советские гуманитарии достигли виртуозности: «...было принято обильно ссылаться, к месту и не к месту, на произведения классиков марксизма-ленинизма. Более того, участвуя в дискуссиях, высказывая оригинальные суждения, авторы нередко стремились подкрепить их умело подобранными цитатами, что... могло затруднить нежелательные возражения»¹².

Уникальным явлением выглядела стабильная государственная поддержка этнографии вне зависимости от ее результативности. С одной стороны, это поощряло паразитизм и вялость в науке,

с другой – предоставляло ученым возможность удовлетворять свое интеллектуальное любопытство за счет казны. Создалась беспрецедентная ситуация, когда производство знания оказалось самоцелью, а наука существовала ради науки.

Наконец, в советском обществе наука имела довольно высокий социальный статус, а научная корпорация пользовалась уважением; престижность профессии ученого обеспечивала бесперебойный приток свежих кадров в науку.

Таким образом, влияние государственного патернализма на советское гуманитарное знание было амбивалентным. Обеспечив его институционально и материально, освободив ученых от забот о хлебе насущном, эта политика парадоксально освободила их от стимулов и мотивов для научного творчества и профессиональных занятий. Разумеется, выбор, в конечном счете, зависел от экзистенциальных качеств людей, которые его делали, однако общая политико-идеологическая и социокультурная рамка объективно способствовала ее загниванию и разложению, а не развитию и прогрессу.

Это было характерно для коммунистической системы в целом, частью которой являлся институт советской науки. Как присуща системе была и охватившая науку тенденция клановизации – формирования групп интересов, стремившихся контролировать внутринаучные ресурсы (не только материальные, но также потоки информации и теоретические разработки)¹³. Предположительно, сотрясавшая отечественную этнологию с начала 1990-х годов битва теоретико-методологических парадигм – примордиализма и конструктивизма – имела своей подоплекой и скрытой пружиной борьбу внутринаучных кланов за ресурсы и административный контроль науки.

Если для этнографии в целом политика государственного патернализма имела амбивалентные последствия, то на развитие науки в университете ее влияние было однозначно позитивным. Институционализация этнографии как учебной дисциплины приобрела в 1960-70-е годы общесоюзный размах: этнография получила статус обяза-

11 Баграмов Э.А. Национальная проблематика прежде и теперь (субъективные заметки) // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. С.59.

12 Тумаркин Д.Д. Ю.В. Бромлей и журнал «Советская этнография» // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. С.217.

13 О природе этого явления см.: Фурсов А.И. Еще один «очарованный странник» (о Владимире Владимировиче Крылове на фоне позднесоветского общества и в интервью социопрофессиональной организации советской науки) // Русский исторический журнал. Осень 1999. Т. II. № 4. С.414-423.

тельного предмета и стала неотъемлемой частью исторического образования в крупнейших вузах страны. Кафедра этнографии МГУ получила статус головной в системе профессионального образования (с 1945 по 1982 ее окончили около 600 человек), ее аспирантура послужила трамплином в науку для многих ученых: в 1969-1982 гг. кандидатские диссертации защитили 42 аспиранта кафедры, причем, не только советские граждане¹⁴.

Вместе с тем утверждение и развитие этнографии в университетских стенах парадоксально сопровождалось ее некоторым обособлением от профильного Института этнографии АН, значительную часть сотрудников которого составляли выпускники университетской же кафедры.

Размежевание университетской и академической науки в Москве было характерно для всего комплекса исторических дисциплин. Отчасти оно было вызвано институциональной конкуренцией, отчасти – традиционно присущим системе высшего образования консерватизмом: академические институты довольно быстро улавливали и усваивали новые теоретические веяния и научные направления, в то время как университеты и вузы не спешили их интегрировать в учебные курсы.

Напряженность и коллизии институциональных отношений во многом проистекали также из неприязненных личных отношений директора (до 1965 г.) ИЭ АН СССР С.П. Толстова и С.А. Токарева, который помимо заведования кафедрой (1956-1973) возглавлял институтский сектор¹⁵.

Научная судьба Токарева может служить зримым подтверждением важного социологического наблюдения, характеризующего советскую науку в целом – тенденции ее клановизации. Последняя объясняет, почему Токарев, без преувеличения крупнейший советский этнограф, символ ее лучших сторон и достижений, не получил звания академика или члена-корреспондента АН СССР. По точному, хотя и небеспристрастному, наблюдению крупного советского этнографа В.Н. Басилова: «...Токарев был далек от групповщины. Он не принадлежал к какой-либо “партии” в университете. И в Институте этнографии он всегда

стоял особняком от администрации Института и близкой к ней группе людей, оказывавшей огромное влияние на жизнь коллектива. Он не был “своим”»¹⁶.

В период, когда кафедрой руководил Г.Е. Марков (1973-1986)¹⁷, был сформирован обширный корпус учебной и учебно-методической литературы. «Валовые» показатели печатной продукции кафедры поистине впечатляли: за время ее существования к началу 1980-х гг. ее сотрудниками было опубликовано примерно 1400 научных работ общим объемом более 3500 а.л.¹⁸. Ряд монографических исследований сохраняет свою научную ценность по сей день¹⁹.

Одним из очевидных достоинств государственного патернализма была возможность широкой экспедиционной деятельности: в 1960-1980-е гг. кафедра этнографии МГУ охватывала своими экспедициями значительную часть СССР, причем их интенсивность постоянно нарастала²⁰.

Характеристика 60-80-х годов прошлого века как времени расцвета отечественной этнографии не отменяет тезиса о сложном и диалектически противоречивом характере ее развития. Под покровом благополучия вызревали элементы кризиса и упадка, причем благополучие и загнивание имели общий исток – специфический тип отношений между советским государством и наукой.

Кризис нашел свое разрешение в разрушении советского типа науки. Если в общеисторическом плане гибель института советской науки была предопределена падением создавшего ее государства, то внутринаучная динамика определялась двумя ключевыми факторами.

14 Соловей Т.Д. Власть и наука в России. С. 295.

15 См.: Благодарим судьбу за встречу с ним. (О Сергее Александровиче Токареве – ученом и человеке). М., 1995; Решетов А.М. О Ю.В. Бромлее, о прожитых годах и о нас грешных (заметки с элементами полемики) // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. С. 290-304.

16 Басилов В.Н. С.А. Токарев как представитель русской культуры // Благодарим судьбу за встречу с ним. (О Сергее Александровиче Токареве – ученом и человеке). М., 1995. С. 35.

17 Подробнее о нем см.: Аникин Н.В., Соловей Т.Д., Функ Д.А. Большой стиль в науке. Памяти д.и.н., профессора Г.Е. Маркова // Революции светские, религиозные, научные. Динамика гуманитарного дискурса. Памяти д.и.н., проф. Г.Е. Маркова: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.Д. Соловей. СПб.: Алетейя, 2018. С. 8-30.

18 См.: Труды преподавателей и сотрудников кафедры этнологии (1939-2009) / Сост. Т.Д. Соловей, Н.Л. Мехедов. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет, 2009.

19 См.: Соловей Т.Д. Власть и наука в России. С. 308, 360-498.

20 См.: Соловей Т.Д. Указ. соч. С.308-309.

Первым из них было доминировавшее на рубеже 1980-90-х гг. настроение своеобразного научного утопизма, суть которого коротко можно передать следующим образом: радикально расширить научную автономию до отказа от обязательств перед государством, при этом сохранив (что молчаливо подразумевалось) государственный патернализм в отношении науки. Вторым фактором служила конкуренция научных кланов, использовавших утопическое умонастроение научных масс для решения вопроса о власти и контроле над ресурсами.

Патерналистская модель отношения к науке канула в Лету вместе с советским государством, что сразу поставило вопрос о смысле и цели существования этнографии в новой системе. «Большие смыслы» были подвергнуты тотальной критике, отечественная этнология освободилась от идеологической легитимации, но не освободилась от необходимости легитимации вообще. Зная, от чего освободилась наука, мы не можем не задаться вопросом, для чего она свободна?

Ответ – для служения демократии и гражданскому обществу – вряд ли будет воспринят всерьез. Тотальная критика коммунистического опыта была одновременно отвержением любого метанарратива, любой легитимации, задающейся из трансцендентного источника. На щит поднималось ценностно-нейтральное знание (будто оно возможно в социогуманитарных дисциплинах).

Но, может быть, изменился сам тип легитимации и знание теперь легитимируется через его эффективность и производительность? Другими словами, то, что нужно и конкурентоспособно – выживет, ненужное и нежизнеспособное – умрет. Однако даже если отрешиться от непростого и деликатного вопроса о критериях эффективности и полезности для гуманитарных дисциплин, нельзя уйти от выяснения того, какой именно субъект (политический, социальный, экономический и т.д.) определяет критерии этой эффективности, т.е. легитимирует науку через эффективность.

Источником этой легитимации, безусловно, не выступает государство, фактически отказавшееся от фундаментальной прерогативы целеполагания – определения приоритетов развития и формулирования стратегических, общенациональных целей. Различного рода официальные «программы», «доктрины» и «концепции», касающиеся развития науки и технологий, представляют собой образчики проективного мышления, абстрагирую-

щегося от этно-историко-социокультурного контекста. Их разработчики, похоже, не отдают себе отчет в том, что любые технологические и экономические трансформации опосредуются через культуру, через психику людей, и в этом смысле социогуманитарное знание не только «смягчает» последствия новаций, но и представляет немалую практическую важность для трансформации общества. Впрочем, сетование на традиционную недооценку социогуманитарного знания в данном случае носит исключительно теоретический характер, поскольку в современной России дискриминируется наука в целом. «Доля затрат на исследования и разработки в ВВП России минимум в три раза ниже, чем в ведущих странах мира, и соответствует в лучшем случае уровню развивающихся стран»²¹.

Рынок вообще не в состоянии оценивать науку по критериям общенационального интереса и всеобщего блага, а капитализм далеко не обязательно дает ей стимул к развитию. И уж совершенно точно его не дает преобладающий в России сырьевой капитализм: как показывает мировой и отечественный опыт, он заинтересован в максимизации природной ренты и в сохранении политического и экономического статус-кво, а не в развитии, тем более измеряемом надличностными и надгрупповыми критериями. Кроме того, отечественная наука традиционно развивалась в рамках парадигмы получения теоретических (фундаментальных) знаний. Решающая роль в поддержке такого типа науки может принадлежать лишь государству, что подтверждается наиболее успешным современным опытом – как японским и западноевропейским²², так американским.

В том, что касается современной российской этнологии, ключевым источником ее легитимации, определителем критериев ее эффективности (в 1990-2000-х гг. заметно и зримо, в 2010-х, скорее, инерционно) выступает Запад в лице международных научных фондов и западного научного сообщества.

Это не вопрос сотрудничества с международной наукой – такому сотрудничеству нет разумной альтернативы. Но в отсутствие внутренних ис-

21 Арутюнов Владимир. Государство обязано само формировать научную политику. Россия – единственная мировая держава, где этим занимаются общественные организации // НГ-наука. 2004. 24 ноября. С.14

22 См.: Водопьянова Елена. Наука Западной Европы: реалии и перспективы // Свободная мысль-XXI. 2002. № 3.

точников легитимации именно Запад держит легитимирующий дискурс в отношении российской этнологии или, говоря проще, задает в ней правила игры, последствия чего амбивалентны.

С одной стороны, зарубежные научные фонды серьезно помогли отечественной науке в крайне тяжелые для нее времена («лихие 90-е»), частично компенсировав издержки ее «рыночного» развития.

С другой стороны, произошла перекройка отечественной науки по западным лекалам, сократилась сфера ее автономии: повестка дня – тематика и цели исследований, их методология и концепции, институциональная структура науки – задавались извне.

Социогуманитарное знание, в отличие от естественнонаучного, не носит универсального характера, поэтому если проблематика и методологический инструментарий российских исследований задаются извне (через селективное поощрение или отвержение тем и концептуальных подходов), то это провоцирует неадекватность исследования и исследователя тому, что изучается.

Не сделало российское социогуманитарное знание, обогатившись западным влиянием, и теоретического рывка: «Мы погрузились в позитивизм в той или иной частной области познания, ученые стали научными сотрудниками, размножившиеся задачи исследования стали задачами, решаемыми по частям, и никто не владеет целым...»²³.

Главным исследовательским результатом отечественной науки оказывается получение эмпирического систематизированного знания и обкатка западных концептуальных подходов на российском полигоне, создавая впечатление теоретического многоцветия и концептуального обогащения российской науки. В то же время в ней не создается, ею не продуцируется оригинальное и новое теоретическое знание. Отдельные образцы плодотворной и оригинальной теоретической работы не меняют общей тенденции.

По иронии судьбы отечественная этнология сменила свое самоназвание с «этнографии» на «этнологию» как раз тогда, когда эмпирическая и описательная составляющая основательно потеснила теоретическую науку.

Поразивший общество и страну глобальный кризис рубежа 1980-90-х гг. проявился в МГУ в смягченных формах. Солидная материально-техническая база, традиционный консерватизм высшего образования и некоторая организационная обособленность от академической науки помогли обеспечить относительную устойчивость университетской этнологии. Социально-политические катаклизмы парадоксальным образом оказали даже некоторое стимулирующее воздействие на характер и содержание учебного процесса, исследовательскую тематику кафедры этнологии и истфака.

Задача руководить кафедрой в эпоху бурных перемен и политических катаклизмов выпала на долю В.В. Пименова (1986-2005)²⁴. Взрыв национализмов в пространстве бывшего Советского Союза резко актуализировал этнополитическую и этносоциологическую проблематику, а также изучение современности в целом, что нашло свое выражение в структурных и учебных новациях на кафедре этнографии, отразилось на характере ее экспедиционной деятельности, тематике курсовых и дипломных работ.

Ответами на новую этнополитическую реальность стали создание при кафедре этносоциологической лаборатории (1988) и Центра прикладной этнологии (1990). В основу деятельности центра была положена магистральная идея применения этнологических знаний в социальной практике, что реализовалось в проведении прикладных исследований в области обычного права, трудовых этнических миграций, взаимодействия институтов власти, связи экономического положения и этнического статуса и др. Центр открыл студентам возможность специализации по прикладным проблемам науки и этнополитологии²⁵.

Серьезным изменениям подверглась организация учебного процесса на кафедре. При этом имелась в виду главная цель кафедры – обеспечить выпуск специалистов широкого профиля,

23 Лиотар Жан-Франсуа. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С.99.

24 О нем см.: Больше чем этнограф. Сб. науч. ст., посвященный памяти профессора В.В. Пименова / Отв. ред. В.В. Карлов, Т.С. Гузенкова. М.: МГУ, 2015.; Пименов В.В. Моя профессия – этнограф. Очень личные заметки о не слишком давнем прошлом, настоящем и будущем отечественной этнографической науки / Сост., отв. редактор, автор эпилога Т.С. Гузенкова. СПб., издательство «Аврора», 2015.

25 Подробнее см.: Соловей Т.Д. Власть и наука в России. С.328-330.

имеющих классическую этнографическую подготовку и, вместе с тем, способных реагировать на вызовы современности, ориентироваться в новой этнополитической обстановке²⁶.

Результаты учебной деятельности кафедры оказались вполне приемлемыми, что в решающей степени было обеспечено тем, что кафедре удалось сохранить свой кадровый костяк, и при этом обеспечить возрастную и научную преемственность. Были и кадровые потери: резкое ухудшение финансовых возможностей университета привело к вынужденному сокращению сотрудничества кафедры со специалистами-этнологами из академических институтов²⁷.

Середина 1990-х – начало 2000-х оказались довольно успешными в плане выпуска учебников и учебно-методической литературы, а также монографий и статей²⁸.

Наиболее серьезный урон катаклизмы 1990-х гг. нанесли экспедиционной деятельности кафедры, масштабы которой в связи с отсутствием материального обеспечения резко уменьшились²⁹.

Ситуативная финансово-экономическая стабильность 2000-х гг. продлила иллюзию о том, что переход науки и системы образования на прочные рельсы рыночной экономики вот-вот приведет к качественному сдвигу.

Наметившееся с начала второго десятилетия XXI в. ухудшение социально-экономической ситуации и драматическое сжатие материальных возможностей создали принципиально новую ситуацию в научной и образовательной сферах. Ее основные характеристики: кризис идентичностей (личностных и профессиональных), нарастающая растерянность перед лицом социальных проблем, ухудшающийся морально-психологический климат.

Рынок смог обеспечить пристойный жизненный уровень лишь небольшой группе профессионалов, чей интеллектуальный потенциал был подкреплен административными позициями и контролем ресурсов профессиональной коммуникации. Массовый научный работник в рынок не вписался, но функционально необходим, свидетельствуя существование «русской

науки» – обязательного элемента социокультурного ландшафта современного государства.

Выдохся интеллигентский комплекс избранности, иллюзия о «нас, как властителях дум», служивший моральной анестезией и частичной компенсацией мизерабельного материального положения. Отсутствие обратной связи в общении со студентами – типическом срезе общества – охлаждает пыл даже самых ревностных апологетов собственной интеллектуальной значимости и востребованности. «Факультет ненужных вещей» – это анатомическое описание гуманитарного факультета российского вуза, дающего качественное (подчас, прекрасное), но абсолютно неприменимое знание.

Интеллектуальный «ступор» связан с болезненным состоянием общественного сознания в целом. Внешний Хаос интернализуется, размывая когнитивные способности и вымывая рациональные смыслы. Если для старшего поколения интеллектуальный труд – это форма существования и способ избежать энтропии, то средняя и младшая генерации руководствуются императивом выживания, демонстрируя готовность производить и транслировать (псевдо)научную продукцию методом «ускоренной взгонки».

На рубеже первого и второго десятилетий XXI в. подошел к пределу запас прочности университетской этнологии, которая вступила в фазу неустойчивости и турбулентности.

Руководство кафедрой в это время принял на себя А.А. Никишенков (2006-2013)³⁰. Историк науки и крупный знаток британской социальной антропологии, уже в советский период имевший репутацию человека «не отсюда», он воплотил трансформирующуюся профессиональную идентичность и подготовил антропологический разворот кафедры этнологии. Будучи продуктом отечественной научной традиции, Никишенков выступал одновременно ее хранителем и критиком, «балансируя на этой самой границе двух интеллектуальных миров»³¹ (русской этноло-

26 См.: Соловей Т.Д. Указ. соч. С. 330-332.

27 См.: Там же. С. 332-334.

28 См.: Там же. С. 334-338.

29 Там же. С. 338-340.

30 Подробнее о нем см.: А.А. Никишенков. «Изобретая традицию» и создавая «воображаемое сообщество». Сб. статей, посвященный памяти профессора А.А. Никишенкова / Отв. ред. Е.В. Миськова, А.В. Титорский. М.: Издательство «Новый хронограф», 2017.

31 Цит. по: Миськова Е.В. А.А. Никишенков. «Двусмысленности нашего ремесла». Грани отечественной историогра-

гии и западной культурной/социальной антропологии. – Т.С.).

Завершилась ли трансформация, и если да, то каковы контуры новой «антропологической» идентичности? Фундаментальным основанием любой профессиональной идентичности, придающим устойчивость дисциплине, воплощающим дисциплинарный Космос/порядок, выступают кон-цептуальное единство (пусть в самом общем виде) и конвенциональный язык. Необходимо наличие тех спорных, но единых и твердых оснований, с которых можно было бы, по выражению Л.М. Баткина войти «в блестящую и необходимую односторонность, в общем-то, любой стоящей методологической позиции»³².

В среднюю и позднюю советскую эпоху основу концептуального единства составлял теоретико-методологический конструкт, за которым в историографии справедливо закрепилось наименование «советской теории этноса». Ее различные интерпретации и классификации базировались на общей системе понятий и жанровых принципов, имели общий методологический источник.

Однако концепция «этноса» подверглась уничтожающей критике на исходе XX в. Гиперкритический пафос ниспровергателей «этнического» поставил под угрозу само существование науки, привел к размыванию дисциплинарных границ, спровоцировал кризис профессиональной идентичности, так и не предложив позитивной альтернативы. Если предметно-объектную область современной этнологии/антропологии составляет не этническая субстанция, а любой культурный и/или социальный феномен, то как определить ее качественную специфику? Старт возможен только «с хорошо освоенной территории собственной традиции с пониманием того, где проходят границы последней»³³.

Можно сколько угодно перебирать и классифицировать факторы, приведшие к застою в сфере образования и науки. Можно ругательски ругать статус-кво, при этом фактически сми-

рившись с настоящим. Но главный посыл статьи иной. Он состоит в предощущении скорых позитивных перемен. Мой оптимизм питают, во-первых, глубоко укорененная в человеческой психике потребность качественно нового начала, радикального обновления после периода упадка или застоя, во-вторых, приток в науку молодежи с ее смутной, но сильной экзистенциальной неудовлетворенностью, подспудным желанием прорваться через покровы обыденности и определить контуры прекрасной науки будущего.

Список литературы

1. Алексеева Л.Д. Московский университет и становление преподавания этнографии в дореволюционной России // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1983. № 6.
2. Аникин Н.В., Соловей Т.Д., Функ Д.А. Большой стиль в науке. Памяти д.и.н., профессора Г.Е. Маркова // Революции светские, религиозные, научные. Динамика гуманитарного дискурса. Памяти д.и.н., проф. Г.Е. Маркова: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.Д. Соловей. СПб.: Алетейя, 2018. 276 с.
3. Арутюнов Владимир. Государство обязано само формировать научную политику. Россия – единственная мировая держава, где этим занимаются общественные организации // НГ-наука. 2004. 24 ноября. С.14.
4. Баграмов Э.А. Национальная проблематика прежде и теперь (субъективные заметки) // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960-1990-е годы / Отв. ред. С.Я. Козлов. М., 2003. С.47-87.
5. Басилов В.Н. Токарев С.А. как представитель русской культуры // Благодарим судьбу за встречу с ним. (О Сергее Александровиче Токареве – ученом и человеке). М., 1995. С. 31-41.
6. Благодарим судьбу за встречу с ним. (О Сергее Александровиче Токареве – ученом и человеке). М.: ИЭА РАН, 1995. 314 с.
7. Больше чем этнограф. Сборник научных статей, посвященный памяти профессора В.В. Пименова / Отв. ред. В.В. Карлов, Т.С. Гузенкова. М.: МГУ, 2015. 301 с.
8. Водопьянова Елена. Наука Западной Европы: реалии и перспективы // Свободная мысль-XXI. 2002. № 3.
9. Гулдин Г. Антропология под другим именем: эффект «старшего брата» // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 1994. № 1.

фии в этнологии // А.А. Никишенков: «Изобретая традицию» и «создавая «воображаемое сообщество». С. 40.

32 Цит. по: Миськова Е.В. А.А. Никишенков. «Двусмысленности нашего ремесла». Грани отечественной историографии в этнологии // Указ. соч. С. 41.

33 Миськова Е.В. Указ. соч. С.41.

10. Жданко Т.А, Раппопорт Ю.А. Годы войны в жизни С.П.Толстова // ЭО. 1995. № 2.
11. Заринов И.Ю. Исследование феноменов «этноса» и «этничности»: некоторые итоги и соображения // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. С. 18-37.
12. Лиотар Жан-Франсуа. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
13. Марков Г.Е., Соловей Т.Д. Этнографическое образование в Московском государственном университете: К 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ // Советская этнография (далее СЭ). 1990. № 6. С. 79-91.
14. Марков Г.Е., Пименов В.В., Соловей Т.Д. 60-летие кафедры этнографии (этнологии) исторического факультета МГУ // ЭО. 1999. № 6. С. 119-129.
15. Миллер В.Ф. Вступительное слово при открытии подсекции этнографии на XII-м съезде естествоиспытателей и врачей // ЭО. 1909. Кн. LXXXIII. № 4. С. 3-12.
16. Миськова Е.В., А.А. Никишенков. «Двусмысленности нашего ремесла». Грани отечественной историографии в этнологии // А.А.Никишенков: «Изобретая традицию» и «создавая «воображаемое сообщество». С. 37-57.
17. Никишенков А.А. «Изобретая традицию» и создавая «воображаемое сообщество». Сб. статей, посвященный памяти профессора А.А. Никишенкова / Отв. ред. Е.В. Миськова, А.В. Тугторский. М.: Издательство «Новый хронограф», 2017. 272 с.
18. Пименов В.В. Кафедра этнографии истфака МГУ в начале 1950-х годов – Н.Н. Чебоксаров // ЭО. 1994. № 2.
19. Он же. Моя профессия – этнограф. Очень личные заметки о не слишком давнем прошлом, настоящем и будущем отечественной этнографической науки /Сост., отв. редактор, автор эпилога Т.С. Гузенкова. СПб., издательство «Аврора», 2015. 320 с.
20. Решетов А.М. О Ю.В. Бромлее, о прожитых годах и о нас грешных (заметки с элементами полемики) // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. С.290-304.
21. Семенов Ю.И. О моем пути в «первобытность» // Академик Ю.В.Бромлей и отечественная этнология. С. 164-212.
22. Соловей Т.Д. Этнографическое отделение этнологического факультета I МГУ. 1925-1930 // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1992. № 3.С.38-50.
23. Она же. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М.: ИЭА РАН, 1998. 258 с.
24. Она же. Яркая страница истории отечественной этнологии: К 60-летию кафедры этнологии исторического факультета МГУ //Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1999. № 5. С. 3-10.
25. Она же. Институционализация этнологии в Московском университете (Жизнь и труды Д.Н. Анучина в контексте эпохи) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2003. № 6.С. 3-38.
26. Она же. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте XIX – начало XXI вв.). М.: Прометей, 2004. 498 с.
27. Она же. Из истории кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (1939-2009) // Кафедре этнологии Исторического факультета МГУ – 70 лет. Сборник научных статей /Отв. ред. А.А. Никишенков. М.: МГУ, 2010. С. 254-272.
28. С Т.А.Жданко беседует В.А.Тишков // ЭО. 1994. № 1.
29. Труды преподавателей и сотрудников кафедры этнологии (1939-2009) / Сост. Т.Д.Соловей, Н.Л. Мехедов. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет, 2009. 173 с.
30. Д.Д.Тумаркин. Ю.В. Бромлей и журнал «Советская этнография» // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. С.202-229.
31. Фурсов А.И. Еще один «очарованный странник» (о Владимире Владимировиче Крылове на фоне позднесоветского общества и в интерьере социопрофессиональной организации советской науки) // Русский исторический журнал. Осень 1999. Т. II. № 4. С.414-423.

WITH HOPE FOR A BEAUTIFUL FUTURE SCIENCE
(80 YEARS TO THE DEPARTMENT OF ETHNOLOGY,
HISTORY FACULTY OF LOMONOSOV
MOSCOW STATE UNIVERSITY)

Solovei Tatiana Dmitrievna,

DSc in History,

Professor of the Department of Ethnology

Faculty of History Lomonosov MSU,

Lomonosovsky avenue 27-4, 119992 Moscow Russia

tsolovei19@yandex.ru

Abstract

A key drawback of the historiography of ethnological education at MSU is the fragmentary attention to context and external influences. In the author's hypothesis, the key to understanding the specifics of Ethnology as a discipline and intellectual and socio-cultural institution is the relationship between power and science, which is predetermined by the decisive, constitutive role of the Russian government, the Russian state in the formation of science as a system. The history of ethnographic education at Moscow University is considered from this observational position.

Keywords

Ethnology, ethnographic education, Lomonosov Moscow state University, Department of Ethnology, power and science in Russia, Soviet paternalism.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

23–24 сентября 2019 года

состоялась международная
научно-практическая конференция

«МУЗЕЙ И ГОРОД»

Организаторы конференции – Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв» и Институт Наследия им. Д.С. Лихачёва пригласили историков, филологов, культурологов, искусствоведов, философов, исследователей и специалистов обсудить проблемы и достижения в области музеологии и истории городской культуры.

В рамках конференции прошли юбилейные чтения, посвященные 125-летию Анастасии Ивановны Цветаевой и 80-летию открытия первого музея в городе Королёве.

На открытии конференции с приветственным словом выступила **Елена Владимировна Куценко**, директор Музейного объединения «Музеи наукограда Королёв», заслуженный работник культуры РФ.

В работе конференции приняли участие **Е.И. Жук**, директор Дома-музея Марины Цветаевой (г. Москва), **О.Н. Григорьева**, директор музея Анастасии Цветаевой (г. Павлодар, Казахстан), **Молли Блесинг**, PhD, Ass. Prof. of Russian Studies (университет Кентукки, США), **В.Н. Сорокин**, кандидат искусствоведения, зав.кафедрой театрального искусства ИРДПО (г. Москва), **О.А. Трухачева**, внучка А.И.Цветаевой, хранитель семейного архива (г. Москва), **С.А. Айдинян**, личный секретарь А.И.Цветаевой, искусствовед (г. Москва) и другие.

Широкий спектр исследовательской тематики в области истории культуры города и музейного дела был представлен научными сотрудниками Музейного объединения «Музеи наукограда Королёв». Ряд прозвучавших на конференции докладов и сообщений опубликован в данном номере журнала.

CNF
УДК 06, 069
ББК 63.5
10.34685/НН.2019.27.4.002

ДОМ И САД С.Н. ДУРЫЛИНА В БОЛШЕВО КАК ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ¹

Нефедьев Георгий Владимирович,

научный сотрудник,
МБУК «Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв»,
отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина»,
119501, Москва, ул. Веерная д.3/3, кв. 9,
gneff@inbox.ru

Аннотация

Дом С.Н. Дурылина в Болшево становится центром духовной культуры Подмосковья в 1930–1950-х годах XX в. На основании мемуарных свидетельств современников и гостей Дома, а также архивных материалов, хранящихся в Мемориальном Доме-музее С.Н. Дурылина, предлагается проект реконструкции аутентичного облика сада. Обосновывается необходимость реставрации дурылинского сада как важного компонента уникального центра культуры.

Ключевые слова

С.Н. Дурылин, Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина, реконструкция сада, садово-огородный комплекс «Болшевское Абрамцево».

Реконструкция сада вокруг Дома-музея С.Н. Дурылина, призванная представить аутентичный облик дурылинского сада, каким он был при жизни хозяев дома в 1930–1950-х годах, позволит воссоздать мемориальный характер сада, всегда являвшегося живым продолжением Дома-музея. В дальнейшем подобная реставрация сделает возможным проведение специальных экскурсий по садово-огородному комплексу «Болшевское Абрамцево».

Дом Сергея Николаевича Дурылина в Болшеве, как на протяжении всей его жизни, так и позднее, был неким притягательным центром для российско-советской интеллигенции: художников, писателей, артистов; подлинным центром духовной культуры 1930–1950-х годов XX в. В свое время постоянными гостями этого

дома были: М. Нестеров, А. Яблочкина, Н. Обухова, И. Ильинский, Н. Телешов, Е. Турчанинова, Т. Щепкина-Куперник, Е. Шатрова, В. Качалов, Н. Гудзий, Б. Пастернак, М. Морозова, А. Галкин и многие другие.

Дом Дурылина в Болшеве совершенно справедливо называли «Болшевским Абрамцевым» (Н.Д.Телешов). Так же его можно сравнить с Домом поэта Максимилиана Волошина в Коктебеле – поэта, друга и корреспондента Дурылина.

Подобные центры культуры, формирующиеся как правило вокруг значимых архитектурных памятников или «литературных урочищ» (термин В.Н. Топорова), становятся «о-формителями» существующего Космоса; выражает мифологию места, на котором стоят и является его памятью. Они воплощают своего рода *genius loci* – «гений

1 Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект «С.Н. Дурылин – историк литературы: От «Мусагета» до Академии наук СССР. (Новые материалы)» № 18-012-00746 и представлено в виде доклада на Научно-практической конференции «Музей и город» (г. Королёв, 23–24 сентября 2019 г.).

места» (лат.), аккумулируют в себе культурную энергетику данного места, мифопоэтику пространства, отстоянную временем.

И, действительно, Дом Сергея Николаевича в Болшеве на улице «Свободная, 12», был построен на землях с XVII века принадлежавших князьям Шереметевым и Одоевским, около церковных стен Храма Святых бессребреников Космы и Дамиана; уцелевшие фрагменты имения П.И.Одоевского до сих пор соседствуют с территорией дурылинского участка. Кроме того, дом построен во многом из остатков разрушенного Страстного монастыря, и сам, по своей форме и расположению (веранда, как алтарная часть храма ориентирована строго на восток), напоминает церковь. То есть, иными словами, дом уже впитал в себя изначально на этапе строительства определенные сакральные компоненты храмовой архитектуры. Сад, окружающий дом, также несет в себе отпечаток мифологии времени и пространства.

Понятие сада, тем более такого уникального, как обустроенного вокруг дома Сергея Николаевича, поэтому включает в себя не только наличие деревьев, кустарников, огородных грядок и цветочных клумб, но и историю судеб людей и событий, связанных с этим местом.

Площадь садового пространства имеет 10 соток. На ней расположены – огород, сад, хозяйственные постройки. По свидетельству жителя Королева, большого друга Сергея Николаевича с 1936 г., поэта Алексея Петровича Галкина: «... зелень в саду властвовала благодаря усилиям жены ученого – Ирины Алексеевны. Дачный участок сочетал в себе кусочек дикой природы, на котором при строительстве дачи были оставлены нетронутыми русские березы, дубки и другая растительность. Часть же территории была отведена под картофель, кабачки, клубнику. По всему участку были посажены яблони и сливы, которые начинали плодоносить. Вдоль тропинок, идущих по периметру ограды и сада, росли смородина и крыжовник. Дача стояла в стороне от дорог и предприятий. Ничто не нарушало тишины, которая так способствует творческим занятиям...»¹.

1 Галкин А.П. Мои встречи с Михаилом Васильевичем Нестеровым на даче С.Н. Дурылина // Башенко Р.Д. Знаменательные встречи. Симферополь, 2004. С. 115.

По устным воспоминаниям Виктории Николаевны Тороповой, автором книги о Дурылине, долго жившей в дурылинском доме, записанным автором статьи, из плодоносящих деревьев в основном росли яблони, сливы, маслины; из диких – березы, дубы, туи, ели, сосны. Из цветов в саду были преимущественно ландыши, флоксы, георгины и пиретрум – многолетнее растение с травянистыми побегами, похожее на ромашку, росшее по всему саду². Все яблони были обкопаны по периметру (около 1 метра от ствола). По ободку окружности вскопанной земли росли листья листового салата³. Яблонь в дурылинском саду наибольшее количество по сравнению с другими деревьями, они все в основном сохранились и плодоносят до сих пор. По свидетельству В.Н. Тороповой, слышавшей лично многое от Ирины Алексеевны Комиссаровой-Дурылиной, последняя, когда были неурожайные годы, подвешивала яблоки к веткам яблонь, чтобы создать картину «урожайного» года для Сергея Николаевича. Еще молодым яблоням дурылинского сада посвящены две одноименные живописных работы – «Цветущая яблоня». Первая, украшающая комнату Ирины Алексеевны, принадлежит кисти Роберта Рафаиловича Фалька⁴, а вторая Федору Сергеевичу Булгакову – мужу дочери Михаила Васильевича Нестерова Натальи Михайловны и автору копии с картины Нестерова «Тяжелые думы». На переднем плане картины изображены две цветущие кипельно-белым цветом яблони в саду большевского дома⁵.

Интересно также появление маслин в саду, к сожалению, в настоящее время там не растущих. В письме С.Н. Дурылина к М.С. Волошиной от 7 января 1951 года, он вспоминает, как однажды получил от М. Волошина посылку с ветками цветущей маслины: «В память Макса мы посадили в саду маслину – и она принялась и еще слабая уже цвела минувшим летом»⁶.

2 По воспоминаниям В.Н. Тороповой.

3 По воспоминаниям В.Н. Тороповой.

4 МА ДМД. КП-245.

5 МА ДМД. КП-654.

6 Цит. По кн.: Галкин А.П. Мои встречи с Михаилом Васильевичем Нестеровым на даче С.Н. Дурылина // Башенко Р.Д. Указ.соч. С. 136.

Отметим такой факт: часть фасада дома – окна гостевой комнаты и веранды, были снаружи обвиты плющом⁷.

Попытаемся представить, каким был дом при жизни его хозяев, пройдясь вокруг него по пути, которым обычно следует музейная экскурсия. С западной стороны, при входе на территорию и перед фасадом дома, по обеим сторонам от входной двери росли георгины⁸. От входа и далее, по южной стороне располагались многочисленные вишни, растущие и по сию пору⁹. Непосредственно напротив крайнего левого окна комнаты Ирины Комиссаровой-Дурылиной росла большая сосна, спиленная в 1960-х годах, а чуть далее, на юго-восточном углу дома, напротив окон терраски находилась скамейка (менее 1 метра от дома). От нее сохранилась вкопанная металлическая опора¹⁰. В том же юго-восточном углу сада и по ныне растут две березы. Они примечательны тем, что среди них замечательная певица, солистка Большого театра Надежда Андреевна Обухова под собственный аккомпанемент на гитаре исполняла романсы: «Что ты жадно глядишь на дорогу», «Утро туманное, утро седое», «Я встретил Вас, и все былое...» и многие другие. Жители соседних домов и гости слушали этот необычный концерт в саду и аплодировали. Между двух стволов этих «обуховских» берез, по воспоминаниям В.Н. Тороповой, росла рожь, посаженная И.А. Комиссаровой-Дурылиной, чтобы из окна кабинета Сергея Николаевича был виден «кусочек России»¹¹.

Далее, с восточной стороны сада открывается великолепный вид на застеклённую веранду и открытый балкон, с высоты которого видна колокольня церкви Косьмы и Дамиана, а весной – цветение яблонь, груш, вишен. В летнее время гостеприимная хозяйка Ирина Алексеевна и хозяин дома Сергей Николаевич радушно принимали гостей и за чашкой чая велись бесконечные беседы о литературе, театре, живописи. Можно было слышать пение птиц, наблюдать за жизнью домашних животных – кошечки «Муруши»

и пса, которых очень любил Сергей Николаевич. А птицы, чувствуя гостеприимство хозяина, всегда гнездились в его саду. Он заботился, чтобы своевременно были приготовлены для них места гнездования, понимал их и умел разговаривать с ними. Алексей Петрович Галкин рассказывал, как он однажды увидел Ирину Алексеевну на дереве с молотком в руке и со скворечником. Был поражен, как ей удалось одной так высоко прибить там скворечник. Если бы увидел это Сергей Николаевич, с ним бы случился инфаркт. И на вопрос: как же она может рисковать, — ответила просто, что делает это для него¹².

Прямо от дверей веранды к восточному забору шла тропинка, по обеим сторонам которой росли кусты черной смородины¹³. При жизни С.Н. Дурылина в конце сада у изгороди по центру бил родничок чистой прозрачной воды, из которого брали ключевую воду.

Напротив входа на веранду стоят две вечнозеленые туи. Та, что слева от выхода с веранды, посажена Ириной Алексеевной и Михаилом Васильевичем Нестеровым в 1937 году, а та, что справа, на другой день посадил А.П. Галкин после отъезда художника. В 1942 году Алексей Петрович прочитал Михаилу Васильевичу стихотворение, посвященное этим деревьям. Оно называется «Туя»:

«Я посадил ее такую, / Что до колен была. / И за пять лет малютка туя / Меня переросла. / Я под метели перебранку / Решил ее спросить:– Скажи, как можешь ты, южанка, / В стране морозов жить? / – Так и живу, как раньше жили / В сибирской стороне: / Боролись, мучились, любили, – / Она сказала мне»¹⁴.

Недалеко от левой туи росла ель, которой суждено было стать подлинной спасительницей дома. Эта невероятная история случилась 18 мая 1942 года. «Гости сидели на круглой веранде, мирно пили чай — отмечали именины Ирины Алексеевны и вдруг увидели падающий на них со страшным шумом наш самолёт. Кто-то успел спрятаться под стол. Но всех спасла ёлка, росшая перед верандой. Она задержала самолёт и смягчила удар. Никто не пострадал, и самолёт остался цел, и лётчик жив. Только керосин вытек, но

7 МА ДМД. КП-305/43.

8 По воспоминаниям В.Н. Тороповой.

9 МА ДМД. КП-305/318.

10 По воспоминаниям В.Н. Тороповой.

11 По воспоминаниям В.Н. Тороповой.

12 Галкин А.П. Память сердца. Калининград, 1993. С. 102.

13 МА ДМД. КП-305/318.

14 Галкин А.П. Указ.соч. С. 109.

Алексей Осипович успел собрать его в бабки, корыта, вёдра. Лётчик узнал Сергея Николаевича: оказалось, Дурылин читал в их части лекцию. Сохранилась фотография, на которой чётко виден самолёт, уткнувшийся носом в землю перед самой верандой»¹⁵.

По северному фасаду дома располагалась грядка флоксов, а чуть далее от нее – кусты жасмина. Первый рос на северо-восточном углу дома между терраской и окном гостевой комнаты, а 2-й куст был посажен почти напротив левого крайнего окна гостевой комнаты (1 метр от дома)¹⁶. Рядом с ними находился деревянный небольшой столик, на деревянной ножке из цельного обструганного ствола дерева, где любил сидеть Нестеров¹⁷. У северного забора (напротив стола) рос густой куст смородины¹⁸.

От Погребницы до Изобки тянулась хозяйственная часть сада (где находилась мастерская мужа Александры Алексеевны – Ивана Федоровича Виноградова, а также ныне существующий Ледник), отделенная от него небольшим заборчиком. «Небольшая ограда отделяет хозяйственный двор от сада. Недалеко от входа разбивали огород, сажали огурцы, кабачки, картошку и другие овощи. В саду росли фруктовые деревья и ягодные кусты, стояли улья для пчел и выделено было место для отдыха»¹⁹. Вдоль Погребницы были посажены пионы и находилась небольшая грядка лука, напротив окон кухни²⁰.

Таков был облик сада в 1930-1950-х годах XX века. В его тенистых уголках С.Н. Дурылину как нигде хорошо было думать, читать и беседовать со своими друзьями, которые уходили от него всегда благодарными. «Человек – это то, что

должно быть отогреваемо. Говорят, отогревают религия, искусство, наука. Нет: человек – человека», – писал Дурылин²¹. И эту обогревающую теплоту человеческого участия, протянувшуюся сквозь десятилетия, дом и болшевский сад продолжают дарить его гостям и сегодня.

Разумеется, чтобы сохранить эту теплоту и передать ее настоящим и будущим поколениям, недостаточно лишь восстановить некоторые утраченные компоненты дурылинского сада в виде цветов и кустарников. Необходима в первую очередь деятельное участие «человеческого фактора» в лице профессиональных экскурсоводов и сотрудников музея, которые смогли бы донести частицу своей любви к музею и свои знания до его посетителей.

Тем не менее представляется необходимым начать хотя бы частичную реставрацию дурылинского сада с привлечением всего имеющегося фактического материала (свидетельства и воспоминания очевидцев, архивные документы). Итогом этой работы могла бы стать карта (схема), на основании которой могли быть заново воссозданы (посажены) утраченные цветочные культуры и была бы проведено общее благоустройство территории. При этом надо учесть тот факт, что к настоящему времени не сохранилось никаких учетных документов по насаждениям (дендропланов и перечетных ведомостей).

Реконструкция дурылинского сада периода конца 1930-х – середины 1950-х годов нам видится как поэтапное воссоздание сначала его цветочно-клумбового покрытия, а затем и насаждение кустарников. В дальнейшем возможна частичная посадка некоторых утраченных деревьев.

Эта реставрация мемориальной территории необходима и как опыт воссоздания духовного пространства Дома и Сада и как актуальное возрождение культурной энергетики места.

Список литературы

1. Воспоминания В.Н. Тороповой.
  2. Галкин А.П. Мои встречи с Михаилом Васильевичем Нестеровым на даче С.Н. Дурылина // Башенко Р.Д. Знаменательные встречи. Симферополь, 2004.
  3. Галкин А.П. Память сердца. Калининград, 1993.
-
- 21 Дурылин С.Н. В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 328.

15 Торопова. В.Н. Сергей Дурылин. Самостояние. М., 2014. С. 291. Также приведем свидетельство В. Рыбалко: «Медленно, даже мягко, сгибая подставляемые ветви, самолет сполз на землю, замер, уткнувшись головой в цветочную клумбу...» (Рыбалко В. Самолет в подарок // Он же. Дома и души. Рассказы. Повести. Эссе. М., 2007. С. 274).

16 МА ДМД. КП-305/43.

17 МА ДМД. КП-305/43.

18 МА ДМД. КП-305/495.

19 Хрусталева Г.А. Дом С.Н. Дурылина в Болшеве с 1977 по 1993 год // Творческое наследие С.Н. Дурылина. Сб.ст. М.: Совпадение, 2013. С. 169.

20 По воспоминаниям В.Н. Тороповой.

4. Дурылин С.Н. В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006.

5. МА ДМД – Мемориальный Архив Дома-музея Дурылина.

6. Торопова В.Н. Сергей Дурылин. Самостояние. М., 2014.

7. Рыбалко В. Дома и души. Рассказы. Повести. Эссе. М., 2007.

8. Хрусталева Г.А. Дом С.Н. Дурылина в Болшеве с 1977 по 1993 год // Творческое наследие С.Н. Дурылина. Сборник статей. М.: Совпадение, 2013.

HOUSE AND GARDEN S.N. DURILINA IN BOLSHEVO AS A CULTURAL SPACE

Nefediev Georgy Vladimirovich,

Researcher MБУK IOC,

department “Memorial House-Museum of S.N. Durylina»,

119501, Moscow, st. Fan House, 3/3, apt. 9,

gneff@inbox.ru

Abstract

The article is devoted to a unique garden located around the S.N. Memorial House-Museum Durilina in Bolshevo. Built in 1936, the House becomes the center of the spiritual culture of the Moscow Region in the 1930s and 1950s of the 20th century. Based on memoirs of contemporaries and guests of the e-House, as well as archival materials stored in the Memorial House-Museum of S.N. Durilina, an attempt is being made to reconstruct the appearance of the garden as it was during the life of its owner. The article proposes to begin the restoration of the Durylinsky garden with the involvement of all the actual material available in the museum.

Keywords

Sergey Nikolaevich Durylin, Memorial House-Museum of S.N. Durilina, garden, reconstruction, F.S. Bulgakov, N.A. Obukhova, A.P. Galkin, fruit trees, berry shrubs, memories.

RAR
УДК 930
ББК 63.3(2)
10.34685/НИ.2019.27.4.003

БОЛШЕВСКИЙ ДЕТСКИЙ ПОСЁЛОК (1918–1928): К ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Бельская Светлана Андреевна,
научный сотрудник,
отдел «Усадьба Костино»
музейного объединения «Музеи наукограда Королёв»,
ул. Ильича, д. 1, г. Королёв, Московская область, Россия, 141070,
belskaya.s@mail.ru

Аннотация

В статье реконструируется история Болшевского детского посёлка, существовавшего на территории современного города Королёва в первые годы советской власти. Исследование основано на архивных источниках, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова

Советская власть, дети, беспризорность, социальное воспитание, детские учреждения.

Согласно передовым педагогическим взглядам первых советских лет, семейное воспитание, считавшееся пережитком прошлого, с развитием социалистического общества должно было полностью вытесниться общественным (социальным). В стране массово создавались учреждения интернатного типа, где дети (в первую очередь беспризорные) могли жить, учиться и получать трудовые навыки. В ряду таких учреждений оказался и организованный близ ст. Болшево Северной железной дороги (отсюда – название «Болшевский») детский посёлок – «цикл детских домов, начиная от грудного возраста до школы высшего типа»¹.

Предполагалось, что «вступив в посёлок с пелёнок, [воспитанники смогут] пройти в нём все ступени образования, получив при этом макси-

мум знаний, и выйти из него вполне подготовленным и приспособленным к новым коммунистическим формам общественной жизни»².

Посёлок создавался «в уездном масштабе»³ и планировался как «центральный», поэтому для его устройства был выбран приют «на 166 чел. детей при селе Болшеве Мытищинской волости» с лучшими в уезде условиями. «Расположенный в очень красивой сухой высокой местности, в отдалении от села, он со своими двумя большими зданиями, мог быть легко приспособлен под школу-интернат с ремесленными мастерскими»⁴.

Два больших здания в отдалении от села, упомянутые в документе, ранее принадлежали Яковлевскому приюту. (Фото 1.). Это заведение

1 Доклад об организации Болшевского Детского посёлка Московского уездного отдела социального обеспечения // ЦГА МО. Ф. 124 Оп. 1 Д. 64 Л. 2

2 Там же.

3 Отчёт Московского уездного отдела социального обеспечения за 1918-1919 гг. // Там же. Ф. 968 Оп. 1 Д. 2, Л. 10

4 Там же. Ф. 124 Оп. 1 Д. 64 Л. 2

Фото 1. Георгий Зайцев. У Яковлевского приюта. 1998 г. Картон, масло. Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв».

было создано в 1874 году для нищенствующих и бродяжничающих девочек. Поначалу приют располагался в Болшеве, а позднее – недалеко от села, на краю Комитетского леса⁵, где вырос целый комплекс зданий: два крупных корпуса с жилыми и учебными комнатами, лазарет, хозяйственные постройки.

В 1916 г. заведение для нищенствующих и бродяжничающих девочек закрылось⁶, а его здания отошли Московскому комитету по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. (Фото 2.). В одном из них разместили приют для мальчиков и девочек от 8 до 16 лет, в другом – приют для девочек от 8 до 16 лет. Территория, хозяйственные постройки, лазарет находились в общем пользовании. Скорее всего, и формально заведение было одно (оттиски печати приюта сохранились на документах 1918 г.), а такое разделение было особенностью структуры заведения (вероятно, в одном из зданий продолжали жить бывшие

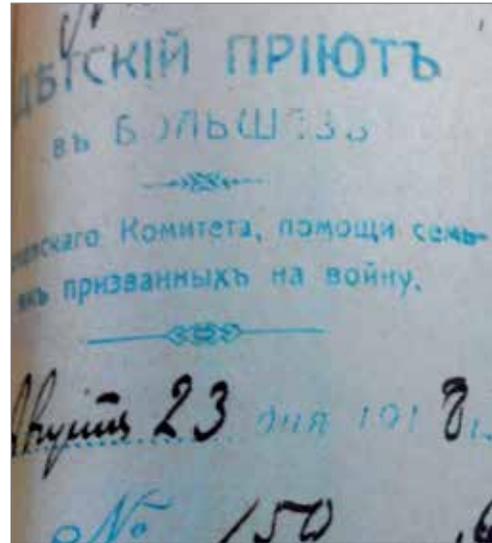

Фото 2. Оттиск штампа Большевского приюта Московского комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1918 г. ЦГА МО Ф.3981 Оп.4 Д.1 Л.16

воспитанницы Яковлевского приюта, в другом – поселили «новых» детей обоего пола).

В июле 1918 г. большевские благотворительные заведения перешли в ведение Московского уездного отдела социального обеспечения. (Фото 3.). Под руководством заведующей отделом Н.А. Леонтьевой в приютах был «проведён ряд мероприятий, вытекающих из требований нового строя жизни», в т. ч. «видоизменены штаты личного состава служащих»⁷.

Фото 3. Оттиск штампа Большевского детского посёлка. 1918-1920 гг. ЦГА МО Ф.3981 Оп.4 Д.1 Л.1

7 Отчёт Московского уездного отдела социального обеспечения за 1918-1919 гг. // ЦГА МО. Ф. 968 Оп. 1 Д. 2 Л. 6-7

5 До Октябрьской Революции часть земель на терр. совр. г. Королёва принадлежала Московскому попечительному о бедных комитету Императорского человеколюбивого общества. Память о комитете закрепилась в городских топонимах (ул. Комитетский лес, Комитетская, Большая Комитетская, Малая Комитетская)

6 Показания Александры Владимировны Якуниной // ЦГА МО. Ф. 4612 Оп. 1 Д. 156 Л. 69. История приюта описана в книге Р.Д. Позамантир, Л.К. Бондаренко. Калининград-Королёв. К космическим высотам из глубины веков. М. «Московский журнал». 1998. С. 31-32. Год закрытия заведения приводится впервые.

За сухим канцелярским языком документов стоят человеческие судьбы. В фонде Московского губернского революционного трибунала Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО) хранится «Дело Болшевского приюта, о незаконном пользовании продуктами и непризнании Советской власти А.В. Кретбер» (правильно – А.В. Крубер) и А.В. Якуниной». Антонина Владимировна Крубер заведовала смешанным приютом от 8 до 16 лет. Якунина Александра Владимировна – приютом для девочек от 8 до 16 лет. В архивном деле – сто с лишним листов. В числе судебных делопроизводственных документов – благодарственные письма к А.В. Крубер и А.В. Якуниной от бывших воспитанниц и их родственников, отзывы коллег (обе женщины работали в Большеве еще со времен Яковлевского приюта). Следствие было прекращено «в виду недоказанности предъявленных обвинений»⁸, но главное было сделано: вместо представителей «социально чуждых» пролетариату слоёв заведующим стал «рабочий-коммунист из Болшевской ячейки»⁹.

Помимо изменений в штате, с 15 сентября и до конца 1918 года Отделом были проведены работы по благоустройству зданий и территории приюта. Так, например «центральное отопление, вновь установленное в спешном порядке в одном из помещений <...>, позволило сразу увеличить число мест на 80»¹⁰.

Для устройства «показательного хозяйства» Постановлением Московского уездного земельного отдела Большевому детскому посёлку было предоставлено бывшее имение Р.И. Прове при селе Максимкове, включавшее в себя две тёплые дачи, большой летний дом и 20 десятин пахотной земли¹¹. В дачах разместили Дом ребёнка на 60 детей от рождения до 4 лет. Младенцы находились под постоянным присмотром врача-специалиста по искусственному вскармливанию.

В зданиях Яковлевского приюта проживали дети школьного возраста. Там же устроили мастерские, где мальчики и девочки обучались столярному делу и портновскому ремеслу. При Большевом детском посёлке была своя школа I ступени (с осени 1918 г. находилась в ведении органов народного образования), где наряду с общими предметами детям преподавали пение, рисование, игру на рояли и скрипке, ритмическую и физическую гимнастику. В программу вводились экскурсии, беседы, «чтения с фонарём».

Несмотря на общую нехватку медицинского персонала в уезде, при детском посёлке, в здании лазарета Яковлевского приюта, была устроена медицинская часть с тремя палатами, «с фельдшерницей и сёстрами»¹², изолятором и хорошо оборудованной аптекой».

В Посёлке постоянно проживал детский врач и работал стоматолог. Другие специалисты приглашались в случае необходимости.

На время полевых работ всех воспитанников переводили в Максимково и размещали в большом летнем доме. Дети участвовали в запашке под весенние посевы, ухаживали за огородом и парниками. В условиях нарастания продовольственного кризиса обучение сельскохозяйственным работам было не только частью трудового воспитания, но и жизненной необходимостью.

Декретом СНК РСФСР от 2 декабря 1920 г. вопросы опеки и попечительства были переданы из комиссариата социального обеспечения в комиссариат просвещения. Большевский детский посёлок, соответственно, перешёл в ведение Московского отдела народного образования (МОНО). Эти меры призваны были оптимизировать работу, но голод в Поволжье привёл к тому, что беспризорность в стране приобрела характер стихийного бедствия. Для приёма детей из голодающих губерний в срочном порядке открывались новые учреждения, в имеющихся – в разы увеличивалось число подопечных. Показательны следующие цифры: на 1 января 1921 г. в стране было 7087 детских домов (242 – в Московской губернии), в которых проживало 349503 детей; 1 июля 1921 г. – 7894 дет. домов, 400223 детей; 1 января 1922 – 11583 дет. домов

8 Выписка из протокола [судебного заседания] // ЦГА МО. Ф. 4612 Оп. 1 Д. 156 Л. 1

9 Отчёт Московского уездного отдела социального обеспечения за 1918-1919 гг. // Там же. Ф. 968 Оп. 1 Д. 2 Л. 54-55

10 Там же. Л. 14

11 Доклад об организации Большевого детского посёлка Московского уездного отдела социального обеспечения // Там же. Ф. 124 Оп. 1 Д. 64 Л. 2

12 Отчёт Московского уездного отдела социального обеспечения за 1918-1919 гг. // ЦГА МО. Ф. 968 Оп. 1 Д. 2 Л. 46

и 695000 детей¹³. В Большевском детском посёлке на 12 сентября 1921 года находилось 332 воспитанника и 101 ед. штата¹⁴ – самое большое число детей и служащих за всё время существования учреждения. (Фото 4.).

Фото 4. Оттиск печати Большевского детского посёлка. 1918-1920 гг. ЦГА МО Ф.3981 Оп.4 Д.1 Л.12

По данным на первое полугодие 1922 г. в Посёлке проживало уже 254 ребёнка. Из них 44 – дошкольники, 210 детей школьного возраста (205 чел. – учащиеся I ст., 5 чел. – II ст.). Интересно, что только чуть больше половины подопечных (132 чел.) были круглыми сиротами. Остальные – полусироты и дети из полных семей.

Заведовал учреждением с 4 апреля 1919 г. и, по крайней мере, по февраль 1923 г. Л.З. Трушкин (с 1 января 1921 года он возглавлял ещё и подотдел охраны детства УОНО). Штат составлял 59 чел. и распределялся следующим образом: педагогический состав – 22 чел., технический персонал – 29, работники сельского хозяйства – 6, завхозы – 2. Медперсонал отсутствовал. Хозяйство включало в себя 17 дес. пахотной земли и 1,5 дес.

огородной, 6 лошадей, 17 ед. рогатого скота и 5 ед. прочей живности¹⁵.

Постановлением СНК РСФСР от 30 августа 1923 года все учреждения социального воспитания фактически перешли на содержание местных бюджетов. Сокращение финансирования привело к массовому закрытию детских домов, в оставшихся – ухудшились условия. Для Большевского детского посёлка отголоском указанного Постановления стала потеря в 1924 году территории Яковлевского приюта: вместо специально построенных для детей капитальных зданий Посёлку были предоставлены две дачи в Комитетском лесу, в т.н. Тихоновке (топоним был «народным», произошёл от фамилии бывшего владельца одной из дач, точное местонахождение неизвестно).

На 19 декабря 1924 г. в Посёлке проживало 111 детей. При этом лишь 44 ребёнка имели документы о рождении¹⁶. У остальных были только анкеты и личные карточки – традиционные для детских учреждений документы учёта.

На 26 октября 1925 г. значилось 120 детей¹⁷.

На 19 февраля 1926 г. – 150¹⁸.

Сведения о жизни, учёбе, досуге воспитанников Большевского детского посёлка обрывочны. Дети учились в двух школах – при фабрике им. Сталина и Большевской школе I ступени. Занятия проходили в две смены.

В Посёлке был Пионерский отряд (138-й отряд юных пионеров Московского уезда).

В детских домах практиковалось самоуправление. Сохранился протокол одного из собраний воспитанников от 27 ноября 1924 г., по итогам которого дети составили обращение в Жилищно-строительное кооперативное общество «РАБСТРОЙ» (Москва, ул. Никольская, д. 4) с просьбой установить над ними шефство. В письме указывалось, что «помощь [шефов] будет состоять в том, что РАБСТРОЙ будет присылать <...> журналы, газеты, книги»¹⁹. Шефство было установлено, но скорее всего, носило лишь формальный характер, так как никаких положительных

13 Статистические сведения о количестве детских домов и воспитателей в них по губерниям и ведомствам в 1922 г. // ГА РФ. Ф.1575 Оп.3 Д.168 Л.2-4

14 Список детей и служащих в Большевском детском посёлке на 12 сентября 1921 г. // ЦГА МО. Ф.966 Оп.1 Д.335 Л.136-139

15 Там же. Л.62

16 Отчёты о состоянии Большевского детского посёлка за 1924-1926 гг. // Ф.4424 Оп. 1 Д.107 Л.32

17 Там же. Л. 67

18 Там же. Л. 89

19 Там же. Л. 26-28, 30

изменений в культурной жизни Посёлка с тех пор не произошло.

К концу 1926 г. в детских домах не было ни библиотеки, ни мастерских, ни каких-либо условий для организованного досуга. Трудовое воспитание сводилось к самообслуживанию. Бытовые условия были крайне тяжёлыми. В морозы из-за недостатка дров печи топились всего два раза в неделю, поэтому во всех помещениях стоял холод. Тёплые уборные не работали. Критическим было и положение с предметами повседневного обихода, что подтверждается актом обследования детдома в Тихоновке инспектором социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН) МОНО 18 ноября 1926 г.: «Имеется одно ведро, служащее одновременно для кипятка, чая, горячего и мытья посуды. На 34 челов. имеется 20 кружек для чая. Не хватает 10 столовых ложек, так что приходится обедать по очереди. Ощущается сильный недостаток мыла... На кроватях не хватает досок. Тюфяки и одеяла очень ветхие, так что дети часто спят не раздеваясь. Обувь не у всех детей. Валенки только у 4, у остальных же дырявые ботинки. <...>Некоторые дети не могут ходить в школу из-за отсутствия обуви»²⁰.

Всего, по данным на конец 1926 г., в Большевском детском посёлке проживали 175 чел. Из них – несколько подростков от 15 до 18 лет, учащихся ФЗУ при фабрике им. Сталина, остальные – школьники от 9 до 14 лет²¹. Штат учреждения составлял 21 чел.: 4 воспитательницы и 3 школьных работника, остальные – технический персонал.

Средства на питание детей Посёлка выделялись МОНО из расчёта 7 р. 50 коп. на одного ребенка в день. Продуктовый паёк включал в себя: хлеб – 1,25 ф. чёрного и 0,5 ф. белого, мясо – 16 зол. (4-5 раз в нед.), масло – 6 зол. подсолнечного и 1,25 зол. сливочного, сахар – 4,25 зол. (3 – на чай, 1,25 – на кашу), картофель – 2 ф. (1 ф. на суп), капуста – 1 ф., крупы – 0,5 ф., горох – 1,25 ф.²² (фунт = 453 г, золотник = 4 г). Большим полагалось «усиленное питание», но на практике оно не выдавалось. Дети не получали никакой медицинской помощи, хотя нуждающихся в ней было достаточно:

Фото 5. Фрагмент публикации о Большевском детском посёлке. Путиловский М. История одного посёлка // Комсомольская правда. 31 декабря 1926 г

многие страдали фурункулёзом, чесоткой и другими кожными заболеваниями, все воспитанники Посёлка имели «изсине-бледный цвет лица, покрасневшие руки с опухшими суставами рук»²³.

Бедственное положение детей привлекло внимание прессы, и в последний день 1926 года репортаж о жизни Большевского детского посёлка появился в газете «Комсомольская правда». (Фото 5.). Большая часть публикации посвящалась равнодушию, халатности и преступным действиям служащих, благодаря которым жизнь детского учреждения напоминала «криминальные сводки».

В 1924 г. завхоз Петров растратил 300 рублей и исчез. Вместо Петрова назначен Н.И. Зайцев, который также был уличён в растратах. Следующий завхоз, М.В. Каришев, уволен за бесхозяйственность. 17 мая 1926 г. назначен И.М. Назаров, член ВКП(б), который «превратил [детский] дом в гнойник...»²⁴.

С заведующими дела обстояли не лучше. В 1924 г. П.К. Нуркин привлечён к уголовной ответственности за «беззаконную и бесхозяйственную деятельность». В декабре 1924 г. назначен В.М. Добряков, который вскоре украл ок. 2 тыс. рублей, выделенных МОНО на детское питание, и исчез. Осенью 1925 г. заведующей посёлком стала кандидат в члены ВКП(б) Бабичева. Как и предшественники, проработала она недолго: была замечена в воровстве и нецелевом расходовании средств. Правда, ревизия уездного отдела нарушений не обнаружила, а «председатель ревкомиссии тов. Фейлер, возглавлявший ревизию, сделал «оргвыводы»: женился на Бабичевой и вместе они уехали

20 Акт обследования Большевского детского посёлка инспектором СПОН МОНО от 18 ноября 1926 г. // ЦГА МО. Ф. 4424 Оп. 1 Д. 333 Л. 55

21 Там же. Л. 53

22 Там же. Л. 53 об

23 Акт обследования Большевского детского посёлка инспектором СПОН МОНО от 18 ноября 1926 г. // ЦГА МО. Ф. 4424 Оп. 1 Д. 333 Л. 56

24 М. Путиловский. История одного посёлка // Комсомольская правда. 31 декабря 1926 г.

в Новосибирск. После отъезда новая заведующая Мигунова не досчиталась 172 пар детских галош, 44 м ткани»²⁵.

Как говорится, всё это было бы смешно, если бы не было так грустно, тем более что подобное творилось не только в Болшеве. В 1920-е годы воровство в детских учреждениях продуктов, одежды, постельного белья, мыла и т.п. было обычным делом. Не редкостью были случаи, когда «персонал (а иногда и вместе с родственниками) фактически существовал за счет детских пайков»²⁶.

Разгромная публикация в «Комсомольской правде» всколыхнула аппарат МОНО. Прошли внеплановые проверки «из центра», была уволена очередная заведующая Мигунова, сумма на питание детей увеличена до 8 р. 50 коп. в день, отпущены средства на оборудование детских домов Посёлка, одежду и обувь для подопечных. Однако вся эта работа не привела к качественным изменениям в жизни учреждения. Сотрудник НКВД, посетивший один из детских домов Посёлка в марте 1927 г., отмечал «крайне истомлённый вид детей, совершенно изношенное, разорванное платье»²⁷. 31 мая 1927 г. во время купания в Клязьме утонул воспитанник Алексей Горбачёв 11 лет. Несчастный случай произошёл из-за того, что 30 детей находились на реке без спасательных средств и без сопровождения взрослых.

Наказанием персоналу за смерть ребенка стал всего лишь выговор от МОНО «за недостаточно внимательное отношение к своим обязанностям»²⁸ заведующей детским домом М.С. Карловой.

Отсутствие строгих мер по отношению к служащим детских учреждений объяснялось, прежде всего, нехваткой кадров. Отбор педагогов по «правильному» классовому происхождению как

основному критерию (подчас в ущерб образованию и опыту), сложные условия работы приводили к «текучке» и появлению в детских домах случайных людей. Но, как известно, любое дело держится на истинных энтузиастах. Они были и среди служащих детского посёлка. Во многом именно благодаря порядочности, ответственности, преданности своему делу этих людей, в Болшеве были спасены сотни человеческих жизней. Таким энтузиастом был, например, пионервожатый Владимир Цветков, который неоднократно писал в МОНО об ужасном состоянии зданий Посёлка, добивался капитального ремонта большой дачи в Максимкове, указывая на то, что таковой «не проводился со времени постройки, т. е. с 1897 года»²⁹.

Ремонт дома, в конце концов, был проведён, но на этом, судя по всему, в истории Болшевского детского посёлка была поставлена точка. Дата расформирования не установлена, однако в документах МОНО за 1927 г. неоднократно упоминаются планы по приспособлению большого дома усадьбы Р.И. Прове под зимнее проживание с тем, чтобы перевести в него всех детей Посёлка³⁰. Известно, что в 1927 г. ремонт ещё не был проведён, но уже в справочнике «Вся Москва» за 1929 г. в списке загородных учреждений Болшевский детский посёлок отсутствует, а по адресу «ст. Болшево, Сев.ж. д., дер. Максимовка» значится Болшевский детский дом³¹. Исходя из этих сведений, можно сделать вывод, что учреждение было упразднено в 1928 году после ремонта дома в Максимкове и перевода туда детей из других зданий.

Преимницей детского дома в Максимкове стала открывшаяся в 1944 г. Санаторно-лесная школа. (Фото 6.). В 1953 г. в школе произошёл пожар, в результате – бывший дом Р.И. Прове был утрачен³². Учебное заведение (сегодня это «Школа-интернат для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья») на месте бывшей усадьбы

25 Там же

26 Т.М. Смирнова. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. Институт российской истории Российской академии наук. — М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 223-224

27 Копия письма сотрудника НКВД в СПОН МОНО о состоянии Болшевского детского посёлка // ЦГА МО. Ф. 4424 Оп. 1 Д. 333 Л. 45

28 Служебная записка заведующего УОНО зав. Болшевским дет. домом от 10.06.1927 г. // Там же. Л. 28

29 Протоколы собраний школьного совета Болшевского детдома // ЦГА МО. Ф. 4424 Оп. 1 Д. 107 Л. 67, 70

30 Выписка из протокола общего педагогического совещания Болшевского детпосёлка с приложением материалов // Там же. Д. 333 Л. 27, 38, 63 об

31 Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1929 год: 5-й год издания Московского Совета: - М., 1929. С. 249

32 Б. Ежов. На древнем селище // Калининградская правда. 9 июля 1994 г.

Фото 5. Фрагмент публикации о Болшевском детском посёлке. Путиловский М. История одного посёлка // Комсомольская правда. 31 декабря 1926 г

существует и по сей день (современный адрес – г. Королёв, мкр. Первомайский, ул. Горького, д. 16, учебный корпус построен в 1970 г.) и является единственным учреждением, связанным с Болшевским детским посёлком историей и местом расположения.

Одна из самых досадных утрат архитектурного наследия города – комплекс Яковлевского приюта. (Фото 7.). Несколько десятилетий он использовался под жилые нужды и запомнился местным жителям под народным названием «Мадрид». Доминантой комплекса был один из корпусов приюта, т.н. «Красный дом» (или «Костёл», «Мадрид»)³³. Крепкое кирпичное здание могло бы стать одним из интереснейших экскурсионных объектов Королёва, но было снесено вместе с другими постройками в середине 1980-х гг. (сегодня на этом месте расположен дом № 38/2 по ул. Б. Комитетская).

Отсутствие материальных свидетельств, нехватка визуальных материалов создают определённые сложности в изучении истории Болшевского детского посёлка, хотя, в общем, перспективы расширить и углубить знания об этом учреждении за счёт новых сведений есть, так как не все документальные источники изучены. Кроме того, за время работы в архивах, были накоплены материалы о других детских учреждениях, существовавших в Болшеве и окрестностях в первые послереволюционные годы. Комплексное исследование, по-

Фото 7. Двор дома № 38/2 по ул. Б. Комитетская. На этом месте располагался комплекс зданий Яковлевского приюта (в 1918-1924 гг. – Болшевский детский посёлок). Фото Мариш Мироновой. 2019 г.

свящённое этим учреждениям, будет интересно и в рамках истории города, и как материал для научных работ по истории формирования советской системы охраны детства.

Для музейного объединения города Королёва Болшевский детский посёлок представляет интерес и с практической точки зрения. Копии документов, фотографии, вкуче с предметами быта 1920-х гг. и информацией о других воспитательных учреждениях могут составить новый раздел экспозиции.

Список литературы

1. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1929 год: 5-й год издания Московского Совета. М., 1929. С. 249.
2. Ежов Б. На древнем селище // Калининградская правда. 9 июля 1994 г.
3. Мержанов С. Яковлевский приют, «Мадрид», «Костёл»... // Спутник. 23 ноября 1996 г.
4. Позамантир Р.Д., Бондаренко Л.К. Калининград-Королёв. К космическим высотам из глубины веков. // «Московский журнал», 1998. С. 31-32.
5. Путиловский М. История одного посёлка // Комсомольская правда. 31 декабря 1926 г.
6. Смирнова Т.М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. Институт российской истории Российской академии наук. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 223-224.

33 С. Мержанов. Яковлевский приют, «Мадрид», «Костёл»... // Спутник. 23 ноября 1996 г.

BOLSHEVSKY CHILD VILLAGE (1918-1928): TO THE HISTORY OF SOCIAL EDUCATION IN SOVIET RUSSIA

Belskaya Svetlana Andreevna,

Researcher,

Department "Manor Kostino"

Museum Association "Museums of the Science City of Korolev",

st. Ilyich, 1, Korolev, Moscow Region, Russia, 141070,

belskaya.s@mail.ru

Abstract

The article reconstructs the history of the Bolshevsky children's village, which existed on the territory of the modern city of Korolev for the first time during the years of Soviet power. The study is based on archival sources, most of which are first introduced into scientific circulation.

Keywords

Soviet power, children, homelessness, social education, child care facilities.

RAR
УДК 008
ББК 71
10.34685/НН.2019.27.4.004

КИНОСЦЕНАРИЙ М. ГОРЬКОГО О ТРУДОВЫХ КОММУНАХ¹

Плотникова Анастасия Геннадьевна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Институт мировой литературы им. А.М.
Горького Российской академии наук
ул. Поварская, д. 25А, Москва, 121069,
filologinya@gmail.com

Аннотация

В статье на основе архивных документов освещается деятельность М. Горького по поддержке трудовых коммун для беспризорников и исследуется история его сценария «Преступники». В сценарии изображается процесс перевоспитания малолетних правонарушителей в коммунах ОГПУ. В разработке сценария, кроме Горького, принимали участие Г.Г. Ягода, М.С. Погребинский и воспитанники трудовых коммун. Фильм не был поставлен, но сценарий «Преступники» является важной частью творчества М. Горького.

Ключевые слова

Максим Горький, Г.Г. Ягода, М.С. Погребинский, А.М. Роом, киносценарий, кинематограф, трудовая коммуна, Болшевская коммуна.

---

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-012-00325).

Максим Горький всегда принимал деятельное участие в судьбе социально незащищенных детей. Еще в начале XX века он стал организатором нескольких социальных проектов, призванных помочь нижегородским рабочим. Несколько лет подряд он устраивал благотворительные елки, где дети не только смотрели представление, но и получали практичные подарки: одежду, ткани, предметы обихода, продукты.

В первые послереволюционные годы страну захлестнула волна детской беспризорности и, как следствие, преступности. В 1920 г. Горький писал В.И. Ленину: «А засим обращаю Ваше внимание на необходимость принять решительные меры по борьбе с детской преступностью <...> я предлагаю организовать “Лигу борьбы с детской преступностью”, куда мною будут приглашены все наиболее авторитетные деятели по вопросам воспитания дефективных детей и по вопросу о борьбе с преступностью детской»¹. Писатель живо интересовался судьбой детской колонии Союза Городов, попавшей в окружение во время Гражданской войны на Дальнем Востоке, изучал отчеты о детской преступности, обсуждал с педагогами варианты устройства детских исправительных учреждений, присутствовал на заседаниях комиссии по борьбе с детской преступностью и выступал на I Всероссийском съезде по борьбе с детской дефективностью.

В второй половине 1920-х годов Горький искренне восхищался успехами трудовых коммун. Во время путешествия по Советскому Союзу в 1928 г. писатель посетил коммуны А.С. Макаренко в Куряже (Фото 1.) и в Харькове, впервые приехал в коммуны ОГПУ № 1 (в Болшеве) и № 2 (в Люберцах), которые не раз навещал и впоследствии. М. Горький сам называл себя «бывшим социально-опасным», эта проблема была ему хорошо знакома по собственному жизненному опыту.

Рассуждая об опыте коммун в цикле очерков «По Союзу Советов», он писал: «Кое-что о жизни уличных детей я знаю от времен моего детства. В 91–92 годах видел сотни ребятишек, спасавшихся от голода в сытых краях <...> О “колони-

Фото 1. М. Горький с воспитанниками колонии А.С. Макаренко в Куряже. 1928 г. Мемориальный музей-квартира А.М. Горького.

ях малолетних преступников” старого, царского времени у меня тяжелые воспоминания»².

В 1920–1930-е годы Горький вел активную переписку с А.С. Макаренко, М.С. Погребинским, С.П. Богословским и другими деятелями коммунарского движения. В 1935 г. во время приезда французского писателя Р. Роллана в СССР на даче Горького в Горках–10 был показан самодеятельный концерт, в котором участвовали воспитанники подмосковных трудкоммун. После спектакля Горький представлял артистов Роллану: «Ведь Вы поймите только, дорогой Ромен, ведь все эти чудесные артисты – бывшие правонарушители, и не будь советской власти, что бы с ними стало? Они бы пополнили число обитателей моего “Дна...”»³.

Получая на отзыв книги о перевоспитании правонарушителей, писатель стремился поддержать авторов. Так, в 1927 г. он называл «замечательной» и «умопомрачительной» книгу Л. Пантелеева и Г. Бельх «Республика ШКИД»⁴, помог опубликовать книгу А.С. Макаренко «Педагогическая поэма», написал предисловие для сборника произведений бывших беспризорных «Вчера и сегодня», где так формулировал цель книги: «... чтобы тысячи беспризорных и социально опасных нашей огромной страны <...> убедились на факте выхода сборника, что пред ними действи-

1 Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. С. 69.

2 Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 27. С. 154–155.

3 Терентьев М. Принципы воспитания // Коммуна в Николо-Угреше. М., 2012. С. 69.

4 Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2013. Т. 16. С. 275.

тельно открыты все пути к честной и социально полезной работе»⁵.

Одна из последних редактируемых Горьким книг – сборник «Болшевы», который рассказывал о становлении и развитии Трудовой коммуны ОГПУ № 1 в Болшеве, об «индивидуальных перерождениях» коммунаров. В предисловии к книге Горький писал: «Вместе с книгами А. Макаренко “Педагогическая поэма” и Иды Авербах “От преступления к труду” эта книга вносит в нашу литературу замечательный рассказ о работе инженеров душ, которые воспитывают тысячи людей в трудкоммунах, <...> которая показывает, как реально, фактами – осуществляется в Стране Советов пролетарский и коммунистический гуманизм»⁶.

Горькому была интересна и близка эта тема, поэтому, когда появилась идея создания фильма «Преступники», он отнесся к ней с большим энтузиазмом, поскольку видел широкие воспитательные и пропагандистские возможности кино.

Советский кинематограф к началу 1930-х годов уже накопил некоторый опыт в теме борьбы с беспризорностью и детской преступностью. Еще в 1923 г. был снят художественный фильм «Беспризорные» (реж. В. Карин). В создании картины в качестве консультанта участвовал сам Ф.Э. Дзержинский. В фильме была показана энергичная и самоотверженная работа ЧК по изменению жизни малолетних преступников в специальных колониях, где основой воспитательной работы являлся труд. В 1924 г. вышел фильм «Теплая компания» (реж. Л. Мур). В нем сотрудник ЧК собирал группу ребят, от которых отказались все остальные исправительные учреждения. Поначалу дети с недоверием относились к новой жизни в коммуне, однако со временем, увлекшись производственной и общественной работой, они оставили мысль о побеге. Основной сюжет дополнялся авантюрной линией бывшего беспризорника, который помог раскрыть шпионскую организацию. В центре фильма «Марийка» (1925, реж. А. Лундин) история крестьянской девочки-сироты, которую заставили стать помощницей

в воровском притоне. Позже, вступив в пионерский отряд, Марийка полностью изменила свою жизнь и в итоге встретила со своей старшей сестрой, которая жила и давно разыскивала ее. О жизни в коммунах, о процессе перевоспитания детей и подростков рассказывали картины «Мишка Звонов» (1927, реж. П. Малахов), «Раба» (1927, реж. и опер. А. Яловой), «Два шалуна» (1927, авт. сцен. и реж. Н. Кахидзе), «Митька, Петька и Чемберлен» (1927, реж. А. Сегель), «Оторванные рукава» (1928, реж. Б. Юрцев, авт. сцен. И. Пырьев), «Беспризорные» (1928, реж. Д. Эрдман), «Золотой мед» (1928, реж. Н. Береснев) «Лягавый» (1930, реж. П. Кириллов) и др.

Самым известным стал фильм «Путевка в жизнь» (1931, реж. Н.В. Экк). О процессе создания картины вспоминала сценарист Регина Янушкевич: «В те времена в нашем кинематографе процветал жанр “культурфильма”. Межрабпом заказал нашей троице сценарий такого фильма о беспризорных детях. Для этого мы <...> посещали тюрьмы <...>, побывали в нескольких детских коммунах, общались с чекистами, сотрудниками уголовного розыска, встречались на московских улицах с беспризорниками»⁷. Изначально планировался научно-просветительский фильм, но обилие интересного материала, собранного сценаристами, убедило «Межрабпом» и Деткомиссию ВЦИК о необходимости съемок художественного фильма. Фильм «Путевка в жизнь» приобрел огромную популярность у зрителей, демонстрировался в 107 странах мира, получил признание советских и зарубежных кинокритиков, а в 1932 г. заслужил награду I Международного кинофестиваля в Венеции.

Фильм по сценарию М. Горького «Преступники» должен был превзойти все образцы этого жанра. Однако инициатором его создания стал вовсе не писатель, а шеф ОГПУ Генрих Ягода. В марте 1931 г. он сообщал об своих идеях писателю почтой, а летом 1931 г. в Москве Горький и Ягода обсуждали сценарий о беспризорниках, был написан развернутый план произведения. (Фото 2.). В конце 1931 г. Горький уже выслал в Москву из Сорренто часть сценария.

Основное время работы над произведением – 1931–1932 годы. Горький в это время изу-

5 Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 26. С. 228.

6 Болшевы: Очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягоды трудкоммуны НКВД / Под ред. М. Горького. М., 1936. С. 10.

7 Янушкевич Р. Великий немой заговорил / Публ. О. Романовой // Киноведческие записки. 2011. № 98. С. 59.

Фото.2. Г.Г. Ягода, М. Горький, М.С. Погребинский.
1932 г. Мемориальный музей-квартира А.М. Горького

чал статистические материалы о детской преступности, неоднократно посещал трудовые коммуны ОГПУ и другие воспитательные учреждения, беседовал с ребятами и педагогами. В соответствии с близкой писателю идеей «коллективного творчества» предполагалось, что он напишет только первую часть сценария, до 1922 г., а вторую часть должен был написать М.С. Погребинский, сотрудник ОГПУ и куратор трудовых коммун. В письме от 3 января 1932 г. он писал Горькому: «Все же я надеюсь от Вас получить письмо <...> за прилагаемую при этом мазню <...> Г<енрих> Г<ригорьевич> (Ягода. – А.П.) мне говорил, что Вы напишете до 22-го года, а я должен дать наброски – Звенигорода и Болшево»⁸.

Далее Погребинский давал пояснения к своей части сценария:

«Кто они» написано для того, чтобы дать некоторые картинки жизни перед изъятием с улицы, а также за счет кого и как <...> пополнялся воровской мир <...>

“Преступники”, конечно, написано мной далеко не полно. И тут вся надежда на Вас.

Единственное, что я мог бы еще сделать – это рассказать режиссеру и участвовать – вернее, проконсультировать при съемке»⁹.

Рукопись М.С. Погребинского не сохранилась, однако Горький писал Ягоде, отправляя отредактированный сценарий: «Вы видите, что последней части материала, данного Погребин-

ским, я не касался, написал только введение к нему в форме чьей-то напутственной речи агентам»¹⁰.

Конечно, уверенности в литературных способностях Погребинского не было ни у него самого, ни у Горького, ни у Ягоды. Под авторством Матвея Погребинского вышло несколько книг: «Трудовая коммуна ОГПУ» (1928), «Фабрика людей» (1929), «Реформа тюрем и перспективы исправительно-трудового дела в СССР» (М.: НКВД СССР, 1929), однако все это были небольшие брошюры, а не художественные сочинения. Существенные различия в стиле этих книг позволяют усомниться даже в том, что их автором был один человек. Трудно установить, насколько Горьким был использован именно тот текст, который Погребинский прислал 3 января 1932 г., однако при анализе сценария «Преступники» легко выявляются связи текста с книгой «Фабрика людей» и с планом, приведенным в его письме.

В конце января 1932 г. Горький отправил черновой вариант сценария Г.Г. Ягоде, и тот вносил в текст некоторые изменения: «Вот мои маленькие, скорее, технические поправки»¹¹. Горький приветствовал «коллективный» способ работы над произведением, привлекал к его созданию и кинематографистов, и сотрудников и воспитанников трудовых коммун: «Весь материал по сбору беспризорных с улиц и затем по организации колонии мы должны раздраконить тоже совместно с Мотей (М.С. Погребинским. – А.П.) и режиссерами, один я не могу сладить с ним»¹².

В 1932 г. сценарий дважды обсуждался воспитанниками Трудовых коммун № 1 и № 2. В сообщении, подготовленном для прессы, участие коммунаров отмечалось особо: «Первая и вторая трудкоммуны ОГПУ всемерно помогают работе над фильмой, выделив в помощь фабрике специальные группы актива из среды наиболее талантливых коммунаров. Консультируют группу основатели и организаторы коммуны»¹³.

Первое обсуждение состоялось 14 мая 1932 г. в Николо-Угрешской коммуне. На том многолюд-

8 Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН). КГ-од-2-31-11.

9 Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН). КГ-од-2-31-11.

10 Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2019. Т. 21. С. 59.

11 Переписка М. Горького с Г.Г. Ягодой / Публ. Л.А. Спиридоновой // Неизвестный Горький. Вып. 3. М., 1994. С. 183.

12 Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2019. Т. 21. С. 59.

13 Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН). ХПГ-43-1-3а.

ном собрании присутствовали Матвей Погребинский, руководители (Алексей Чекмазов) и рядовые члены коммун (Ермаков, Аболмасов, Ситников и др.). Стенограмма этого совещания опубликована¹⁴, оригинал хранится в Архиве А.М. Горького¹⁵. Воспитанники высказывали свои соображения о том, что выглядит в сценарии правдивым, а что вызывает сомнения, предлагали новые сюжетные ходы и эпизоды. Предложения коммунаров были основаны на их собственном жизненном опыте: ребята вспоминали о своей прошлой беспризорной жизни, о строительстве коммуны, о существующих в ней порядках. Горький не присутствовал на заседании, но позднее стенограмма была ему передана, и, судя по пометам, писатель читал документ очень внимательно. Некоторые места отчеркнуты красным карандашом и напротив написано рукой Горького: «взять». Действительно, многие эпизоды писатель использовал во окончательном варианте сценария.

В июле 1932 г. сценарий обсуждался повторно, на этот раз в Болшевской коммуне. О том, как это происходило, рассказывал в письме от 30 июля 1932 г. М.С. Погребинскому А.Н. Погодин, заместитель начальника Болшевской коммуны по воспитательной работе: «... Генрих Григорьевич передал сценарий <...> мы стали обсуждать сценарий – Сергей Петрович находит социальные корни беспризорности чрезвычайно нагроможденными. Агент во второй части совсем не убедителен. Методика не видна. Побег не развернут. Зарождение коммуны дано очень прекрасно и разговоры ребят очень верны <...>

В другой раз собрались и проработали две первые главы и надо сказать, Алексей Максимович согласился об этом после, и наконец 18-го приехал режиссер Роом, он будет ставить фильм, и мы провели с ним беседу. Друг друга поняли и дело будет. Одно только: он сторонник игры актеров-спецов на главные роли, а на вторые положения и массовки наши ребята, но думается, когда он подойдет ближе, узнает ребятшек, переменится»¹⁶. (Фото 3.).

Летом 1932 г. Горький встречался с режиссером А.М. Роомом на своей даче и обсуждал

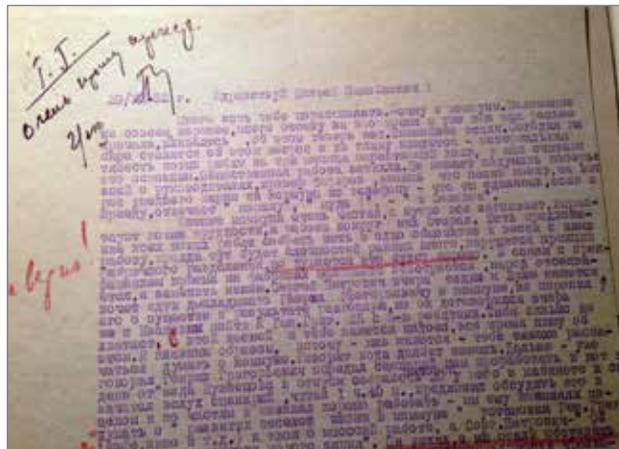

Фото 3. Письмо А.Н. Погодина М.С. Погребинскому. 1932 г. Пометы М. Горького и М.С. Погребинского. Архив А.М. Горького

с ним фильм. В газете «Кино» была опубликована статья Роома «Создадим фильму, достойную юбиляра и эпохи», где режиссер сообщал: «Сценарий еще не закончен, но то, что есть вся образная система, характерна вся речевая сторона, – представляет исключительную культурно-художественную ценность»¹⁷. Впоследствии Роом вспоминал о совместной с Горьким работе над сценарием: «Алексей Максимович был недоволен фильмом “Путевка в жизнь” <...> И <...> сам решил написать на эту тему сценарий <...> В нескольких беседах со мною, как режиссером этого фильма, Алексей Максимович давал очень много полезных, ценных указаний, детали, которые делали ясными, видимыми, живыми сцены сценария»¹⁸. В 1934 г. Горький хотел привлечь к работе над фильмом С.М. Эйзенштейна, но тот отказался и позднее вспоминал: «И старик до самой своей смерти <...> так и не мог забыть и простить мне этот outrage»¹⁹.

Судя по всему, Горький не терял интереса к работе, но сценарий «Преступники» так и не был закончен, а съемки фильма даже не начинались. Произошло это по нескольким существенным причинам.

14 Плотникова А.Г. М. Горький и кинематограф. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 259–270.

15 Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН). ХПГ-43-1-10.

16 АГ. ПТЛ-13-63-1.

17 Роом А. Создадим фильму, достойную юбиляра и эпохи! // Кино. 1932. № 44. 24 сент.

18 РГАЛИ. Ф. № 3044. Оп. 1. Ед. хр. 118.

19 Эйзенштейн С.М. Мемуары: В 2 т. М.: Труд, Музей кино, 1997. Т. 2. С. 291.

Во-первых, в 1934 г. режиссер Абрам Роом был обвинен в формализме в связи с фильмом «Строгий юноша» (сцен. Ю. Олеши), лишен всех званий и наград и даже самой возможности работать в кино. Во-вторых, в середине 1930-х годов стало меняться отношение властей к самим детским исправительным учреждениям. Педагогический опыт коммун ОГПУ и макаренковских колоний был объявлен несостоятельным, в 1937 г. была расформирована Болшевская, а в 1938 г. – Люберецкая (Никола-Угрешская) коммуна. Воспитанники коммун, у которых еще не закончились сроки заключения, были направлены в тюрьмы и лагеря. Большинство сотрудников коммун были арестованы и репрессированы.

Существенный кризис наступил в это время и Горького. Он продолжал вести переписку с воспитанниками трудовых коммун, детских колоний, школ и других детских коллективов, получал сотни писем от детей со всего Советского Союза. Лейтмотив многих писем – разбитая детская жизнь после ареста родителей, насильственной коллективизации, высылки и т. п. Получалось, что именно деятельность советских властей оказывалась причиной того, что дети становились сиротами, беспризорниками, а впоследствии – и правонарушителями. Государство одной рукой делало этих детей сиротами, а другой – пыталось им помочь, социализировать, заставить свернуть с преступного пути, куда само же их и толкнуло. Горький не мог не видеть и не понимать этого парадокса. Противоречие отзывалось в его душе, он, несомненно, чувствовал его и в своем произведении, что не позволяло ему посчитать сценарий «Преступники» законченным. Именно в 1930-е годы в творчестве Горького неоднократно возникал конфликт между политическими убеждениями писателя и его художественным даром, гуманистическим в своей основе. Этот конфликт, а также множество сопутствующих обстоятельств: изменение внутривластной обстановки, положения трудовых коммун, трагедия режиссера, – стали причинами того, что сценарий, на который было потрачено так много сил, времени и внимания, так и остался малоизвестным фактом литературы и не вошел в кинематограф.

Сценарий М. Горького «Преступники» ожил лишь в 2019 г., когда спектакль по его мотивам был представлен в Музее Болшевской коммуны в Музейном объединении города Королева твор-

ческим коллективом «Активный театр» и режиссером Мариной Перелешинной.

Премьера была приурочена к 95-летию коммуны.

Список литературы

1. Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН). КГ-од-2-31-11.
2. Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН). ПТЛ-13-63-1.
3. Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН). ХПГ-43-1-10.
4. Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН). ХПГ-43-1-3а.
5. Болшевцы: Очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягоды трудкоммуны НКВД / Под ред. М. Горького. М., 1936.
6. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13.
7. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2013. Т. 16.
8. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2019. Т. 21.
9. Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1953. Т. 26.
10. Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1953. Т. 27.
11. Переписка М. Горького с Г.Г. Ягодой / Публ. Л.А. Спиридоновой // Неизвестный Горький. Вып. 3. М.: Наследие, 1994.
12. Плотникова А.Г. М. Горький и кинематограф. М.: ИМЛИ РАН, 2018.
13. РГАЛИ. Ф. № 3044. Оп. 1. Ед. хр. 118.
14. Роом А. Создадим фильму, достойную юбиляра и эпохи! // Кино. 1932. № 44. 24 сент.
15. Терентьев М. Принципы воспитания // Коммуна в Никола-Угреше. М., 2012. С. 69.
16. Эйзенштейн С.М. Мемуары: В 2 т. М.: Труд, Музей кино, 1997. Т. 2.
17. Янушкевич Р. Великий немой заговорил / Публ. О. Романовой // Киноведческие записки. 2011. № 98. С. 52–65.

CINEMA SCENARIO OF M. GORKY ABOUT LABOR COMMUNES

Plotnikova Anastasia Gennadievna,
PhD in Philology,
Senior Researcher,
A.M. Gorky Institute of world literature
of the Russian Academy of Sciences,
Povarskaya st., 25A, Moscow, 121069.
filologinya@gmail.com

Abstract

The article based on archival documents and tells about M. Gorky's work supporting of labor communities for street children and young criminals and explores the history of his scenario "Prestupniki". The scenario depicts the process of re-education of juvenile offenders in the communes of the OGPU. In addition to Gorky, G.G. Yagoda, M.S. Pogrebinsky and pupils of labor communes took part in edition of the scenario. The film was not staged, but the scenario "Criminals" is an important part of the work of M. Gorky..

Keywords

Maxim Gorky, G.G. Yagoda, M.S. Pogrebinsky, A.M. Room, film script, cinema, labor commune, Bolshevskaya commune.

CNF
УДК 930.85
ББК 63.4
10.34685/НІ.2019.27.4.005

КОЛЛЕКЦИЯ КЕРАМИКИ СЕЛИЩА БОЛШЕВО-3 КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО КРАЯ

Севостьянов Алексей Сергеевич,
научный сотрудник,
отдел «Усадьба Костино»
МБУК «Музейное объединение
«Музеи наукограда Королёв»
Московская область, г.о. Королёв,
ул. Ильича, д.1. Россия, 141080,
sev0styanov.a@yandex.ru

Аннотация

Рассмотрена значимость коллекции древнерусской керамики XI – XIII вв. селища Болшево-3 для понимания исторических процессов и бытовой жизни населения в начальном периоде освоения Московского края. Проанализированы этапы формирования коллекции.

Ключевые слова

МБУК «Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв», археологический памятник, селище Болшево-3, керамика, курганный могильник, орнамент.

23 декабря 2019 г. отделу «Усадьба Костино»¹ МБУК «Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв» исполняется 80 – лет. Музей был открыт в 1939 г. как мемориальный в честь пребывания в Костине² В.И. Ленина и стал первым музеем на территории современного г.о. Королёва. В 1992 г. музей В.И. Ленина в Костине был преобразован в Историко-краеведческий музей г. Калининграда. Целью историко-краеведческих музеев является всестороннее изучение родного края его истории, археологии, природных памятников на его территории, культуры и быта населения. Археологическая коллекция музея начала формироваться

в 1993 г. Особенностью коллекции Археология отдела «Усадьба Костино» является то, что все хранящиеся в фондах предметы поступили в наш музей благодаря археологическим раскопкам на территории нашего города. Поступившие с раскопок предметы материальной культуры отражают исторические этапы освоения данной территории человеком, появление и развитие первых поселений. Торгово-экономические и градообразующие процессы, происходившие здесь с появлением славянского населения в XI в., привели в итоге к образованию исторических центров – сёл и деревень, ставших ныне микрорайонами г.о. Королёва. В 1993 –1994 гг. экспедицией Сергиево-Посадского музея-заповедника производились раскопки селища Максимково раннего железного века I тыс. до н.э. расположенного в микрорайоне Первомайском г. Калининграда (Королёва). Всего после раскопок селища Максимково в коллекцию музея поступило 2.743 фрагмента керамики и 91 инди-

- 1 Отдел «Усадьба Костино» образован в 2009 г. как часть Исторического музея г. Королёва, с 2017 г. отдел «Музейного объединения «Музеи наукограда Королёв».
- 2 Костино - как историческая часть г.о. Королёв, известно со II пол. XV в. с 1939 г. – город. С 1960 г. входит в состав г. Калининграда (Королёва).

видуальная находка, из которых была сформирована коллекция селище Максимково. С 2000 г. начались многолетние археологические исследования Болшево: 2000 г. – комплексное археологическое изучение территории города, 2003 г. – разведывательные раскопки на селище Болшево-3. Спасательные Археологические раскопки селища Болшево-3 2005, 2006, 2007 г. и 2012 г. За время этих исследований в коллекцию музея поступило 117 индивидуальные находки и 3.202 фрагмента керамики. В данной статье пойдёт речь о коллекции керамики селище Болшево-3 2007 г.

Памятник селище Болшево-3 был выявлен во время комплексного археологического изучения территории г. Королёва экспедицией Института археологии РАН в 2000 г.³ Исследованиям Болшева 2000 г. предшествовала тщательная работа, проведённая с архивами: Института Археологии РАН, других научных заведений и музеев страны, где находились сведения о ранее производимых в Болшеве археологических раскопках. В результате этой работы были найдены сведения о располагавшихся в Болшеве курганных могильниках, проведены натурные исследования современного состояния могильников и соответствующим им селищ. Селище Болшево-3 располагалось на правом, низком берегу р. Клязьма на подоле, по отношению к находившемуся на возвышенности курганным могильникам: Болшево-2, 3 и соответствующим им селищ, которые вместе составляли единое историческое поселение. С разведывательных раскопок 2000 и 2003 г. на музейное хранение в отдел «Усадьба Костино» МБУК «Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв» поступили образцы древнерусской посуды XII и XIII в. особый интерес представляют, фрагменты лепной текстильной керамики конца бронзового, начала железного века, а также венчик баночного сосуда I тыс. до н.э. (Фото 1.) поступивших в коллекцию с разведывательных раскопок 2000, 2003 гг.

Данные находки значительно отодвинули имеющиеся на момент раскопок знания о прайстории территории города. До начала исследований 2000 г. самым ранним поселением считалось селище Максимково в микрорайоне Первомайском, датированное VIII – VII вв. до н.э. и предположительно Болшевское городище, которое

Фото 1. Венчик баночного сосуда I тыс. до н.э. Селище Болшево-3.

могло быть населено инославянским населением в I тыс. до н.э. Однако селище Болшево-3 стало первым памятником на территории г.о. Королёва где были найдены предметы Бронзового века. Ключевую роль в понимании Болшевских памятников играет коллекция предметов и керамики поступивших в собрание музея со спасательных раскопок 2007 г. Исследования 2007 г. являлись продолжением работ, начатых в 2005 г. в связи со строительством жилого дома на территории селища. В центре заложенного с востока от строительного котлована в 2007 г. центрального раскопа, археологами было обнаружено древнейшее ядро селища, состоявшее из двух групп ям⁴, более ранняя с лепной и раннекруговой посудой и предметами, датированными XI в.⁵ Рядом с древнейшей постройкой селища была обнаружена заглубленная часть постройки XII в. В коллекции постройка XII в. представлена 22-мя фрагментами раннекруговой и 475-тью фрагментами круговой древнерусской керамики курганного типа. Исследование открытой керамики дали интересные сведения о местной материальной культуре.

Керамическая посуда в отличие от металла и тем более изделий из древесины менее подвержена влиянию окружающей среды. Разбившаяся, вышедшая из употребления посуда редко шла на изготовление других орудий труда, чаще все-

3 Московская областная археологическая экспедиция Института археологии РАН. / Чернов С.З. Культура средневековой Москвы. Т. М.: Наука, 2004. С.З.

4 Яма – заглубленный остаток крупной надземной постройки.

5 Чернов С.З. Болшево-3 на верхней Клязьме: Северная усадьба и её этнокультурные особенности (по данным раскопок 2012 г.).

го обломки посуды в толчёном виде (шамот) использовались для изготовления новой керамики, поэтому фрагменты различных сосудов оседали в достаточно большом количестве в культурном слое поселений. Материалом для изготовления древней посуды служила глина, которая в процессе изготовления теста могла укрепляться различными примесями, они препятствовали разрушению глиняного сосуда в процессе обжига. Армирующим материалом для лепной керамики Болшево-3 служила дресва – крупные фрагменты камня с кварцитами размером 3,4 мм, лепная керамика выходит из употребления в XII в. При изготовлении раннекруговой посуды Болшево-3 постройка XII в. применялся мелкий песок иногда в тесте встречаются мелкие кварциты до 2 мм и толчёная слюда. Декоративное оформление посуды отражало местные культурные традиции, религиозное мировоззрение населения и в отличие от технических признаков посуды чаще всего меняла форму своего выражения. С помощью глины как локально доступного ресурса археологи могут идентифицировать область происхождения сырья. Глина, использовавшаяся для изготовления посуды Болшево-3, имеет местное происхождение, за исключением некоторых импортных сосудов коллекции происходивших из постройки XII в., наличие которых говорит о высоком социальном статусе владельца.

Обратимся к особенностям керамики из коллекции музея 2007 г.

Из постройки XI в. обнаруженной на селище Болшево-3 в коллекции музея представлены фрагменты пяти лепных сосудов. Самая распространённая и оригинальная форма лепной посуды памятника Болшево-3, сосуды с саблевидным профилем. Посуду с саблевидным профилем археологи относят к кругу мерянских древностей. Народ Меря в этническом плане являлись потомками финно-угорского населения оставившего на территории европейской части России памятники Дьяковской культуры⁶. В коллекции сосуды с саблевидным профилем представлены двумя фрагментами: венчик и стенка лепного слабопрофилированного горшка с высоким S – образным горлом, размер горшка имел средние размеры, диаметру венчика – 21 см. Поверхность

горшка слегка заглажена снаружи и имеет практически чёрный цвет. Ещё один сосуд близкий по форме, описанному выше сосуду, представлен в коллекции шейкой⁷ и верхней частью тулова⁸ поверхность сосуда, в отличие от фрагментов других горшков коллекции, происходящих из этой постройки, не заглажена. Третий сосуд представлен двумя донцами и фрагментом нижней части тулова. Один из сосудов коллекции представленный четырьмя фрагментами стенок был обработан тряпкой или щепой о чём свидетельствуют глубокие неправильной формы следы, после этого поверхность заравнивалась пальцами,⁹ цвет горшка красно-оранжевый, что говорит о не полном окислительном обжиге сосуда. Серией фрагментов стенок, всего восемь представлен пятый лепной сосуд коллекции, имел схожую форму и размер с предыдущим сосудом.

Определённый интерес представляет собрание керамики, располагавшейся в слое над постройкой XI в. в коллекции со спасательных раскопок 2007 г. представлено 1926 фрагментов лепной и раннекруговой древнерусской посуды, отражающей культуру проживавшего в Болшево населения. Из лепной керамики в коллекции присутствуют фрагменты сосудов ладожского типа, сосуды с вдавлениями по краю венчика, уже рассмотренная ранее посуда с саблевидным профилем и серия сосудов с венчиками S – видного профиля. В коллекции к ладожской керамики¹⁰ относятся фрагменты горшка: два фрагмента плечика с ребром и стенка, также присутствуют, но уже с менее выраженным ребром фрагменты одного массивного и миниатюрного сосуда относящихся к этой традиции изготовления керамики. Керамика с защипами по краю венчика¹¹ от-

6 Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА. № 94. М., 1961.

7 Верхняя часть сосуда, отличающаяся от нижележащей особой формой

8 Основная ёмкость сосуда.

9 Отчёт об охранных археологических исследованиях селища Болшево-3 в г. Королёве Московской области в зоне строительства восьмисекционного дома по адресу: Колхозная пл., д.3 в 2007 году. М., 2008.

10 Чернов С.З. Волков И.В. Отчёт об охранных археологических исследованиях селища Болшево-3. М., 2008.

11 Чернов С.З. Волков И.В. Постройка первой половины XII в. селища Болшево-3 на верхней Клязьме (яма 31) // Археология Подмоскovie материалы научного семинара отв. редактор А.В. Энгватова. М., 2010.

Фото 2. Лепной сосуд с защипами по краю венчика вторая половина XI в. Селище Болшево-3.

ражена горшком средних размеров с диаметром венчика 23 см. Сосуд реконструирован из четырёх фрагментов. Маркируемой чертой данного типа посуды является вертикально стоящий венчик с горизонтально или косо срезанным краем и крупными и глубокими защипами по краю венчика (Фото 2.).

Ближайшие аналогии с найденным в Болшеве сосудом были проведены с материалом селища Жданово-1¹² на р. Пахра и позволили датировать находку второй половиной XI в. Полноценное представление описанной ранее лепной керамики с саблевидным профилем даёт сосуд коллекции реконструированный из трёх крупных фрагментов (Фото 3.) почти до полного профиля.

Поверхность данного сосуда, возможно заглаживалась тряпкой на которой были кварциты, о чём свидетельствуют идущие параллельно друг другу вдавленные полоски. При анализе данного сосуда исследователями была найдена аналогия с сосудом погребального комплекса с трупосожжением Ратьковского могильника, отнесённого к кругу Мерянских древностей VII – IX вв.¹³ Заслуживает внимание раннекруговая древнерусская керамика коллекции, всего в коллекции 116 фрагментов посуды выполненной из красножгущейся и беложгущейся глины. Раннекруговая Болшевская посуда изготавливалась из глины с примесью

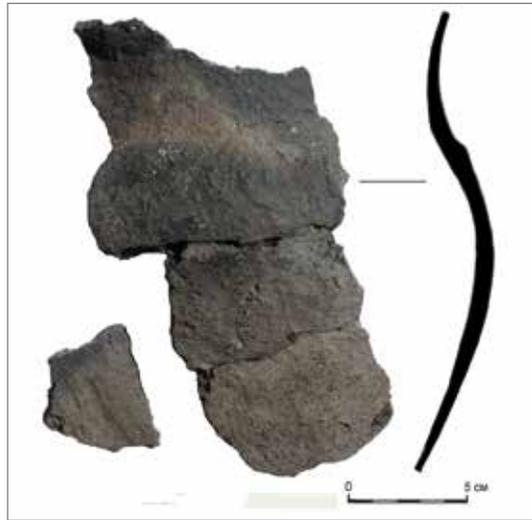

Фото 3. Лепной сосуд с саблевидным профилем XI в. Селище Болшево-3.

среднезернистого песка и проходила не полный окислительный обжиг. Сосуды из красной глины приобретали в процессе обжига буро – красный цвет, из белой светло – серый. Фрагменты посуды коллекции выполненные из красной глины имеют разнообразную форму, которая в будущем будет присуща керамике курганного типа. Орнамент выполнен в виде – многорядной волны и горизонтального рифления.

Особый интерес в коллекции нашего музея представляют фрагменты раннекруговой керамики архаичной формы – в музее два маленьких горшка (Фото 4), близкие к баночной форме с слабоотогнутым и немного утончающимся к краю венчиком.

Аналогия соответствующая Болшевским сосудам была обнаружена исследователями в комплексе керамики из построек 1 и 2 селища Жданово-1 на р. Пахре датированным XI в.¹⁴ Археологами, проводившими исследования в Болшеве, была отмечена раннекруговая керамика из белой глины¹⁵, отнесена к более раннему времени, не встречается на селищах второй пол. XII – XIII вв. Всего в коллекции 67 фрагментов сосудов из этого материала, они богато орнаментированы, узор на большин-

12 Гоняный М.И. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмоскowie // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фихнер. М., 1999.

13 Чернов С.З., Волков И.В. Отчёт об охранных археологических исследованиях селища Болшево-3. М., 2008. С. 39.

14 Чернов С.З., Волков И.В. Отчёт об охранных археологических исследованиях селища Болшево-3. М., 2008. С. 40.

15 Чернов С.З. Волков И.В. Постройка первой половины XII в. селища Болшево-3 на верхней Клязьме (яма 31). // Археология Подмоскowie. Материалы научного семинара. Отв. редактор А.В. Энгватова. М., 2010.

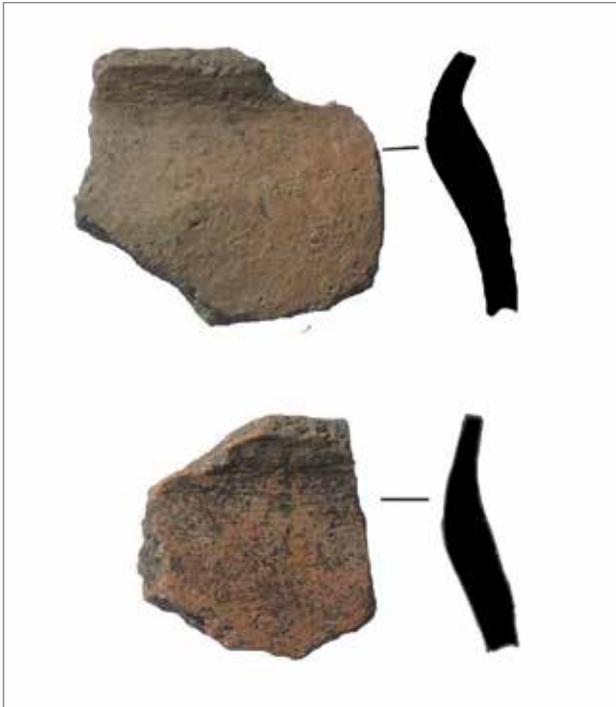

Фото 4. Фрагменты двух маленьких горшков, близких к баночной форме XI в. Селище Болшево-3.

стве фрагментов выполнен в виде многорядной волны, на меньшем количестве встречен линейный орнамент (Фото 5.), также на нескольких сосудах присутствует орнамент в виде обычной волны.

Не менее интересна коллекция сосудов из постройки XII в. Большая часть фрагментов в коллекции относится к круговой керамике курганного типа, также присутствует небольшое количество раннекруговой посуды. Преобладающей технологической формой являются горшки, материалом

Фото 5. Венчик сосуда из белой глины с многорядной волной конце XI – нач. XII в. Селище Болшево-3.

Фото 6. Фрагмент тулова сосуда с тремя рядами волнистого орнамента с заострённой волной. Вторая половина XI в. Селище Болшево-3.

служила красная глина укрепленная песком, реже дресвой. Раннекруговая керамика из постройки XII в. коллекции селища Болшево-3 2007 г. представлена серией орнаментированных стенок, рисунок выполнен в виде сплошного рифления. К раннекруговой керамики, также отнесены¹⁶ крупные фрагменты тулова горшка, всего шесть фрагментов и два фрагмента донца, украшенные многорядной волной и двумя линиями волнистого орнамента.

Присутствуют в коллекции музея фрагменты тулова горшка с трёхрядной заострённой волной и верхней частью тулова, украшенной таким же орнаментом. (Фото 6.).

Курганная керамика представлена в коллекции нашего музея фрагментами сосудов отражающих различные формы, присущие этому типу древнерусской посуды. В коллекции есть многочисленная серия горшков со срезанными венчиками, воронковидных, часть горшков представлена венчиками форма которых, уже ранее встречалась на археологических памятниках г.о. Королёва – это слегка отогнутые венчики, без валиков, горизонтальная площадка образующая край сосуда имеет углубление-бороздку. Подобные сосуды были обнаружены в Болшеве

16 Чернов С.З., Волков И.В. Постройка первой половины XII в. селища Болшево-3 на верхней Клязьме (яма 31) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Отв. редактор А.В. Энговатова. М., 2010.

Фото 7. Воронковидный горшок с орнаментом в виде двойной волны и горизонтальных линий II пол. XII в. Селище Болшево-3.

В. А. Городцовым при раскопках кургана в 1921 г.¹⁷ и при раскопках Бурковского селища Черновым С.З. в 2000 г.¹⁸ Значительная группа сосудов в коллекции представлена венчиками без углубления – бороздки на площадке, подобные также встречались ранее при раскопках Бурковского¹⁹ селища. Перечисленные сосуды по найденным археологами аналогиям были датированы первой и второй четвертью XII в. Воронковидный горшок коллекции (Фото 7.) реконструирован почти до полной формы, несёт орнамент по стенкам в виде двух горизонтальных линий, по плечикам горшка пущена двойная волна, венчик горшка почти вертикальный, высотой 2,5 см.

Среди орнаментов, которыми украшена курганная керамика Болшева, присутствуют сосуды украшенные штампом в виде квадратных вдавлений, выполненных зубчатым колёсиком.²⁰ Есть среди коллекции оригинальные формы сосудов,

представленные отогнутыми венчиками с двумя утолщениями снаружи.

Коллекция керамики селища Болшево-3 представляет значительный интерес для жителей г.о. Королёва и ученых, занимающихся историей Московского края. Как показали исследования проведённые археологами в процессе изучения Болшевских древностей, селище Болшево-3 носило нестандартный характер и имело определённую значимость для населения Древнерусского государства, начавшего осваивать данный регион в XI в. Разнообразие форм керамики и орнамента её украшавшего, заслуживает дальнейшего изучения. Поселения подобные Болшевскому имели смешанное население, что было выявлено по технике изготовления посуды и его оформлению. Дальнейшее исследование поможет лучше разобраться в этнических и культурных процессах на данной территории происходивших в XI и XII вв. Полученные в ходе изучения Болшева данные и хранящаяся в коллекции МБУК «Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв» керамика с селища Болшево-3 помогут в исследованиях, касающихся различных вопросов изучения этого типа материальной культуры её классификации, технологии изготовления, особенностях материала, времени бытования на территории Московского края. Коллекция поможет и при изучении комплексов с лепной и раннекруговой, курганной древнерусской керамикой. Для нашего города Королёва данная коллекция открывает дополнительные сведения о жизни древнего градообразующего поселения, которым является Болшево-3. Это сведения о занятиях населения, его культуре, порядке взаимоотношения с другими территориями древнерусского государства.

Список литературы

- 17 Чернов С.З. Волков И.В. Отчёт об охранных археологических исследованиях селища Болшево-3. М., 2008. С.44.
- 18 Там же. С. 44
- 19 Там же. С. 45.
- 20 Кренке Н.А. Древнерусская керамика московского региона: классификация, хронология // Археология и история Пскова и Псковской земли. М., 2011. С. 274 .

1.Гоняный М.И. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмоскowie // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фихнер. М., 1999 . 137с.

2.Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА. № 94. М., 1961. 240 с.

3.Кренке Н.А. Древнерусская керамика московского региона: классификация, хронология // Археология и история Пскова и Псковской земли. М., 2011. 274 с.

4.Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 128 с.

5. Чернов С.З., Волков И.В. Болшево-3 и особенности древнерусской колонизации Московского края. М., 2004.

6. Они же. Постройка первой половины XII в. селища Болшево-3 на верхней Клязьме (яма 31) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Отв. ред. Энговатова А.В. М., 2010.

7. Чернов С.З. Археологические памятники Болшева и Яузский волок / Культура средневековой Москвы. Т.1. М. : Наука, 2004.

8. Он же. Археологические исследования для разработки генерального плана г. Королёва Московской области ИА РАН., 2000.

9. Он же. Отчёт об охранных археологических исследованиях селища Болшево-3 М., 2008.

COLLECTION KERAKERS SELIJA BOLSHEV-3 HOW SOURCE HISTORY OF MOSCOW EDGE

Sevostyanov Alexey Sergeevich,
research worker,
МБУК МОК

Ilich str. 1, 141080 Moscow region, Korolev, Russia
sev0styanov.a@yandex.ru

Abstract

The importance of the collection of old Russian ceramics XI – XIII centuries. Settlement Bolshevo-3 to understand the historical processes and everyday life of the population in the initial period of development of the Moscow region. The stages of collection formation are analyzed.

Keywords

МБУК МОК, archeological site, the settlement of Bolshevo-3, barrow ceramics, barrow burial ground, ornament.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ А.И. ЦВЕТАЕВОЙ НА ВЫСТАВКЕ «“МНОГОЛИКАЯ АСЯ”: ЛИЧНОСТЬ, СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО АНАСТАСИИ ЦВЕТАЕВОЙ»

Степанова Мария Андреевна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Дома-музея
Марины Цветаевой,
Marius2255@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена юбилейной выставке Анастасии Цветаевой (к 125-летию со Дня рождения) в Доме-музее Марины Цветаевой. На выставке «“Многоликая Ася”: личность, судьба и творчество Анастасии Цветаевой» несколько тем («Последний луч Серебряного века», «Лагерница», «Монахиня в миру», «Человек упорного труда», «Баб-прабаб»), каждая из которых так или иначе раскрывает черту характера, личностную грань, определенный жизненный этап Анастасии Цветаевой.

Ключевые слова

Анастасия Цветаева, В.В. Розанов, Ф.М. Достоевский, «Серебряный век», философия начала XX века, русская литература XX века.

20 августа 2019 года в Доме-музее Марины Цветаевой открылась выставка к юбилею (125-летию) А.И. Цветаевой. (Фото 1.).

Выставка охватывает период 1894–1993 гг. – годы жизни А.И. Цветаевой. Она прожила долгую, насыщенную событиями жизнь. Судьба подарила ей возможность пообщаться со многими великими, талантливыми людьми – ее современниками, среди которых поэты М.А. Волошин, П.Г. Антокольский, С.Я. Парнок, Б.Л. Пастернак, А.К. Герцык, Т.В. Чурилин, Б.А. Ахмадулина, художница И.В. Брежская, певица Анна Герман и многие другие. Но одновременно она является очевидцем страшных исторических событий – Первая мировая война, революции, гражданская война, репрессии, Великая Отече-

ственная война. Анастасия Цветаева – «свидетель века», видевший и знавший и Российскую империю, и Советскую Россию.

Анастасия Цветаева удивительна, уникальна как личность – и в творчестве, и в бытовой, семейной жизни: богатая, сложная, противоречивая натура – писательница, переводчица, в юности неистовый философ-богоборец, позже «монахиня в миру» (А. Цветаева не принимала пострига, но с 27 лет вела монашеский образ жизни), арестантка, лагерница, наставница молодых поэтов, педагог, женщина, страстно умевшая любить, жена, мать, бабушка, прабабушка. А.И. Цветаева была очень многогранно талантлива; главной задачей на выставке было показать разные стороны ее натуры и одновременно

Фото 1. А. И. Цветаева у бюста Таиах в мастерской Максимилиана Волошина. 1910-е гг.

рассказать о ее жизни на фоне исторических событий XX века. Выставка (Фото 2.) названа цитатой из А. К. Ковальджи – «Многоликая Ася» – так озаглавил свои воспоминания об Анастасии Цветаевой один из самых близких ее друзей последних лет ее жизни¹.

Выставка «"Многоликая Ася": личность, судьба и творчество Анастасии Цветаевой» располагается в трех залах. 1-й зал – входная зона, где находится общая аннотация выставки, своеобразное введение к теме. Основной – 2-й зал, в котором сосредоточены мемориальные предметы: личные вещи А.И. Цветаевой, ее фотографии и фотографии ближайших родственников, книги, рукописи, записные книжки. Этот зал включает пять тематических разделов: «Последний луч Серебряного века», «Лагерьница», «Монахиня в миру», «Человек упорного труда», «Баб-прабаб», каждый из которых так или иначе раскрывает личностную грань, определенный жизненный этап Анастасии Цве-

таевой. Однако невозможно разделить на составные части целостную, гармоничную натуру – одни и те же предметы на выставке могут быть очень близки разным темам. У пяти разделов есть главный предмет, кроме того, каждому разделу соответствует свой цвет. Предметы, тематически относящиеся к каждому разделу, помечены соответствующим цветом этикетки.

Раздел «Последний луч Серебряного века» раскрывает Анастасию Цветаеву как наследницу великой культуры конца XIX – начала XX столетия, то есть эпохи Серебряного века, времени расцвета русской поэзии и философской мысли. В одной из витрин располагаются книги, авторы которых повлияли на формирование мировоззрения Анастасии Цветаевой. Это книга ее отца, профессора И.В. Цветаева (с личными пометами А.И. Цветаевой), книги В.В. Розанова и Ф.М. Достоевского, Новый Завет на немецком языке. Особое внимание уделено духовной связи А.И. Цветаевой с В.В. Розановым, А.М. Горьким, Ф.М. Достоевским. На выставке представлена книга из личной библиотеки А.И. Цветаевой – роман Ф.М. Достоевского «Идиот» – «Да это же первая на земле книга! Все книги перед ней – в прах...», – таково было первое впечатление у Анастасии Цветаевой в ранней юности от первого прочтения романа Достоевского. Но и в глубоко преклонном возрасте А.И. Цветаева считала «Идиота» лучшей книгой после Священного писания, а Достоевский всю жизнь был ее любимым писателем.

Творческие взаимосвязи А.И. Цветаевой и Ф.М. Достоевского неоднократно становились объектом внимания исследователей. А.А. Медведев в статье «...ведь это родной дом!..»:

Фото 2. Общий вид зала выставки.

1 Ковальджи А.К. Многоликая Ася // Последний луч Серебряного века: Воспоминания об Анастасии Цветаевой. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. С. 436.

Фото 3. Общий вид зала выставки.

А.И. Цветаева и Ф.М. Достоевский» сопоставляет две книги – «Мою Сибирь» Анастасии Цветаевой и «Записки из Мертвого дома» Достоевского. Достоевский в своей автобиографической книге очень большое внимание уделял «братьям меньшим» в главе «Каторжные животные». А.И. Цветаева, как и Достоевский, в своей книге пишет не только о людях, встретившихся ей на каторжном пути, но и о животных. «Вслед за Достоевским, выявившим в животных их глубочайшую метафизику – духовную красоту их лика, Цветаева раскрыла нам метафизическую тайну первоэданной гармонии человека и животных...».²

Раздел «Лагерница», главным образом, посвящен испытанию Анастасии Цветаевой репрессиями. Она неоднократно была арестована (1933, 1937, 1949 гг.) и много лет провела в заключении и ссылке. В следственном деле А.И. Цветаевой значится 58-статья. Главный предмет темы «Лагерница» – чемодан, на котором гвоздем нацарапана фамилия «Цветаева». (Фото 3.).

Этот чемодан сопровождал Анастасию Цветаеву все годы заключения. Одним из важнейших предметов, относящихся к этой теме, является роман Анастасии Цветаевой «Амог». «Психологический роман писался в сталинском лагере

Фото 4. Общий вид зала выставки.

и через вольнонаемных тонкими, мелкоисписанными листками передавался на волю».³

Во время своего заключения в 1943 году Анастасия Цветаева узнала о смерти сестры. «Узнав о Марининой гибели и об оставленных ею письмах – сыну, мужу, дочери и Асееву (поручая ему сына), я спросила себя – и весь воздух, который только и могла спросить: как могла Марина уйти, не упомянув меня? Молчание в ответ было моим живым страданием».⁴ На выставке представлен портрет М. Цветаевой работы А.И. Цветаевой, сделанный ею в лагере после известия о смерти сестры. (Фото 4.).

Этот портрет находится рядом с книгой М. Цветаевой «Разлука» (с дарственной надписью «Асе») и фотографией елабужского кладбища, то есть предметами, которые относятся к теме «Баб-прабаб», разделу семейных отношений А. Цветаевой. Это один из ярких примеров того, как тесно переплетены темы выставки, сколь много «ликов» было у Анастасии Цветаевой.

Другой яркий пример – это положенные рядом книга А. Цветаевой «Королевские размышле-

2 Медведев А.А. «...ведь это родной дом!...»: А.И.Цветаева и Ф.М.Достоевский // Анастасия Ивановна Цветаева: жизненный путь и творческое наследие. Материалы Международной конференции, посвященной 115-летию А.И.Цветаевой. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. С.163.

3 Айдинян С.А. О непостижимых // Четырехлистник: Константин Бальмонт, Анастасия и Марина Цветаевы, Анатолий Виноградов. М.: Экслибрис-Пресс, 2017. С. 321.

4 Анастасия Цветаева. Неисчерпаемое.– М.: Отечество, 1992. С. 178.

ния», икона Божией Матери «Успение», принадлежавшая А.И. Цветаевой, и фотография масона Б.М. Зубакина. Эти предметы относятся к трем разным темам («Последний луч Серебряного века», «Монахиня в миру» и «Лагерница»), но, находясь рядом в витрине, ярко отражают духовный путь Анастасии Цветаевой. Книга «Королевские размышления» – философский трактат, проникнутый отрицанием Бога, логическим обоснованием невозможности его существования. Б.М. Зубакин – близкий друг Анастасии Цветаевой, встреча с которым стала переломным моментом в ее жизни. Под влиянием Б.М. Зубакина, через общение с ним она возвращается к религиозному созерцанию мира, вере в Бога. За дружбу с Зубакиным она была арестована несколько раз. Она отбывала наказание на Дальнем Востоке, в Сибири. Но испытания не сломили Анастасию Цветаеву. Все невзгоды она перенесла стойко, без ропота, утверждая, что все в жизни происходит по воле Божией, что она принимает свой путь. По воспоминаниям О.М. Резниченко, «Анастасию Ивановну отличала высокая религиозность, горячая и твердая вера в Бога, в Его всемогущество и всеблагость. Вера помогала ей выдерживать тяжелейшие условия жизни, особенно в тюрьме, лагере, ссылке».⁵

После духовного переворота А.И. Цветаева стала глубоко верующим человеком, ведущим практически монашеский образ жизни. Тему «Монахиня в миру» иллюстрируют глубоко личные предметы Анастасии Цветаевой, бывшие свидетелями ее религиозной жизни, молитвенного правила – икона «Успение», пасхальное яйцо, некогда стоявшее у нее в ките, тетрадь с молитвами, записанными рукой А.И. Цветаевой, а также рисунок, сделанный самой Анастасией Цветаевой. На рисунке изображено Колюпаново, источник святой блаженной Евфросинии – место, куда много раз приезжала Анастасия Цветаева с паломническими поездками.

Анастасия Цветаева не просто обладала сильным характером, негибимой волей, но до самых преклонных лет вела активный образ жизни, много работала, общалась, встречалась с людьми. «Главным для нее до последних дней оставался труд. И даже перешагнув 90-летний рубеж, она продолжала трудиться с удивитель-

Фото 5. Коньки Анастасии Цветаевой

ной работоспособностью: писать, публиковаться, вести переписку, знакомить людей, устраивать чьи-то судьбы. После 1985 года у нее вышло большое число самых различных произведений – мемуарные очерки, рассказы, повести, роман, газетные и журнальные публикации; она дает многочисленные интервью и при всем этом – большая загруженность «общением».⁶ В своих воспоминаниях О.А. Трухачева также отмечает, что А.И. Цветаева очень любила скорость и все в жизни делала быстро, стремительно. Одним из главных предметов на выставке, практически предметом-символом, стали коньки Анастасии Цветаевой. (Фото 5.).

Они являются отправной точкой для перехода в последний зал.

Рассказ о судьбе Анастасии Цветаевой завершается аллюзией на Патриаршие пруды. 3-й зал – материализованная техническими средствами аллюзия на Патриаршие пруды, одно из любимых мест А. Цветаевой в Москве, знаковое место в ее жизни и судьбе.

В последнем зале выставки мы видим подобию катка и скамейку, на которую можно сесть и посмотреть небольшой двадцатиминутный ролик из фрагментов документальных фильмов, интервью и фотографий Анастасии Цветаевой разных лет. Перед посетителем выставки проходит практически вся жизнь Анастасии Цветаевой.

5 Резниченко О.М. Вера помогла выжить // Последний луч Серебряного века: Воспоминания об Анастасии Цветаевой. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. С. 81.

6 Трухачева О.А. Уроки жизни // Последний луч Серебряного века: Воспоминания об Анастасии Цветаевой. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. С. 89.

Таким образом, выставка «Многоликая Ася»: личность, судьба и творчество Анастасии Цветаевой» раскрывает перед посетителем удивительный характер Анастасии Цветаевой, многогранность ее личности, разнообразие талантов, обилие ее социальных ролей. Близко соприкоснуться с душевным миром Анастасии Цветаевой позволяет художественное решение выставки, мемориальные предметы, а также видеозаписи интервью.

Список литературы

1. Айдинян С.А. Четырехлистник: Константин Бальмонт, Анастасия и Марина Цветаевы, Анатолий Виноградов. М.: Экслибрис-Пресс, 2017. 424 с.

2. Анастасия Ивановна Цветаева: жизненный путь и творческое наследие. Материалы Международной конференции, посвященной 115-летию А.И. Цветаевой. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. 344 с.

3.Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М. : Прогресс-Культура, 1994. 416 с.

4.Последний луч Серебряного века: Воспоминания об Анастасии Цветаевой. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. 776 с.

5.Цветаева А.И. Неисчерпаемое. М. : Отечество, 1992. 320 с.

// Археология и история Пскова и Псковской земли. М., 2011. 274 с.

THE REPRESENTATION OF LIFE OF A.I.TSVETAEVA ON THE EXHIBITION «"THE MANY FACES OF ASYA": PERSONALITY, FORTUNE AND HERITAGE OF ANASTASIA TSVETAEVA»

Stepanova Maria Andreevna,

PhD in Philology,

senior researcher of State budgetary institution
of culture of Moscow

"House-Museum of Marina Tsvetaeva"

Marius2255@yandex.ru

Abstract

The article is dedicated to the exhibition of 125th anniversary of Anastasia Tsvetaeva in The House-Museum of Marina Tsvetaeva (Moscow). The exhibition develops 5 themes: "the last ray of Silver Age", "an arrestant", "nun in the world", "a human of a hard work", "granny-grandgranny". Each theme develops A.Tsvetaeva's character, personality, concrete life period.

Keywords

Anastasia Tsvetaeva, V.V.Rozanov, F.M. Dostoevsky, Silver Age, philosophy of the XX century, Russian literature of the XX century.

СНФ
УДК 008
ББК 79.0
10.34685/НІ.2019.27.4.007

МОЗАИКИ ГОРОДА КОРОЛЁВ КАК КУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Чермошенцев Андрей Викторович,
историк архитектуры,
помощник заместителя председателя,
Московская областная Дума.
archyany@gmail.com

Аннотация

Мозаичные панно советского периода – монументальные произведения искусства СССР рассматриваются как репрезентация идеологии правящей партии, целей и задач социалистического строительства.

Ключевые слова

Наследие, культура, мозаики, архитектура, искусство, соцреализм, модернизм.

Космос, труд, семья, спорт, наука – эти темы стали основой для мозаичных полотен, украшавших стены жилых домов, заводов, учебных учреждений, общественных пространств и домов культуры во второй половине 60-х – 70-х годов XX столетия в советской архитектуре модернизма. После безликого периода борьбы с излишествами и наполнения городов типовыми проектами зданий индустриального домостроения, государственная идеология в архитектуре начала возвращаться к осознанию необходимости художественного оформления зданий. Архитекторы стали возвращаться к индивидуальным проектам, привлекать художников к совместному творчеству. Основным видом художественного оформления архитектуры этого периода стали мозаичные панно на фасадах в характерном для периода модернизма стиле.

В первые годы существования молодого Советского государства этот вид искусства, не был распространен, в связи с тем, что требовал больших экономических и трудовых затрат.

Однако уже в 1925 году художник-мозаичист, руководитель мастерской Академии художеств в Ленинграде Владимир Александрович Фро-

лов оформил фасад Киевского вокзала в Москве двумя гербами СССР, выполненными в этой технике. С этого года исследователи ведут неофициальный отсчет периода истории советского мозаичного искусства.

Спустя четыре года именно мастерская Фролова оформила мозаикой из пурпурной смальты мавзолеей В.И. Ленина. (Фото 1.).

Грандиозные всесоюзные стройки 30-40-х годов дали толчок к развитию мозаичного искусства, так как мозаики в оформлении общественных и жилых зданий встали на один уровень наравне с настенными росписями, фресками, скульптурой и барельефами. Во время строительства московского метро и оформления станций, мозаика оказалась тем самым искусством, которое идеально вписалось в общую концепцию и стилистику, отражающую мощь Советского Союза, радость советского человека, достижения трудового государства. (Фото 2.).

Сотрудничество с художником Александром Дейнекой позволило создать знаковые интерьеры, которые стали узнаваемым символом культуры и истории СССР. (Фото 3.). После Великой Отечественной войны характерными

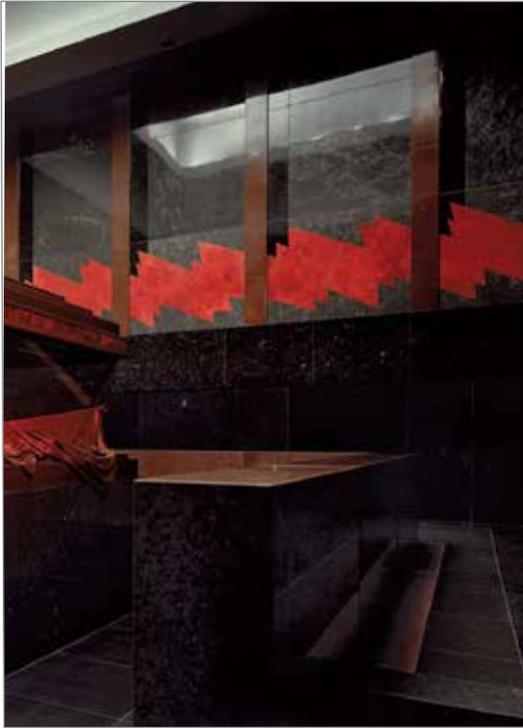

Фото 1. Мозаичное панно в оформлении стен Мавзолея им. В.И. Ленина. Пурпурная смальта, отделана черным лабрадоритом. Худ. В.А. Фролов, 1929 г.

персонажами большинства мозаичных полотен становятся В.И. Ленин и И.В. Сталин. (Фото 4, 5).

Все художники вписывали портреты вождей в свои произведения в оформлениях общественных пространств, государственных и муниципальных зданий, в интерьеры Московского метро и Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и т.д. Однако в наши дни оценить оригинальные произведения этого периода не представляется возможным, т.к. после 1956 и 1961 года, периода борьбы с «Культом личности», мозаичные полотна были изменены в процессе удаления с них образа Отца народов. Во многих случаях эти изменения исказили не только смысл мозаик, но и внешнее восприятие.

Так, например, немало изменений претерпели мозаичные панно станции «Комсомольская», выполненные группой Павла Корина, «Павелецкая», «Новокузнецкая», «Бауманская» Московского метро, откуда пришлось убирать портреты Сталина, Берии, многих членов Политбюро, сводя на нет изначальный замысел автора.

Большое количество панно также воспевали героический подвиг советских людей в Великой Отечественной войне.

Ближе к 1970-м годам мозаика красовалась уже в зданиях разного назначения, холлах школ и училищ, дополняла фасады зданий. Были построены и заводы, производящую смальту для мозаик. Интересно, что помимо традиционных героев – космонавтов и ученых, пионеров и спортсменов, - использовались и достаточно абстрактные изображения, которые во многом предвосхищали появление новых течений в искусстве.

После распада Союза мозаичные полотна периода соцреализма остались частью нецензурированного искусства, в связи с чем, часть мозаик начали сознательно уничтожать, чтобы стереть воспоминания о советском строе, а часть стали постепенно разрушаться от воздействия погодных условий без должного ухода, или подвергаться техническому воздействию новых частных собственников зданий, в большинстве не обращающих внимания на культурное и историческое наследие.

Город Калининград Московской области, в настоящее время носящий имя выдающегося конструктора Сергея Павловича Королева, во второй половине 20-го века стал цитаделью создания ракетно-космической отрасли нашего государства. И не удивительно, что именно космическая тематика легла в основу сюжетов творчества художников-мозаичистов, занимающихся оформлением городских пространств Калининграда-Королёва.

Всего в областном Калининграде около пятнадцати мозаик. Все они располагаются в исторической части города и оформляют фасады

Фото 2. Мраморное мозаичное панно ст. метро «Бауманская». Худ. И.М. Рабинович, 1944 г.

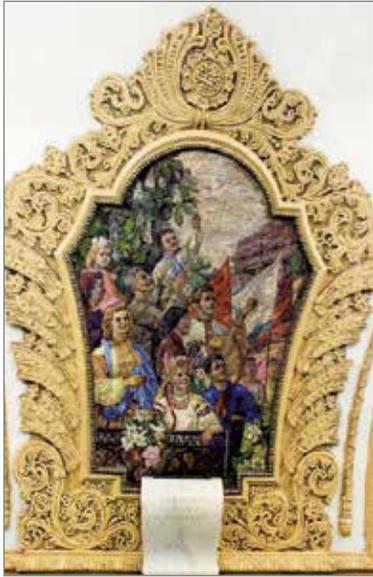

Фото 3. Мозаичное панно «Народное гуляние в Киеве», ст. метро «Киевская-Кольцевая». Худ. Л. Сухова (Черепанова), 1954 г.

жилых домов, центральную площадь города с Центральным дворцом культуры им. М.И. Калинина, детский сад, здание АТС.

В 1977 г., к шестидесятилетию юбилею Великой Октябрьской социалистической революции, на жилом доме в начале проспекта Королёва было размещено мозаичное полотно с вертикальной композицией, выполненная по эскизу городского художника Льва Кадушина. (Фото 6.).

Центральным персонажем мозаики является выполненный в полный рост Константин Циолковский на фоне синего неба, планет и звезд. Позади него (в левой части композиции) изо-

Фото 4. Мозаичный плафон на ст. метро «Комсомольская-Кольцевая» 1952 и 1961 гг. Художник П.Корин. «Парад 1941 года».

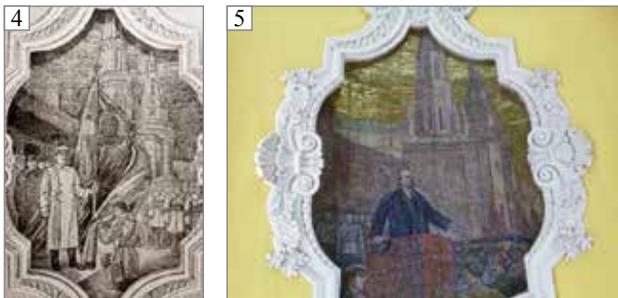

Фото 5. Мозаичный плафон на ст. метро «Комсомольская-Кольцевая» 1952 и 1961 гг. Художник П.Корин. «Выступление В.И. Ленина на Красной площади».

бражена взлетающая ракета. По первоначальному замыслу, мозаику предполагалось выполнить в размерах на всю стену жилого здания, однако, в связи с недостаточным выделением средств на изготовление полотна пропорции пришлось сократить, и изображение заняло лишь 1/3 от первоначального объема. В результате этих изменений снизилось качество восприятия художественного произведения.

Над двумя главными мозаиками в городе Калининграде-Королеве, на центральной площади в оформлении трибун и в главном зале Дворца культуры имени М.И. Калинина работала выдающийся советский художник-мозаичист Линия Николаевна Сухова (Черепанова). Ее работы известны всей стране. Вместе с П. Кориным она работала над оформлением станций Московского метро «Комсомольская-Кольцевая» (полотно «Александр Невский»), «Киевская-Кольцевая» (полотно "Цветёт орденосная Украина — республика рабочих и крестьян" и "Народное гуляние в Киеве"), а также во многих городах СССР, в том числе – Московской области, Можайске, Подольске, Чехове.

Фото 6. Мозаичное панно, начало проспекта Королёва, г. Королёв, МО. Худ. Л. Кадушин, 1977 г.

В городе Калининграде Московской области Л.Н. Сухова работала в начале 1960-х гг. К пятидесятилетию Октябрьской революции ей поступил заказ на оформление центральной площади (стела у трибун) и в главного зала Дворца культуры им М.И. Калинина. (Фото 7, 8, 9, 10.).

Фото 7. Мозаичное панно (стела) на центральной площади г. Королёв, МО. Худ. Л. Сухова (Черепанова), 1967 г.

Фото 8. Эпизод мозаичного панно (стела) на центральной площади г. Королёв, МО. Худ. Л. Сухова (Черепанова), 1967 г. Революция, Великая Отечественная война.

Фото 9. Эпизоды мозаичного панно (стела) на центральной площади г. Королёв, МО. Худ. Л. Сухова (Черепанова), 1967 г. Серп и молот.

К этому времени она уже работала в Московском художественном фонде при Министерстве культуры РСФСР и Комбинате художественных работ при Московском областном художественном фонде. Эскизы для обоих сюжетов утверждал лично Сергей Павлович Королёв, курировавший в то время и строительство Дворца культуры.

Композиции обоих панно многослойные, состоящие из нескольких сюжетов и не рассчитанные на восприятие с первого взгляда.

Фото 10. Эпизоды мозаичного панно (стела) на центральной площади г. Королёв, МО. Худ. Л. Сухова (Черепанова), 1967 г. Ю. Гагарин.

Мозаика во Дворце культуры, оформляет портал главной сцены. (Фото 11.).

Сюжетами для этой мозаики стали как русские сказки Бажова и Пушкина, так и народное театральное искусство. Верхняя часть портала оформлена в характерной тематике развития науки и покорения космоса. (Фото 12.).

Цветную смальту для композиций привезли с юга СССР; выкладывали мозаику сама автор, Сергей Егорович Сухов и Василий Васильевич Пахомкин.

Полотно, оформляющее горизонтальную стелу на центральной площади более сложно для восприятия, чем мозаика во дворце культуры.

В едином сюжете развивается история Советского государства от Октябрьской революции до первого космонавта. Главными действующими лицами мозаики выступают универсальные изображения солдат Гражданской и Великой Отечественной войн, колхозники и рабочие, как главные

Фото 11. Мозаика в оформлении портала главной сцены ЦДК им. М.И. Калинина. г. Королёв, МО. Худ. Л. Сухова (Черепанова), 1967 г.

Фото 12. Мозаика в оформлении портала главной сцены ЦДК им. М.И. Калинина. г. Королёв, МО. Худ. Л. Сухова (Черепанова), 1967 г.

Фото 15. Мозаика в оформлении комплекса жилых домов на ул. Кирова г. Королёв, МО. Худ. неизвестен, 2-я половина 1970-х г.

представители создания и восстановления социалистического хозяйства, ликующие трудящиеся страны Советов, а также изображение Юрия Гагарина, первого космонавта, как итоговое достижение государства к 1967 году.

Целый художественный ряд мозаик располагается в оформлении жилых домов на улице 50-лет ВЛКСМ, самый длинный дом в городе, из-за чего в народе его называют «Китайской стеной», и комплекса зданий на улице Кирова. (Фото 13, 14.).

Фото 13. Комплекс мозаичных панно в оформлении жилого дома «Китайская стена» г. Королёв, МО. Худ. неизвестен, 1976 г. «Наука».

Фото 14. Комплекс мозаичных панно в оформлении жилого дома «Китайская стена» г. Королёв, МО. Худ. неизвестен, 1976 г. «Содружество».

Комплекс мозаик на Китайской стене (построен в 1976 году, архитектор Л. М. Дерналов) состоит из пяти разных по сюжету полотен. Названия в народе им были даны согласно доминирующей тематике изображений: «Наука» (Фото 13.), «Содружество» (Фото 14.), «Искусство», «Космос» и «Мир».

Мозаики имеют характерный для периода советского модернизма абстрактное изображение, наложение цветов, геометрические ломанные линии слоев, но в каждой из них есть центральное изображение, позволяющее нам понять сюжет: циркуль с формулами, сжатые в рукопожатие кисти рук и звезды кремлевских башен, музыкальный инструмент, созвездия. Фон для каждой мозаики также выбран соответственно каждому сюжету от глубоко-синего у «Космоса», до ярких легких тонов «Содружества».

В связи с тем, что общественное пространство в районе улицы Кирова относится к тихим жилым районам, космическая тематика в сюжетах мозаик этого комплекса домов минимальна и почти не используется. Больше доминируют бытовые темы спорта, чтения, досуга, отдыха. (Фото 15.).

Список литературы

1. Броницкая А., Малинин Н. Москва. Архитектура советского модернизма 1955-1991 гг. М.: ЦСИ Гараж. 2016.
2. Кагнар Э. Скрытый урбанизм. Архитектура и дизайн Московского метро. 1935-2015. М.: DOM Publishers. 2016.
3. Лебедева В. Советское монументальное искусство шестидесятых годов. М.: Наука. 1973.
4. Толстой В. П. Монументальное искусство СССР. М.: Советский художник. 1978.
5. Хан-Магомедов С.О. Мавзолей Ленина. М.: Издательский проект "Русский Авангард" Сергея Гордеева, 2012.

MOSAICS OF KOROLEV AS A CULTURAL SYMBOL OF THE SOVIET ERA

Chermoshentsev Andrey Viktorovich,
architectural historian,
assistant vice chairman,
Moscow Regional Duma.
archyany@gmail.com

Abstract

Mosaic panels of the Soviet period are monumental works of mosaics of the era of socialist realism in the art of the USSR, which are completely subordinate to the ideology of the ruling party and consistent with the tasks of the socialist system.

Keywords

Heritage, culture, mosaics, architecture, art, socialist realism, modernism.

RAR
УДК 008:311+069; 069.01
ББК 79.1
10.34685/НІ.2019.27.4.008

МУЗЕЙНАЯ СЕТЬ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Юренева Тамара Юрьевна,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник –
руководитель сектора музейной политики
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева
(Институт Наследия),
Берсеневская набережная, д.18-20-22,
Москва, Россия, 119072,
iureneva@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются в динамике основные количественные и качественные параметры музейной сети России, исследуется проблема обеспеченности музеями населения страны, рассматриваются недостатки и пробелы в существующей системе статистического наблюдения за музейной отраслью.

Ключевые слова

Музей, число музеев, музейная статистика, музейная политика, культурная политика.

На протяжении последних десятилетий в музейной сфере происходят глубокие изменения, вызванные активным внедрением информационных технологий, инновационных музейных практик, новых методик использования гуманитарных ресурсов. Музей постепенно становится важным фактором не только культурного, но и социально-экономического развития регионов. Повышение его роли в социокультурном пространстве, в свою очередь, актуализирует изучение музейной сети страны с целью установления закономерностей и тенденций ее развития, оптимизации процессов управления и планирования в области музейного дела. Среди важных и необходимых направлений исследований в этой области –

динамика развития музейной сети и отдельных профильных групп музеев, анализ обеспеченности музеями населения страны и жителей отдельных ее регионов. Изучению этих проблем и посвящена данная статья.

Музейная сеть России как исторически сложившаяся совокупность музеев формировалась на протяжении более чем трех столетий; в 1920-е гг. путем реорганизации дореволюционной сети и учреждения новых музеев на основе национализированных, конфискованных и секуляризованных художественных ценностей была создана единая государственная музейная сеть. Согласно существовавшей в советский период классификации по административному принципу, в стране функционировали государственные музеи и так

называемые общественные музеи – школьные музеи, музеи предприятий, колхозов, совхозов, музеи при местных Советах и т. д. Государственные музеи делились на музеи системы Министерства культуры и музеи других ведомств.¹

С конституционным закреплением многообразия форм собственности в постсоветский период стали развиваться новые типы музейных учреждений – муниципальные, частные, корпоративные и церковные музеи. В 1996 г. Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» впервые ввел разделение Музейного фонда страны на государственную и негосударственную части. Таким образом, в зависимости от формы собственности на музейные предметы и музейные коллекции, российские музеи разделены на государственные музеи и негосударственные музеи. Однако система статистического наблюдения за музейной отраслью осталась прежней и кардинальных изменений не претерпела: частные, корпоративные, церковные и другие негосударственные музеи средствами федеральной статистики не учитываются.

С 1970-х гг. сбором, обработкой и анализом музейной статистики на федеральном уровне занимается Главный информационно-вычислительный центр (ГИВЦ) Министерства культуры, который передает сведения Федеральной службе государственной статистики РФ (Росстату). ГИВЦ собирает данные о ведомственных и муниципальных музеях, но учитывает далеко не все из них. Дело в том, что форму федерального статистического наблюдения № 8–НК заполняют лишь юридические лица; музеи, не имеющие статуса юридического лица – многие структурные подразделения научных и образовательных организаций, предприятий, а также некоторых муниципальных учреждений культуры, как правило, оказываются вне системы статистического учета. Например, системой федерального статистического наблюдения охвачены не все музеи, находящиеся в ведении Российской академии наук и отраслевых академий наук. Среди ведомственных музеев субъектов РФ учитываются, главным образом, музеи федерального значения.

1 См.: Гнедовский М.Б., Хлопина О.В. Принципы классификации музеев // Музееведение. Вопросы теории и методики. М., 1987. С. 53.

Таким образом, в нынешней системе федерального статистического наблюдения имеются серьезные пробелы, уходящие корнями в советское прошлое. Они не позволяют объективно оценивать совокупность негосударственных музеев, затрудняют проведение полномасштабного анализа параметров музейной сети страны и разработку стратегии развития музейной отрасли.

Согласно данным ГИВЦ МК РФ, в 2017 г. в стране насчитывалось 2742 музея всех видов ведомственной принадлежности, включая филиалы (обособленные подразделения). При этом в ведении органов управления культурой находился 2641 музей, в ведении других министерств и ведомств — 101 музей. В соответствии с категорией культурной значимости 96 учреждений являются музеями федерального ведения, а остальные находятся в ведении субъектов Российской Федерации или муниципальных органов власти².

На протяжении последних десятилетий развитие государственной музейной сети России имело положительную динамику. За период 2001–2016 гг. число музеев, находящихся в ведении органов управления в сфере культуры, увеличилось на 30% (с 2027 до 2637 музеев). Общее число музеев всех ведомств и организаций за период 2008–2016 гг. возросло на 10% (с 2495 до 2742 музеев)³. Однако оценка отечественной музейной сети по принципу «от достигнутого» явно недостаточна для целей стратегического планирования и конструктивной культурной политики. Следует принимать во внимание и общеевропейский контекст развития отечественной музейной сферы, поэтому необходим сравнительный анализ количественных параметров музейной сети России и зарубежных стран. Безусловно, корректные исследования возможны лишь при наличии сопоставимых статистических данных.

Надо сказать, что с 1990-х гг. отсутствие сопоставимой статистики культуры было предметом обсуждения на многих международных

2 Музеи и зоопарки Российской Федерации в цифрах. 2017 год: Справочник. / Министерство культуры РФ, ГИВЦ. М., 2018. С. 6–9. URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators>

3 Статистика культуры 2016. Ежегодное справочное издание о состоянии культуры Российской Федерации в цифрах. М., 2017. С. 30–31. URL: <http://www.mkstat.ru/upload/statdoc/20180116.pdf>

конференциях, а Статистическое бюро Европейского Союза (Евростат) в 1997 г. учредило Экспертную группу по вопросам гармонизации статистики культуры. В музейной сфере попытки решить проблему международной сопоставимости статистических данных привели к созданию в 2002 г. Европейской группы по музейной статистике, в которой ныне присутствуют 32 страны – как члены Евросоюза, так и государства, не входящие в это объединение. Гармонизация статистических данных — процесс долговременный и трудоемкий, поэтому публикуемые материалы всегда сопровождаются подстрочными примечаниями, без учета которых сравнительный анализ некорректен⁴. Для сопоставления данных о величине музейной сети отдельных стран используется показатель, соотносящий число музеев с численностью населения в пересчете на 100 тыс. жителей.

Сопоставительный анализ показывает, что по числу музеев Россия является одним из лидеров среди европейских стран. Для сравнения: в 2016 г. в Германии насчитывалось 6712 музеев, в России – 2742, в Испании – 1504, в Швейцарии – 1108, в Польше – 944, в Нидерландах – 694, в Австрии – 553, в Чехии – 484, в Финляндии – 326, в Швеции – 301, в Эстонии – 246; в Сербии – 141. Однако показатель обеспеченности музеями населения России, то есть число музеев на 100 тыс. жителей является одним из самых низких в Европе – 1,9 музея. Для сравнения: в Германии – 8,17 музея; в Испании – 3,20; в Швейцарии – 13,30; в Польше – 2,46; в Нидерландах – 4,10; в Австрии – 8,55; в Чехии – 4,60; в Финляндии – 5,90; в Швеции – 3,09; в Эстонии – 18,70; в Сербии – 2,0.

Безусловно, эти данные носят исключительно ориентировочный характер, ведь статистические данные собираются на основе разных подходов, разных методов и разных дефиниций. Дело в том, что понятие «музей» в большинстве стран юридически не защищено, поэтому частное лицо или организация могут использовать его для обозначения своей коллекции или какой-то структуры. С другой стороны, некоторые учреждения могут и не иметь слова «музей» в своем наименовании, но являться таковыми по существу. Поэтому статистическое наблюдение не может основываться

на названии «музей», а должно исходить из определения музея. При этом одни страны используют дефиницию Европейской группы по музейной статистике, которая во многом совпадает с дефиницией Международного совета музеев, другие же исходят из национальных критериев, имеющих порой существенные особенности⁵.

Кроме того, во многих странах, как и в России, статистическим наблюдением охвачена не вся совокупность музеев. В ряде стран статистические опросы носят добровольный характер, и не все музеи ориентированы на эту процедуру. Например, в Австрии в 2016 г. из 747 зарегистрированных музеев респондентами стали лишь 553, таким образом, четвертая часть музейной сети (194 музея) осталась неохваченной статистическим наблюдением.

В Италии ежегодным статистическим наблюдением охвачены только государственные музеи, подведомственные Министерству культуры; в 2017 г. их насчитывалось 472. Сведения об остальных музеях периодически собирает и обрабатывает Итальянский национальный институт статистики. Согласно его данным, в 2011 г. в Италии насчитывалось 4588 музеев, из которых 454 учреждения являлись государственными музеями, 2120 находились в региональной и местной собственности, а 1618 были частными музеями. Таким образом, в Италии реальные показатели обеспеченности населения музеями легко корректируются в сторону почти десятикратного увеличения: 0,78 музеев (2017 г.) и 7,7 музея на 100 тыс. жителей (2011 г.) Применительно к России такая корректировка невозможна в силу вышеизложенных особенностей сбора, обработки и анализа музейной статистики. Между тем число музеев в расчете на количество жителей входит в группу международных статистических показателей, характеризующих уровень жизни населения. Поэтому объективные данные о количественных параметрах музейной сети необходимы для разработки стратегии дальнейшего развития музейной деятельности в России.

Надо сказать, что во второй половине 1990-х гг., занимаясь проблемой обеспеченно-

4 См.: EGMUS – The European Group on Museum Statistics: site. URL: <http://www.egmus.eu>

5 Об этом подробнее см.: Юренева Т. Ю. Музеи России в контексте европейских статистических измерений // Культура и искусство. 2018. № 7. С.8–20. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.7.26899. URL: http://e-notabene.ru/pki/article_26899.html

Музейная сеть Минкультуры

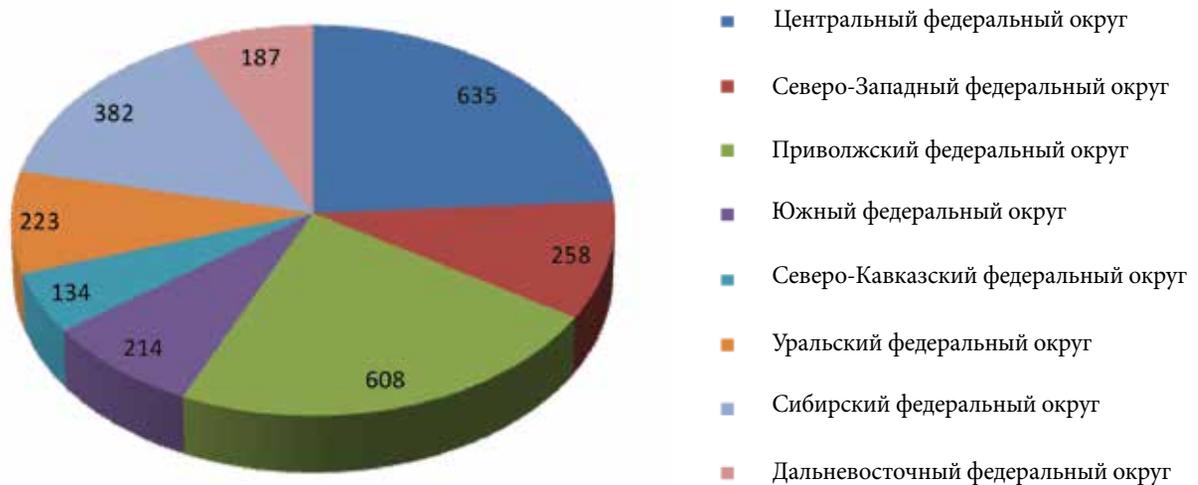

Рис. 1. Территориальное размещение музейной сети.

сти населения страны учреждениями культуры, Правительство РФ одобрило социальные нормативы, а также методику определения нормативной потребности субъектов Российской Федерации в объектах культуры, в том числе и в музеях. Эти нормативы носили рекомендательный характер и не распространялись на Москву и Санкт-Петербург. В каждом субъекте Российской Федерации за счет его бюджета рекомендовалось содержать не менее 2 музеев. Минимальное количество музеев в муниципальных районах, городских поселениях и городских округах, а также в сельских поселениях зависело от общей численности населения, наличия музейных коллекций и возможности органов власти обеспечить сохранность и безопасность предметов Музейного фонда РФ. Количество музеев, рекомендуемых для размещения в населенном пункте, варьировало от одного до трех⁶.

Основываясь на этой методике, Минкультуры России совместно с Фондом «Институт экономики и социальной политики» провели анализ

и оценку обеспеченности населения субъектов РФ учреждениями культуры. Данные представили органы управления культурой 37 субъектов РФ, но для расчетов использовались данные 35 субъектов, так как одобренные нормативы на Москву и Санкт-Петербург не распространялись.

Результаты исследования выявили низкий уровень обеспеченности населения субъектов РФ музеями: при нормативной потребности 9525 единиц фактическая обеспеченность составила 1434 учреждения, т. е. 15 %. При этом городские поселения имели более высокий уровень обеспеченности (77%), чем сельские поселения (3%). Субъекты РФ, имеющие уровень обеспеченности в 100% и более, отсутствовали. Лучше остальных оказались обеспечены музеями Вологодская (91%), Смоленская (75%) и Калужская (67%) области. Значительно ниже нормативного значения оказалось количество музеев в Курганской (2%), Липецкой (3%), Амурской (4%) и Томской (5%) областях⁷.

Территориальное размещение – один из важных параметров музейной сети. Как уже отмечалось, в 2017 г. в ведении органов управления культурой находился 2641 музей. Распределение

6 См: Распоряжение Правительства РФ от 19.10.1999 N 1683-р (ред. от 23.11.2009) «О методике определения нормативной потребности субъектов РФ в объектах социальной инфраструктуры» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115847/. Распоряжение утратило силу с 24 апреля 2016 г. на основе Распоряжение Правительства РФ от 14.04.2016 N 664-р

7 Результаты анализа и оценки обеспеченности субъектов Российской Федерации учреждениями культуры. М.: «Издательство «Проспект», 2010. С. 21–23

Профильные группы музеев

Рис. 2. Профильные группы музеев.

музейной сети Минкультуры по федеральным округам представлено на рис. 1.

Более половины музеев сосредоточены в европейской части страны преимущественно на территории Центрального (24%), Северо-Западного (10%), Приволжского (23%) и Южного (8%) федеральных округов. В Сибири и на Дальнем Востоке находится примерно пятая часть музейной сети, а в Северо-Кавказском федеральном округе – 5% музеев. Эта неравномерность территориального размещения обусловлена исторически: начальные этапы формирования музейной сети в XVIII–XIX вв. носили в известной степени стихийный характер, а в первые годы советской власти музеи создавались главным образом в тех регионах, где были сосредоточены дворцы, особняки, усадьбы и монастыри, ставшие объектами музеефикации. Поэтому резко возросло число музеев в европейской части России, и почти не изменилась музейная сеть Северного Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока.

К числу важных характеристик музейной сети относится ее профильный состав. Надо сказать, что профильное деление носит в достаточной степени условный характер, и классификационные схемы, предлагаемые исследователями, имеют определенные отличия. Например, разные подходы существуют в отношении музеев, связанных с видами искусства. В 1984 г. Управление музеев Министерства культуры СССР создало межведомствен-

ную рабочую группу по вопросам классификации музеев под председательством А. М. Разгона. Одним из предложенных ею новшеств стало разделение музеев на художественные и искусствоведческие. В группу художественных музеев вошли, как и прежде, музеи изобразительных искусств, декоративно-прикладного искусства, народного художественного творчества и художественных промыслов, дворцово-декоративного и паркового искусства. Музеи, документирующие другие виды искусства – театральное, музыкальное, фото и киноискусство – составили группу искусствоведческих музеев⁸. Это деление выглядит необоснованным, прежде всего, из-за формулировки «искусствоведческий музей», которая в данном контексте воспринимается как некорректная, ведь художественные музеи связаны с искусствоведением ничуть не в меньшей степени.

ГИВЦ Минкультуры и Росстат используют в своих статистических обзорах классификацию ЮНЕСКО, которая выделяет семь профильных групп. Анализ данных за 2017 г. представлен на рис. 2.

Более половины музейной сети (52%) составляют краеведческие музеи; следующая по численности группа – исторические и археологические

8 См.: Гнедовский М. Б., Хлопина О. В. Указ. соч. С. 42, 47–48.

музеи (19%). Искусствоведческие музеи, в числе которых – музеи изобразительного и прикладного искусства, скульптуры, архитектуры, фотографии, кино и картинные галереи, составляют 12%. К группе комплексных относятся музеи со смешанными коллекциями, доминантный тип которых выделить не представляется возможным; она включает около 9% музейных учреждений. Примерно по 1% от общего числа музеев приходится на естественно-научные и научно-технические музеи. В группу «отраслевые, специализированные и прочие» входит 6% учреждений⁹.

Анализ динамики профильных групп показывает, что за последние 20 лет активно развивались, главным образом, краеведческие музеи: в 1995 г. они составляли 39% музейной сети, в 2000 г. – 44%, в 2005 – 47%, в 2010 г. и в последующие годы – 52%. Возможно, этот рост в немалой степени обусловлен управленческими решениями, согласно которым в муниципальных районах один из двух-трех создаваемых музеев должен был быть краеведческим¹⁰.

На протяжении последних десятилетий относительную стабильность показывала группа научно-технических музеев, составлявшая около 1%; число естественно-научных музеев колебалось в пределах 2,5–1,5%; число исторических и археологических музеев сократилось с 22% в 1995 г. до 19% в 2015 г. Устойчивую тенденцию к снижению продемонстрировала и группа искусствоведческих музеев: в 1995 г. она составляла 17% от общего числа музеев, в 2000 г. — 15%, в 2005 г. — 14%, в 2010 г. и в последующие годы — около 12%.

Эти изменения, безусловно, требуют не простой констатации, а глубокого анализа, как и другие количественные и качественные параметры музейной сети. Ведь разработка стратегии развития музейной деятельности в России, которая приобрела особую актуальность в последние годы, нуждается в объективных сведениях о музейной отрасли. Для выявления закономерностей и тенденций развития определенных групп музеев и музейной сети в целом нужен учет всей со-

вокупности музеев страны, независимо от наличия статуса юридического лица и ведомственной принадлежности, нужна оценка средствами федеральной статистики частных, корпоративных и прочих негосударственных музеев.

Список литературы

1. Броницкая А., Малинин Н. Москва. Архит1. Гнедовский М. Б., Хлопина О. В. Принципы классификации музеев // Музееведение: Вопросы теории и методики / Отв. ред. Дукельский В. Ю. М.: НИИК, 1987. С. 41–54.
2. Музеи и зоопарки Российской Федерации в цифрах. 2017 год: Справочник. / МК РФ, ГИВЦ, М., 2018. URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators/>
3. Платное обслуживание населения в России. 2017: Стат. сб./ Росстат., М., 2017. – 110 с. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/plat17.pdf>
4. Распоряжение Правительства РФ от 19.10.1999 N 1683-р (ред. от 23.11.2009) «О методике определения нормативной потребности субъектов РФ в объектах социальной инфраструктуры». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115847/(дата обращения: 16.08.2019).
5. Результаты анализа и оценки обеспеченности субъектов Российской Федерации учреждениями культуры. М.: «Издательство «Проспект», 2010. – 164 с.
6. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб./ Росстат. М., 2018. – 694 с. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/year18.pdf>
7. Статистика культуры 2016. Ежегодное справочное издание о состоянии культуры Российской Федерации в цифрах. М., 2017. 292 с. URL: <http://www.mkstat.ru/upload/statdoc/20180116.pdf>
8. Юренева Т. Ю. Музеи России в контексте европейских статистических измерений // Культура и искусство. 2018. № 7. С.8–20. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.7.26899. URL: http://e-notabene.ru/pki/article_26899.html
9. EGMUS – The European Group on Museum Statistics: site. URL: <http://www.egmus.eu/> (дата обращения: 18.09.2019).

9 Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб./ Росстат. М., 2018. С. 227. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/year18.pdf>. Платное обслуживание населения в России. 2017: Стат. сб./ Росстат. М., 2017. С. 77. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/plat17.pdf>

10 См: Распоряжение Правительства РФ от 19.10.1999 N 1683-р ...

MUSEUM NETWORK OF RUSSIA: MAIN CHARACTERISTICS AND PROBLEMS OF STUDY

Yureneva Tamara Yurjevna,

DcS of History,

Chief Researcher – Head of the Museum Policy Sector,

Russian Institute of Cultural and Natural Heritage

by named D. S. Likhachev (Heritage Institute),

Bersenevskaya nab. 18-20-22, 119072 Moscow, Russian Federation,

iureneva@mail.ru

Abstract

The article analyzes in dynamics the main quantitative and qualitative parameters of the museum network of Russia, explores the problem of providing the country's population with museums and considers the shortcomings and gaps in the existing system of statistical monitoring of the museum sphere.

Keywords

Museum, number of museums, museum statistics, museum policy, cultural policy.

RAR
УДК 069.01
ББК 79.1
10.34685/НН.2019.27.4.009

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ГОРКИ ЛЕНИНСКИЕ»: ПРОБЛЕМЫ РЕБРЕНДИНГА

Зотова Татьяна Анатольевна,
старший научный сотрудник, Российский научно-исследовательский инсти-
тут культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
129366, Москва, ул. Космонавтов, д.2;
ведущий научный сотрудник, Государственный исторический музей-
заповедник «Горки Ленинские»,
142712, Московская обл., Ленинский р-н,
пос. Горки Ленинские, ул. Центральная, д. 1.
79689215192@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется опыт ребрендинга музейного пространства Государственно-го исторического музея-заповедника «Горки Ленинские». Раскрываются основные этапы и современные принципы этой деятельности. Значительное внимание в статье уделяется актуальным экспозиционно-выставочным проектам, формирующим современную систему брендов «Музея, сохранившего эпохи».

Ключевые слова

Экспозиционно-выставочная деятельность, брендинг территорий, бренд, музееведение, музей-заповедник, горки ленинские, выставки, исторический музей, музей.

В постсоветские времена ленинские музеи закрывались не с меньшим энтузиазмом, чем они открывались во времена советские. Имея в основе мемориальные комплексы, связанные с весьма неактуальными для 1990-х гг. темами, они оказались перед необходимостью тотальной модернизации своего образа и всей деятельности¹. Сотрудники ленинских музеев первыми познакомились с таким понятием как «ребрендинг». В данной статье анализируется опыт одного из подобных учреждений – Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские», который в начале 1990-х гг. стол-

кнулся с неизбежностью переосмысления своей деятельности и перепозиционирования себя в глазах потенциальных посетителей².

Определяя понятие бренд как «систему знаков или символов, помогающую потребителям отличать объекты и услуги»³ одного учреждения от другого, а музейную экспозицию – как

1 См. Калякина А.В. Формирование системы ленинских музеев. 1920-1990-е годы // Музейный сборник №7. М., 2002. С. 58-70.

2 См. Калякина А.В. Новая модель ленинского музея на примере Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские» // Музейный сборник №7. М., 2002. С. 7-19.

3 Нельзина О.Ю., Окороков А.В., Поляков Т.П. Тематические парки как учреждения музейного типа: проблемы и перспективы. М., 2019. С. 246.

«определяющую форму существования музея»⁴, рассмотрим процесс ребрендинга музея-заповедника через основные направления развития его экспозиционно-выставочной деятельности.

Пропуская историю⁵ формирования и развития музейного комплекса «Горки Ленинские», которая началась в 1938 г., отметим, что к 1990-м гг. в распоряжении коллектива имелась значительная территория (350 гектар) с охранной зоной (9,5 тыс. гектар), многочисленные архитектурные, археологические и природные памятники, а также несколько музейных объектов со стационарными экспозициями: Дом-музей В.И. Ленина в Горках (позже – Музей-усадьба «Горки»), «Музей В.И. Ленина» в Научно-культурном центре («Музей политической истории России с 1917 г. по 1924 г.») и Музей В.И. Ленина в д. Горки (Музей крестьянского быта).

В основу обновленной деятельности музея-заповедника был положен принцип многопрофильности, закрепленный в «Концепции сохранения, устойчивого функционирования и развития ГИЗ «Горки Ленинские»,⁶ разработанной в 1997–1998 гг. Особое внимание было обращено на темы, связанные с усадебной культурой, традициями и бытом крестьян южного Подмосковья на рубеже XIX–XX вв., историей и археологией края. Началась активная выставочная деятельность.⁷

Однако, практически единственным «брендом» музея-заповедника в 1990–2000-е гг., по-прежнему, оставалась ленинская тематика. Во-первых, за годы «лихолетья», сотрудники музея не только смогли сохранить свою коллекцию предметов, связанных с именем В.И. Ленина и членов его семьи, но и значительно ее преумножили. В 1994 г. по распоряжению Правительства РФ, в связи с реконструкцией здания Сената, коллекция Музея «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле», насчитывающая более 53 тысяч

единиц, была передана для хранения и экспонирования в «Горки Ленинские».

Во-вторых, заявленная многопрофильность еще долгие годы не отражалась в экспозиции Музея-усадьбы «Горки» – самого популярного объекта заповедника: главным «содержанием» здесь по-прежнему являлась «жизнь и деятельность Ленина»⁸. Даже минимальные попытки ребрендинга уникальной усадьбы вызывали колоссальные дискуссии как внутри коллектива⁹, так и среди общественности. Стойкая идеологическая мифологема «Горки Ленинские – это только Ленин» продолжала работать.

Шло время, постепенно возрастал общественный интерес к русским усадьбам как самобытному явлению российской национальной культуры. В 2015 г. после научной реставрации Большого дома Музея-усадьбы «Горки» принцип многопрофильности получил, наконец, экспозиционное воплощение. Решение восстановить аутентичную обстановку усадьбы на период 1918 г. – времени выезда из Горок бывшей хозяйки и времени приезда в усадьбу В.И. Ленина – «позволило наиболее полно раскрыть в экспозиции музея как усадебную, так и ленинскую тематику»¹⁰. Несмотря на то, что дискуссии вокруг проводимого ребрендинга не утихают и поныне, его успешность и эффективность однозначно отображены в росте количества посетителей музея-заповедника и в росте доли его внебюджетных доходов.¹¹

Безусловно – это результат удачного введения в оборот второго большого «бренда» на пути превращения бывшего идеологического музея в многопрофильное учреждение культуры. Но данный шаг – не единственный, а предваряющий основные мероприятия по ребрендингу музея-заповедника.

4 Поляков Т.П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. М., 2018. С.7.

5 См., например: Наумова Г.А., Савинова Е.Н., Шубина Т.В. Музей и время. М., 2012. 225 с.

6 См. Зайцева Г.А., Некрасов Р.М. Основные положения Концепции сохранения и развития Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские» // Музейный сборник № 5. М., 1999. С. 3-9.

7 Наумова Г.А., Савинова Е.Н., Шубина Т.В. Музей и время. М., 2012. С. 136-154.

8 Хромов О.В., Добринина Е.К., Власов Б.В., Шубина Т.В., Наседкин Е.Н., Зотова Т.А. и др. Концепция развития Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские» до 2025 года. Горки Ленинские, 2019. С. 21.

9 Наумова Г.А., Савинова Е.Н., Шубина Т.В. Музей и время. М., 2012. С. 198.

10 Хромов О.В., Добринина Е.К., Власов Б.В., Шубина Т.В., Наседкин Е.Н., Зотова Т.А. и др. Указ. соч. С. 25.

11 Там же. С. 113-118.

Они обозначены в принятой в 2019 г. новой «Концепции развития...»¹².

Среди первоочередных задач ребрендинга – планируемое развитие «Горок усадебных», вплоть до восстановления всего историко-ландшафтного комплекса. На первом этапе – музеефикация хозяйственных объектов усадьбы и благоустройства исторического парка.

В Инженерном корпусе усадьбы, сохранившем подлинный архитектурный облик и уникальное техническое оборудование¹³, планируется открытие интерактивной экспозиции под названием «Русская Аркадия Серебряного века». Посетитель попадет в атмосферу раннего синемаатографа с возможностью просмотра дореволюционных кинокартин, посещения усадебного буфета и ознакомления с прочими удовольствиями эпохи отечественного модерна. Часть помещений корпуса отводится под создание выставки «Русский свет», посвященной электротехническим достижениям России конца XIX – начала XX вв. В программу выставочного проекта будет входить посещение смотровой площадки водонапорной башни, откуда открываются великолепные перспективы на окрестности усадьбы¹⁴.

Предстоит модернизация и легендарной экспозиции «Мемориальный гараж». Здесь на основе единственного в мире автомобиля Rolls-Royce «Silver Ghost» на полугусеничном ходу (автосани) с помощью мультимедийных технологий планируется создать интерактивную выставку «Он любил быструю езду», которая рассчитана на молодежную аудиторию.

В Оранжерейном комплексе усадьбы развернется интерактивная экспозиция «Образцовое хозяйство», знакомящая с организацией хозяйственной жизни усадьбы начала XX в. В пространстве «зимнего сада» будут проводиться тематические выставки, а в оборудованных гостиничных номерах – проживать посетители.

Своеобразной зоной «живого музея» в Музее-усадьбе «Горки» должен, наконец, стать и исторический усадебный парк. После реставрации и восстановления малых архитектурных форм

он станет площадкой для проведения культурно-развлекательных мероприятий, нацеленных на погружение в традиционные для русской усадьбы досуговые занятия.

Отметим, что «ленинское» направление музейной деятельности ждет не меньшее обновление. В состав ключевых объектов «Горки Ленинских» входят две самостоятельные экспозиции на данную тему: в Музее «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле» и в Научно-культурном центре «Музей В.И. Ленина».

Первая из них, напомним, представляет восстановленную экспозицию кремлевского музея В.И. Ленина. В мемориальном парке было выбрано одноэтажное здание дореволюционной постройки, примерно равное площади кремлевской экспозиции, однако этажность, планировка, расположение комнат существенно различались со зданием Сената. Поэтому произвести точное копирование кремлевского музея в этих помещениях было невозможно. Начался поиск сбалансированного подхода.¹⁵ Первый вариант восстановленной экспозиции был открыт в 1995-1996 гг. и просуществовал до 2017 г. В тот же период были сформулированы некоторые принципы актуализации необычного собрания и начата их реализация.

В итоге коллектив музея ставит перед собой сложную задачу: максимально приблизить данную экспозицию к кремлевскому оригиналу¹⁶. Во время капитального ремонта (2017-2018 гг.) была проведена перепланировка и увеличено количество помещений. В новой экспозиционной зоне – воссоздан «Кремлевский коммутатор», получили более точное расположение условные «комнаты» Марии Ульяновой и Надежды Крупской. Следующий шаг – восстановление внешнего облика двух помещений – «кремлевской кухни» и «кабинета В.И. Ленина», за счет изготовления точных макетов печи и камина, с использованием подлинных изразцов. Предстоит также модернизировать территорию, прилегающую к зданию музея. Оригинальный проект ее оформления нацелен на созда-

12 Хромов О.В., Добринина Е.К., Власов Б.В., Шубина Т.В., Наседкин Е.Н., Зотова Т.А. и др. Указ.соч.143 с.

13 Нефтяной двигатель «Отто Дейтц».

14 Хромов О.В., Добринина Е.К., Власов Б.В., Шубина Т.В., Наседкин Е.Н., Зотова Т.А. и др. Указ. соч. С. 34.

15 См. Савинова Е.Н. Новые принципы музейного использования коллекции Музея «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле» // Музейный сборник №7. М., 2002. С.25-30.

16 Хромов О.В., Добринина Е.К., Власов Б.В., Шубина Т.В., Наседкин Е.Н., Зотова Т.А. и др.Указ. соч. С. 46.

ние у посетителя «мягкой иллюзии нахождения на территории Московского Кремля»¹⁷.

Такой подход, при удачном воплощении, может стать своеобразным экспозиционным ответом на излюбленные вопросы посетителей и критиков этого музея по поводу его мемориальности и подлинности. Обладая максимально полной коллекцией предметов, связанных с бытом В.И. Ленина и его семьи, но не имея подлинных помещений, в которых протекала их реальная жизнь, сотрудники музея вынуждены экспериментировать и искать оригинальные пути ответа на эти непростые вопросы.

В процессе ребрендинга интерес вызывают проекты, демонстрирующие новые способы актуализации этого собрания. Сегодня Музей «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле» ориентирован не на историко-политическую, а на историко-бытовую тематику. Одним из приоритетных направлений исследовательской и экспозиционно-выставочной деятельности является тема «Ульяновы как представители разночинного дворянства и интеллигенции конца XIX – начала XX вв.»¹⁸. Актуальный пример – разработка проекта экспонирования предметов женской одежды, характерной для той эпохи и входящей в собрание музея.

Дальнейшее развитие этого музея предусматривает организацию мультимедийной зоны с интерактивными комплексами «Ленин на карте мира», «Интерактивная библиотека» и «Разговор с Лениным». Они ориентированы на разные возрастные категории, в первую очередь – на молодежную аудиторию. Локализация подобных проектов в отдельном зале, предваряющем осмотр ансамблевой экспозиции, рассматривается как разумный компромисс «между требованиями современности и сохранением» особой ауры музейного комплекса, построенного исключительно на подлинных предметах.¹⁹

Вторая экспозиция на ленинскую тему, расположенная в Научно-культурном центре «Музей В.И. Ленина», – совершенно иного плана. Данный комплекс представляет собой уникальный памятник

советской пропаганды и музейных технологий конца 1980-х гг.²⁰

Главный «экспонат» этого музея – идеологизированная картина советского прошлого, показанная с помощью документов первых советских лет и теоретико-публицистических работ В.И. Ленина. Их подборка должна была сформировать у посетителя определенный образ исторических событий с 1917 г. по 1924 г.²¹ Органически увязывалась с документальной экспозицией система аудиовизуальных комплексов или идейно-эмоциональных центров, «кубов», при создании которых многие технологии были использованы впервые в мировой и российской музейной практике²². Применение мультимедийных технологий обосновано желанием создать музей для нового поколения, музей для человека не только думающего, но и чувствующего. Удивительно, что авторы этой экспозиции предугадали будущие тенденции развития мирового музейного дела, создав здесь атмосферу сопереживания и «со-бытия», другими словами – вовлеченности зрителя в исторические события.

Однако этот «центр» на долгие годы оказался вне внимания посетителей. Частичную модернизацию экспозиция прошла в 1990-е гг., вначале получив новое название – «Музей политической истории России с 1917 г. по 1924 г.». Позднее обновилась документальная экспозиция, в частности – за счет введения информации о Белом движении. Проводились мероприятия по поддержанию работоспособности аудиовизуальных комплексов, но в условиях упадка общей посещаемости музея-заповедника их реализация осложнялась недостаточностью кадровых и финансовых ресурсов.

17 Там же. С. 42.

18 Хромов О.В., Добрина Е.К., Власов Б.В., Шубина Т.В., Наседкин Е.Н., Зотова Т.А. и др. Указ. соч. С. 50.

19 Там же. С. 40-41.

20 Внутренняя планировка экспозиционных залов и дизайн интерьеров разработаны художниками Комбината живописно-оформительского искусства г. Ленинграда (г. Санкт-Петербурга) – В.Л. Ривиным, В.И. Коротковым, В.Н. Бугай и В.И. Куминовым. См. Наумова Г.А., Савинова Е.Н., Шубина Т.В. Музей и время. М., 2012. 225 с.

21 Хромов О.В., Добрина Е.К., Власов Б.В., Шубина Т.В., Наседкин Е.Н., Зотова Т.А. и др. Указ. соч. С. 54-55.

22 Аудиовизуальная и светотехническая аппаратура и системы программного управления были закуплены, согласно подписанному 20 марта 1987 г. контракту, у английской фирмы «Электросоник». Управляется мультимедийная система компьютером Macintosh. Там же. С. 55.

Сегодня «реставрация и сохранение стационарной экспозиции в Научно-культурном центре «Музей В.И. Ленина», «а также разработка актуальных проектов и программ по экспозиционно-выставочному и образовательно-просветительскому использованию дополнительных площадей научно-культурного центра»²³ является одной из приоритетных задач.

Планируется подготовить ряд выставочных проектов на тему «Ленин. XXI век». Это должны быть экспозиции-дискуссии, актуализирующие наиболее «живучие» ленинские идеи и созданные в увлекательной, квестовой форме, с использованием современных музейно-экспозиционных технологий²⁴, т.е. рассчитанные на молодежную аудиторию.

Кроме брендов, связанных с ключевыми темами музея-заповедника, его потенциальных посетителей в ближайшем будущем ожидает много новых тем, экспозиций, образов и сюжетов.

Прежде всего, продолжит свое развитие «Музей крестьянского быта», постепенно превращающийся в полноценный историко-бытовой и интерактивный комплекс, отражающий бытовую и хозяйственную жизнь трудового крестьянства Подмосковья в начале XX века. Он был открыт в 1982 г. в одном из домов деревни Горки, где 9 января 1921 г. произошла встреча местных крестьян с В.И. Лениным по вопросу электрификации. Дом принадлежал семье крестьян Шульгиных, которая долгие годы сохраняла его внутреннюю обстановку в память об этом событии. Изначально экспозиция музея делилась на два блока – историко-документальный, посвященный истории электрификации деревни, и историко-бытовой, отображающий обстановку крестьянского дома. В 1992 г. Музей В.И. Ленина в деревне Горки получил современное название, и основным направлением его развития стало второе – этнографическое²⁵.

В настоящий момент данная экспозиция позиционируется как гармоничное дополнение усадебной тематики. Одну из существенных сложностей в продвижении Музея крестьянского быта – отдаленность от основной территории

музея-заповедника – предполагается устранить за счет «экологической тропы»²⁶, которая обозначит духовную связь народной жизни и жизни обитателей усадеб (накануне известных событий), и объединит две ипостаси русского мира. Очень важно, что в контексте этого обновленного «крестьянского» комплекса намечается проведение ряда образовательных и культурно-массовых, игровых и театрализованных программ, нацеленных на семейную аудиторию²⁷ и пропагандирующих «семейные ценности» российской цивилизации.

Другое направление ребрендинга – актуализация археологического наследия и популяризация средневековой истории данного «месторазвития»²⁸. На территории музея-заповедника расположены многочисленные археологические объекты²⁹, среди которых особого внимания заслуживают славянские курганы X–XII вв., принадлежавшие племенам вятичей. Органично вписанные в планировку верхнего парка, эти свидетели прошлого придают всему комплексу дополнительную ауру древности. Полноценно ее раскрыть призван новый масштабный проект музея-заповедника – «Историко-тематический парк-музей «Земля Вятичей».

Предполагается, что этот парк-музей будет строиться по мотивам исторических легенд о вятичах и былинных сюжетах об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Он воплотит условный образ столицы вятичей – таинственного города Вантит: здесь будут развернуты интерактивные экспозиции, характеризующие землю воинов,

23 Там же. С. 17.

24 Там же. С. 59.

25 См. Наумова Г.А., Савинова Е.Н., Шубина Т.В. Музей и время. М., 2012. 225 с.

26 Хромов О.В., Добринина Е.К., Власов Б.В., Шубина Т.В., Наседкин Е.Н., Зотова Т.А. и др. Указ. соч. С. 70.

27 Там же. С. 67-70.

28 Месторазвитие – одно из фундаментальных понятий, введенное в научный оборот основателями евразийского учения, а также созданная на его базе концепция «стяжения воедино географических и исторических начал». По мнению автора термина, известного русского геополитика П. Н. Савицкого (1895-1968), это понятие наиболее полно отражает процесс пространственно-временного взаимодействия между социумом и вмещающим его ландшафтом. См. URL: <http://ponjatija.ru/node/591>. Обращение от 06.05.2019.

29 См. Кренке Н.А. Археологическая карта музея-заповедника «Горки Ленинские» // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмосковья. М., 1995. С. 90-121.

охотников и мастеров, которая позже всех древнерусских территорий покорилась власти киевских князей и, через несколько столетий, стала основой для создания Московской Руси.

Реализация проекта предполагает грамотное зонирование его пространства – разделение на «сакральную часть», с мемориальными вятичскими курганами, и «профаническую зону», находящуюся на периферии исторического парка и предназначенную для создания реконструкций, а также проведения образовательных и культурно-массовых мероприятий на данную тему.³⁰

Второй археологический «бренд» – история белокаменного дела: на сопредельной территории были обнаружены следы поселений XIV-XVII вв., жители которых занимались добычей известняка.³¹ В полуподземных помещениях музея-усадьбы «Горки» планируется открыть экспозицию «Путь Белого Камня», посвященную этому уникальному строительному материалу, добывавшемуся в районе реки Пахры, и белокаменному Кремлю времен Дмитрия Донского, как символу побед и трагедий, сопровождающих начало становления российского государства. В процессе ее создания предполагается использовать не только археологическую коллекцию, но и современные технологии, с помощью которых посетитель сможет поучаствовать в ярком и драматическом действии с музейной спецификой.

Экспозиция должна войти в состав экскурсионного маршрута «Тайны Горкинских подземелий», который был частично запущен в январе 2019 г. На данный момент он включает полуподвальные помещения Южного флигеля, Большого дома и подземный переход, их соединяющий. В долгосрочной перспективе для расширения маршрута и создания экспозиции, посвященной эпохе первых владельцев усадьбы XV-XVII вв., предполагается использовать полуподвальные помещения Северного флигеля, которые имеют

сводчатую конструкцию и древнюю кирпичную кладку.³²

Данные проекты нацелены на преодоление канонов традиционного музея-заповедника, стремящегося, как правило, только к физическому сохранению историко-культурного и природного наследия, находящегося на его территории. Ведь термин «духовное хранение»³³ подразумевает, прежде всего, актуализацию, интерпретацию и, главное, доступность этого наследия для потенциальных посетителей.

Как справедливо отмечено в «Концепции...», история данного «месторазвития» не ограничивается «ленинской» и «усадебной» темами, а включает «реальную историю разных эпох, от времени финно-угорских племен до периода перестройки»³⁴. Это обстоятельство позволяет заняться масштабным ребрендингом музейного пространства, насыщенного действительными и потенциальными историко-культурными объектами, нуждающимися либо в обновлении, либо в профессиональной музеефикации.

«Музей, сохранивший эпохи»³⁵ – лозунг, который встречает каждого посетителя уже сегодня. Надеемся, что со временем этот лозунг будет дополнен гармоничной системой равноправных музейных экспозиций, объединенных одной метатемой – духовной аурой «Горки Ленинские» как уникального ландшафта, отражающего основные этапы истории и культуры России.

Список литературы

1. Зайцева Г.А., Некрасов Р.М. Основные положения Концепции сохранения и развития Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские» // Музейный сборник. № 5. М., 1999. С. 3-9.

30 Хромов О.В., Добринина Е.К., Власов Б.В., Шубина Т.В., Наседкин Е.Н., Зотова Т.А. и др. Указ. соч. С. 79-82.

31 См. Наседкин Е.Н. «Путь белого камня» - как экспериментальный сборник материалов исследований, посвященных добыче белого камня // Путь белого камня. Материалы научной конференции «Путь белого камня». М., 2015. С. 5-7.

32 Хромов О.В., Добринина Е.К., Власов Б.В., Шубина Т.В., Наседкин Е.Н., Зотова Т.А. и др. Концепция развития Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские» до 2025 года. Горки Ленинские, 2019. С. 78-79.

33 Автор термина «духовное хранение» – российский музеевед и культуролог Н. И. Романов. См. Романов Н. И. Местные музеи и как их устраивать». М., 1919. С. 17.

34 Хромов О.В., Добринина Е.К., Власов Б.В., Шубина Т.В., Наседкин Е.Н., Зотова Т.А. и др. Указ. соч. С. 15.

35 Там же. С. 128.

2. Калякина А.В. Формирование системы ленинских музеев. 1920-1990-е годы // Музейный сборник. № 7. М., 2002. С. 58-70.
3. Калякина А.В. Новая модель ленинского музея на примере Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские» // Музейный сборник. № 7. М., 2002. С. 7-19.
4. Кренке Н.А. Археологическая карта музея-заповедника «Горки Ленинские» // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмосковья. М., 1995. С. 90-121.
5. Менькова О.Ю., Шубина Т.В. Музей-усадьба «Горки» и его коллекция. М., 2005. 160 с.
6. Наседкин Е.Н. «Путь белого камня» - как экспериментальный сборник материалов исследований, посвященных добыче белого камня // Путь белого камня. Материалы научной конференции «Путь белого камня». М., 2015. С. 5-7.
7. Наумова Г.А., Савинова Е.Н., Шубина Т.В. Музей и время. М., 2012. 225 с.
8. Нельзина О.Ю., Огороков А.В., Поляков Т.П. Тематические парки как учреждения музейного типа: проблемы и перспективы. М., 2019. 288 с.: ил.
9. Офицеров В.А. О ленинской тематике в Музее-заповеднике «Горки Ленинские» // Музейный сборник. № 13. М., 2009. С. 3-8.
10. Поляков Т.П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. М., 2018. 588 с.
11. Романов Н.И. Местные музеи и как их устраивать». М., 1919. 110 с.
12. Савинова Е.Н. Новые принципы музейного использования коллекции Музея «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле» // Музейный сборник. №7. М., 2002. С.25-30.
13. Шубина Т.В. «Живой музей»: проблемы проектирования экспозиции Музея-усадьбы «Горки» // Современные проблемы сервиса и туризма. № 2/2009. С. 23-32.
14. Хромов О.В., Добринина Е.К., Власов Б.В., Шубина Т.В., Наседкин Е.Н., Зотова Т.А. и др. Концепция развития Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские» до 2025 года. Горки Ленинские, 2019. 143 с.

STATE HISTORICAL MUSEUM-RESERVE "GORKI LENINSKIYE": REBRANDING ISSUES

Zotova Tatyana Anatolyevna,

senior researcher, Russian Scientific Research Institute for cultural and natural heritage.

D. S. Likhachev, 129366, Moscow, UL. Astronauts, d. 2;

leading researcher, State Historical Museum-Reserve "Gorki Leninskiye",

142712, Moscow region, Leninsky district,

Gorki Leninskie, Central street, 1.

79689215192@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the experience of museum rebranding of the State Historical Museum-Reserve "Gorki Leninskiye". The main stages and modern principles of this activity are revealed. Considerable attention in the article is paid to the actual exposition and exhibition projects that form the modern museum brand system.

Keywords

Exposition, exhibition, branding, brand, museology, museum-reserve, museum rebranding, Gorki Leninskiye, historical museum, museum.

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

RAR
УДК 93/94
ББК 63.0
10.34685/НИ.2019.27.4.010

«ЗАПИСИ» А. Н. СКРЯБИНА В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Пархоменко Татьяна Александровна,
доктор исторических наук;
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва,
руководитель Центра культурного наследия русского зарубежья,
119072 Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, д. 20.
ParchomenkoT@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются дневниковые «Записи» великого русского композитора А. Н. Скрябина конца XIX – начала XX века, которые являются уникальным письменным памятником и ценным источником по истории культуры Серебряного века. Они раскрывают неизвестные страницы биографии Скрябина, показывают его творческую лабораторию, дают представление о понимании им нового искусства, свободы творчества, роли и места креативной личности в развитии человечества. «Записи» расширяют существующие представления об эпохе Серебряного века, восстанавливают ее колорит, исключительность и своеобразие, что делает их незаменимыми при изучении отечественной культуры рубежа прошлых веков.

Ключевые слова

История, культура, Россия, А. Н. Скрябин, культурное наследие, Серебряный век.

Уникальным письменным памятником отечественной культуры являются «Записи» великого русского композитора А. Н. Скрябина, которые он вел в 1888–1915 годы в России и за рубежом. В них Александр Николаевич предстал в качестве яркого и оригинального мыслителя, раскрывавшего перед читателем всю неординарность и не-

однозначность мировоззрения деятеля искусств Серебряного века, исключительность и своеобразие его творческой лаборатории. После смерти Скрябина в 1915 году его «Записи» привлекли внимание музыкального критика Б.Ф. Шлёцера и философа М.О. Гершензона, которые дали им высокую оценку и в 1919 году опубликовали

в сборнике материалов по истории отечественной мысли и литературы «Русские пропилеи»¹. В настоящее время они являются библиографической редкостью, известной лишь узкому кругу специалистов, но их значение, ставшее по прошествии века еще более весомым, требует широкого включения в научный оборот.

«Записи» А. Н. Скрябина, помещенные во второй раздел шестого тома сборника «Русские пропилеи», состоят из девяти частей и представляют собой не только дневниковые заметки с поясняющими рисунками, но и рабочие материалы, связанные с написанием Первой симфонии, либретто оперы, «Поэмы экстаза» и двух редакций «Предварительного действия» к «Мистерии» – последнего, задуманного композитором, симфонического произведения, завершить которое он из-за внезапной кончины не успел. Предваряют «Записи» Скрябина небольшое предисловие и обстоятельная записка Б. Ф. Шлёцера о «Предварительном действии», факсимиле которого дается при описании его ранней редакции самим Скрябиным.

Все материалы «Записей» композитора говорят о его органичной включенности в культуру Серебряного века, которой были присущи поиски новой «меры мира» и появление «нового стиля» в искусстве, ломавшего старые художественные формы, прежние, не отвечавшие современности, этические, эстетические, религиозно-философские доктрины. Русская идея, испокон веков считавшаяся идеей общественно-государственного служения, новым поколением литераторов, живописцев, музыкантов, философов стала пониматься как идея культуры и ее ценностей – свободного творчества, искусства и красоты. Еще в конце XIX века в Петербурге возникло объединение «Мир искусства», выступившее за самое широкое восприятие прекрасного и в 1898 году приступившее к изданию журнала «Мир искусства», главную роль в котором играли С. П. Дягилев и А. Н. Бенуа. Через четыре года ими было основано художественное предприятие «Современное искусство», задавшееся целью вызвать в России «новый Ренессанс» и создать новый стиль «чистой красоты». А в 1906 году П. Б. Струве и С. Л. Франк основали журнал «Свобода и культура», который видел в культуре глав-

ное условие свободы, в свободе – основу творчества и искусства, а в искусстве – высшую форму свободы.

Провозглашение культуры и свободы главными ценностями изменило отношение к жизни, рассматривавшейся уже не только и не столько с позиций критического реализма, сколько через призму идеализма, романтизма и символизма с их «Золотом в лазури» (А. Белый), «Златолирой» (И. Северянин), «Литургией красоты» и девизом «Будем как солнце» (К. Бальмонт). Представление о смысле жизни и творчества все более наполнялось гедоническим порывом к счастью и воплощалось в праздничных картинах мирискусников, литературных образах «Серебряного голубя» А. Белого, «Альбатроса» К. Бальмонта, «Чайки» А. Чехова, ставшей эмблемой Московского художественного театра, или симфонической поэмы «Прометей» А. Скрябина. «...Искусство должно давать счастье и радость, – утверждал В. Д. Поленов, – иначе оно ничего не стоит»².

Именно в рубежное время конца XIX – начала XX века родился афоризм, ставший лейтмотивом всей эпохи Серебряного века – «Человек создан для счастья, как птица для полета», автором которого был В. Г. Короленко, вызвавший в России бурную дискуссию на тему «русского счастья»³. В нее включился даже Л. Н. Толстой, издавший в 1906 году работу «В чем счастье» и полагавший, что оно состоит в труде, здоровье, единении с природой и в «свободном любовном общении со всеми разнообразными людьми мира»⁴. Об этом же писал в своих «Записях» и А. Н. Скрябин, считавший, что «познал лишь тот блаженство, / кто труда изведал сладость. / Кто в пленительном исканьи / жизнь приятно проводил, / кто в могущественном знаньи / утешенье находил / любовью полную любил»⁵.

1 А. Н. Скрябин // Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и подготовил к печати М. Гершензон. Т. 6. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 97–248.

2 Поленова Н. В. Отрывки из воспоминаний // Панорама искусств. 10. М.: Советский художник. 1987. С. 169.

3 Короленко В. Г. Парадокс // Короленко В. Г. Избранное. М.: Правда, 1979. С. 342.

4 Толстой Л. Н. В чем счастье. М.: Посредник, 1906. С. 15, 9.

5 Записи Скрябина // Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и подготовил к печати М. Гершензон. Т. 6. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 151, 131–132. (Далее, Записи Скрябина...)

В общем, деятели Серебряного века захотели жить так, как творили, а творить, как чувствовали – ярко, сильно и независимо. Они заявили о суверенности одаренной творческой личности, ее праве на художественную раскованность, многоликость образов, буйство красок, экстаз чувств. Возникшая у них потребность в стилевом разнообразии, особой цветовой гамме, динамичности и ритмичности художественных средств, привела их к идее синтеза культуры и искусств – музыкального, поэтического, живописного, сценического, – при котором происходило не простое сближение, а взаимопроникновение звука, слова, цвета, формы, ритма, в результате чего возникали «музыкальные полотна» с «Сонатой солнца» или «Сонатой звезд» Н. Чюрлениса, сценическая композиция «Желтый звук» В. Кандинского и Ф. Гартмана, «стихокартины» В. Каменского и другие удивительные сочинения.

А.Н. Скрябин был ярким представителем этого синтетического направления в искусстве, формировавшего новую эстетическую реальность путем сложной амальгамы интимных эмоций и «огненного порыва» творчества. Не случайно его страстными поклонниками являлись Борис Пастернак, считавший дату знакомства с композитором (6 августа 1903 года) переломной в своей судьбе, и Айседора Дункан, превратившая танец в «музыку и поэзию тела», сделавшая его символом раскрепощения и свободы. В историю отечественной и мировой культуры Скрябин вошел как изобретатель свето-цветомузыки, который в 1910 году ради максимальной выразительности художественных образов и искусно найденных символов впервые ввел в партитуру симфонической поэмы «Прометей» цветовую гамму. Синтез звука и света, музыкальной палитры с палитрой красок и чувств позволил композитору создать такие необычные композиции как «Поэма мечты», «Поэма экстаза», «Поэма огня», не случайно художественный критик Н. И. Кульбин в докладе «Новое искусство как основа жизни», сделанном на диспуте «Бубнового валета» 12 февраля 1912 года в Политехническом музее Москвы, проводил прямые «параллели между кубизмом и музыкой диссонансов, между Пикассо и Скрябиным...»⁶. Оба они, создавая фантазий-

ную реальность, сместили значимость произведения из области содержания в область выражения, от мысли к чувству, от «культуры смысла» и ее простого воспроизведения, пересказа к искусству интуиции и интонации, где музыка, живопись, поэзия и проза сливаются в новые формы и артефакты. Для них было важно не столько то, что изображено, сколько как представлено, через какие краски, звуки, символы и знаки, в какой манере и каким способом. Синкретичность творчества давала им в этом плане безграничные возможности.

Отмечая вклад Скрябина в музыкальную культуру, Б.Ф. Шлёцер писал, что композитор «хотел восстановить гармонический синтез трех искусств: музыки, поэзии и танца (включая мимику и пластику) путем сложного контрапунктирования слова, музыкального звука и жеста. Музыка не должна была вовсе следовать за словом или за движением, но слово, действие и звук, сплетаясь в тесном сочетании, образовывали единую сплошную ткань произведения», и главное сочинение композитора – «Мистерия» с «Предварительным Действием» к ней, по его замыслу, не должно быть «музыкой + поэзия + танец, но оно является именно созданием единого искусства, в котором лишь анализ вскрывает элементы пластические, поэтические, музыкальные...», то есть Скрябин «шел от целого к частному, от Предварительного Действия, узренного им, как цельный синтетический акт, к его музыкальным и поэтическим элементам»⁷.

Оригинальна была художественно-философская концепция Скрябина, подробно изложенная в его дневниковых «Записях». В оценке жизни и творчества композитор исходил из двух постулатов своего *credo*: первое, что «мир тесен для меня, краски тусклы», второе – «мир есть творческий акт. Он есть мой творческий акт, единый, свободный...», и «творить, значит отделяться, значит желать нового, другого», следовательно, «я только то, что я создаю (творю)»⁸. Такой подход проходил красной нитью через все «Записи» ком-

6 Лившиц Б. Полутораглазый стрелец // Наше наследие. 1989. № I (7). С. 134.

7 Записка Б. Ф. Шлёцера о Предварительном Действии // Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Т. 6. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 119.

8 Записи Скрябина... С. 156, 147, 148, 149.

позитора, пытавшегося понять суть творчества, роль творца в мире и свое место в нем.

Скрябин задавался вопросами: «Если мир есть моя единая и абсолютная свободная деятельность, то что же есть истина, которой я в себе не ощущаю и из-за которой я столько страдал и которую так долго искал и хотел?», и «если мир мое творчество, то вопрос о познании мира сводится к вопросу о познании природы свободного творчества. Как я создаю..., что я создаю? В чем состоит процесс моего творчества?»⁹ Решив, что «творчество не может быть объяснено ничем. Оно есть высшее представление (понятие), ибо оно производит все понятия», А.Н. Скрябин «приступил к изучению природы свободного творчества, т. е. другими словами к изучению самого себя, к самонаблюдению, к исследованию материала нами производимого»¹⁰.

На рубеже 1904–1905 годов он писал: «Я хочу нового, неизведанного. Я хочу творить. Я хочу свободно творить. Я хочу быть на вершине. Я хочу пленять своим творчеством... Я хочу быть самым ярким светом, самым большим (одним) солнцем, я хочу озарять (вселенную) своим светом, я хочу поглотить все, включить (все) в свою индивидуальность. Я хочу подарить (миру) наслаждение... Мне нужен мир. Я весь – переживаемые мною чувства, и этими чувствами я создаю мир»¹¹. И затем чуть ниже уточнял: «Я жить хочу. Я хочу творить. Я действовать хочу и побеждать... Я центр вселенной и вселенная около центра... К жизни, к расцвету!.. Всякому чувству, всякому исканию, всякой жажде я дарю расцвет... Я люблю жизнь! Я весь свобода и любовь к жизни... Я хочу быть Богом. Я хочу победить себя. Я хочу... творить землю и планетные системы звезд (космос)»¹².

Скрябин был убежден в том, что «история человечества (вселенной) есть история гениев», ибо «гений – жажда нового», и «рост человеческого сознания есть рост сознания гениев... Гений вполне вмещает все переливы чувств отдельных людей и потому он как бы вмещает сознания всех современных ему людей»¹³. Но для того, чтобы

быть гением, полагал композитор, «нужна индивидуальность и нужен полный ее расцвет», поэтому Скрябин «хотел полного расцвета индивидуального» и говорил: «Расцветай пышно. Развивай все свои таланты» и тогда «весь мир затопит волна моего бытия»¹⁴. Он разработал целую «философию деятельности» творца как «хотение иного», как «протест и стремление к новому порядку», как «подъем жизни», который «в высочайшей степени есть экстаз. ...Есть *высший подъем деятельности, экстаз есть вершина*», и «в форме мышления экстаз есть *высший синтез. В форме чувства экстаз есть высшее блаженство. В форме пространства экстаз есть высший расцвет и уничтожение*», открывающие дорогу новой деятельности, новому творчеству через волю к жизни и обновлению¹⁵. «Честно я могу утверждать, – признавался Александр Николаевич, – что всегда чего-нибудь хочу... Человек, который ничего не хочет, решительно ничего, должен в самом скором времени умереть... Организм, который не эволюционирует, т. е. не ищет сознательно или бессознательно новых переживаний, атрофируется и потом вымирает...», и «я хочу пережить высоту всеобъемлющего сознания, хочу пережить экстаз»¹⁶.

Скрябин внушал себе и другим: «Люби жизнь всем своим существом, и ты всегда будешь счастлив. Не бойся быть тем, чем ты хочешь быть, не бойся своих желаний. Не бойся жизни, не бойся страданий, ибо нет выше победы над отчаянием. Ты должен быть всегда лучезарен. Если ты некрасив, и тебя гнетет это, – борись, и ты победишь эту болезнь. Если ты стар, и тебя твоя старость угнетает – она преждевременна, она та же болезнь, которую ты силою желаний и борьбы можешь победить... Смотри на всякий гнет только как на препятствие, как на признак того, что ты еще в силах победить то, что тебя угнетает. Люби людей, как жизнь, как твою жизнь, как твое создание, – люби их свободно» и «будь божественно горд, а потому никогда не завидуй, так как зависть есть признание себя побежденным. Старайся превзойти всех. Если тебя мучит и угнетает отсутствие таланта, это признак зерна таланта; расти его и не отчаивайся. Зависть и отчаяние – смерть», по-

9 Записи Скрябина... С. 133–134.

10 Записи Скрябина... С. 136, 137.

11 Записи Скрябина... С. 139.

12 Записи Скрябина... С. 151, 153, 154.

13 Записи Скрябина... С. 143, 155.

14 Записи Скрябина... С. 146, 156, 159.

15 Записи Скрябина... С. 162, 163.

16 Записи Скрябина... С. 169, 171.

этому радуйся творчеству других людей... Старайся быть всегда простым и искренним, т. е. не бойся желать и делать всегда, что хочешь. Иначе не бойся свободы», ибо «Бог – единое всеобъемлющее сознание – свободное творчество»¹⁷.

Философско-эстетическая концепция Скрябина составляла основу его очень своеобразных по литературному тексту, музыкальному языку и названиям произведений, полных символической образности и стилистики: «Поэма томления», «Ласка в танце», «Божественная поэма», «Хрупкость», «Странность», «К пламени» и другие. Сочиняя, например, «Поэму экстаза», 370 поэтических строк и музыка которой впервые были изданы в 1906 году в Женеве¹⁸, композитор определял ее тему как «сладость мечты, окрыляющий дух, желание творить, томление, жажда неизведанного», столкновение этих «дивных образов и чувств» с темными силами и победа над ними «жаждой жизни окрыленного» Духа: «Предчувствия мрачного / Ритмы тревожные / В мир очарованный / Грубо врываются, / Но лишь на миг. / Легким усилием / Воли божественной / Он изгоняет / Призраки страшные...» – писал Скрябин¹⁹.

Конечно, в жизни все было иначе, и «ритмы тревожные», «призраки страшные» мучили Россию и мир отнюдь не миг, а почти весь XX век, но правота А. Н. Скрябина заключалась в том, что победа всегда остается за творчеством и созиданием, иначе от человечества и его культуры не осталось бы и следа. Бенедикт Лившиц, вспоминая время Серебряного века, видел его суть «в том, что мир раскрылся по-иному, и надо рассказать об этом как можно полнее на всех живописных языках и наречиях, захлебываясь от восторга, хватая первое подвернувшееся слово, не думая о соблюдении какого-либо этикета, о неприкосновенности чьих-то прав и границ», в результате, «рисовалась такая картина: навстречу Западу, подпираемые Востоком, в безудержном катаклизме надвигаются залитые ослепительным светом праистории активистические пласты, диллювиальные ритмы,

а впереди, размахивая копьём, мчится в облаке радужной пыли дикий всадник, скифский воин, обернувшись лицом назад и только полглаза скопив на Запад, – полутораглазый стрелец!»²⁰. Этот образ в той или иной мере был присущ каждому деятелю культуры Серебряного века, в том числе и Александру Николаевичу Скрябину.

Список литературы

1. А. Н. Скрябин // Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Т. 6. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 97–248.
2. Записи Скрябина // Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Т. 6. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 120–248.
3. Записка Б. Ф. Шлецера о Предварительном Действии // Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Т. 6. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 99–119.
4. Короленко В. Г. Парадокс // Короленко В. Г. Избранное. М.: Правда, 1979. С. 342.
5. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец // Наше наследие. 1989. № I (7). С. 130–137.
6. Поленова Н. В. Отрывки из воспоминаний // Панорама искусств. 10. М.: Советский художник. 1987. С. 168–194.
7. Толстой Л. Н. В чем счастье. М.: Посредник, 1906. – 16 с.
8. Le Poème de l'Extase. Le texte et la musique par A. Scriabine. Genève: Imprimerie Centrale, 1906. Op. 54.

17 Записи Скрябина... С. 157–158, 175.

18 Le Poème de l'Extase. Le texte et la musique par A. Scriabine. Genève: Imprimerie Centrale, 1906.

19 Записи Скрябина... С. 183, 192; Le Poème de l'Extase. Le texte et la musique par A. Scriabine. Genève: Imprimerie Centrale, 1906.

20 Лившиц Б. Полутораглазый стрелец // Наше наследие. 1989. № I (7). С. 137.

"THE ENTRIES" BY A. N. SCRIABIN IN THE CULTURAL HERITAGE OF THE SILVER AGE

Parkhomenko Tatiana Aleksandrovna,

DsC of History,

The Russian Institute of Cultural and Natural Heritage by named D.S. Likhachev. Head
of the Center of Cultural heritage of the Russian Abroad
119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya naberezhnaya, 20.

Abstract

The article analyzes the diary "Entries" of the great Russian composer A. N. Scriabin of the late XIX – early XX century, which are a unique written monument and a valuable source on the history of culture of the Silver Age. They reveal the unknown pages of Scriabin's biography, show his creative laboratory, give an idea of his understanding of the new art, freedom of creativity, the role and place of the creative personality in the development of mankind. "Entries" expand the existing ideas about the era of the Silver Age, restore its color, exclusivity and originality, which makes them indispensable when studying the national culture of the turn of the past centuries.

Keywords

History, culture, Russia, A. N. Scriabin, cultural heritage, Silver age.

RAR
УДК 7.01
ББК 85.1
10.34685/НН.2019.27.4.011

АПОЛЛОН НИКОЛАЕВИЧ МОКРИЦКИЙ – УЧЕНИК А. Г. ВЕНЕЦИАНОВА И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ К. П. БРЮЛЛОВА: К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВЗГЛЯДОВ НА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТОД

Шарова Елена Андреевна,
заведующий отделом реставрации
и консервации Серпуховского
историко-художественного музея,
ул. Чехова, д. 87, г. Серпухов,
Московская область, Россия, 142206,
scharova.elena-a@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена художнику, педагогу и яркому представителю художественной среды 1830 – 1860-х годов Аполлону Николаевичу Мокрицкому.

Значение Мокрицкого для русской художественной культуры определяется не столько его живописными произведениями, сколько эпистолярным наследием. Именно оно позволяет рассмотреть фигуру А.Н. Мокрицкого как ученика А.Г. Венецианова, с одной стороны, и как последователя К.П. Брюллова, – с другой. Особое внимание уделено воззрениям Мокрицкого, определяющим суть художественного метода каждого из своих наставников. Проанализированы суждения Мокрицкого в качестве непосредственного представителя и обозревателя художественной ситуации второй трети XIX века и занимаемая по отношению к нему позиция ученых XX века.

Ключевые слова

А.Н. Мокрицкий, педагог, художественный метод, система обучения, картина, рисование с натуры, А.Г. Венецианов, К.П. Брюллов, культурная жизнь, русская художественная культура.

Поступив в ученики к Венецианову, а, позже, став адептом Брюллова, А.Н. Мокрицкий (Фото 1.) явился не только невольным свидетелем культурных событий, но и непосредственным обозревателем художественной ситуации второй трети XIX века.

Написанные им воспоминания, в прошлом представлявшие значительный интерес для исследователей русского искусства первой по-

ловины XIX века, и сегодня не утратили своей актуальности. Без эпистолярного наследия Мокрицкого крайне сложно было бы представить объективную картину художественной жизни 1830 – 1860-х годов.

Так, своеобразной летописью культурных событий, очевидцем и участником которых в 1834 – 1840 годах стал молодой художник, является его «Дневник» (документ опубликован в 1975 го-

Фото 1. Автопортрет. 1830-е гг. Х.м. (ГТГ).

ду в книге «Дневник художника А.Н. Мокрицкого» со вступительной статьей и примечаниями Н. Л. Приймак). Созданные им позднее мемуары – основанная на записях «Дневника» статья «Воспоминание о Брюллове» (1855) и очерк «Воспоминания об А.Г. Венецианове и учениках его» (1857) – содержат в себе ценнейшую информацию о педагогических взглядах, способах преподавания и художественном методе обоих его наставников.

Как Венецианов, не прошедший систематического обучения и отличавшийся независимостью взглядов, которые сформировались вне рула академических традиций, так и блестяще окончивший Академию художеств Брюллов, говорили о важности природы, являющей основу искусства. При этом отношение к природе, подход к её познанию были разными.

Изучение природы легло в основу созданной Венециановым системы подготовки художника. Работе с природы придавалось большое значение и в академической системе обучения XVIII – начала XIX века, однако этот процесс признавался только как средство формирования и закрепления определенных художественных навыков, зрительному восприятию при этом отводилась второстепенная роль. В системе Венецианова процесс познания действительности был принципиально иным. Здесь натура и её восприятие чело-

веком были неразрывно связаны, при этом первая целиком обуславливала второе. Именно законы зрительного восприятия давали возможность воссоздать точную картину того, что предстает перед художником в натуре. Для первой половины XIX века такое предпочтение, отдаваемое «глазу», а не предмету как таковому, по словам исследователей русской художественной школы, имело глубоко прогрессивный смысл¹. Однако этот принцип имел и свои минусы: научившийся хорошо работать с природы, но при этом не изучивший предмет как таковой, ученик Венецианова сталкивался с серьезными трудностями при создании картины. В академической же системе основу обучения составляло изучение основных качеств природы, каждого предмета и составляющих его частей в отдельности. Впоследствии это существенно облегчало задачу изображения без природы любого предмета и в любом положении. Он овладевал изобразительным языком, на котором мог свободно «говорить» в последующем.

В «Воспоминании об А.Г. Венецианове и учениках его» Мокрицкий повествует не только о педагогической деятельности своего наставника и созданной им системы обучения, но и о целом явлении в русском искусстве первой половины XIX века, получившем название «школа Венецианова».

Возникшая как художественно-образовательный центр в начале 1820-х годов, она просуществовала более четверти века. Как исторически локальное явление «школа» пережила свой пик, пришедший на начало 1830-х годов (именно в это время Мокрицкий стал учеником Венецианова) и неизбежно последовавшее за ним угасание. Она растворилась, ушла на второй план, уступив место адептам Брюллова (что, однако, не означает бесперспективность данного явления в целом).

Обучавшийся сначала у Венецианова, а впоследствии ставший учеником и поклонником таланта Брюллова, Мокрицкий явился личностью внутри художественного процесса. В очерке, посвященном Венецианову, подробно описывая систему, по которой Венецианов обучал своих учеников, Мокрицкий определяет и суть его художественного метода. Отвергавший первоначальное

1 Молева Н. Т., Белютин Э. Н. Русская художественная школа первой половины XIX века. М., 1963. С. 201.

рисование с так называемых оригиналов Венецианов начинал обучение сразу с гипсов, а так же с простых предметов обихода: коробочки, стул, фуражка, яйцо, корзинка. Рисуя эти вещи, ученик должен был вместе с линиями привыкнуть и к осязанию форм, их трёхмерности.

Особенность венециановской системы заключалась и в технике рисунка. Венецианов, по словам Мокрицкого, не гонялся за красивым штрихом. В процессе длительного рисования с оригиналов ученик привыкал к «красивым рождкам», которые, однако, оказывались бессмысленными для понимания формы предмета и последующей передачи его объема. Таким образом, копирование, рисование с образцов для Венецианова, как пишет Мокрицкий, это «бесполезная трата времени». Обучение в его «школе» основывалось на изучении натуры и антиков, так как именно в процессе изображения объемной формы приобретает мастерство.

К слову, рисование с оригиналов, в котором Венецианов видел бесполезную трату времени, являлось начальным (по сути – основополагающим) этапом обучения в Академии художеств: рисование в классе оригиналов предшествовало занятиям в гипсовом классе, после которого следовал класс натурный. Сам Мокрицкий, чьи педагогические взгляды в целом были ориентированы на академические принципы, говорил: «Ученик, прежде чем пользоваться натурой, должен изучить рисунок и живопись по образцам великих маэстро...»².

«Когда ученик Венецианова приступал к писанию красками, – продолжает Мокрицкий, – то те же самые несложные предметы служили ему образцами: гипсовые головы, ленты, фрукты, стеклянные и металлические вещи – до тех пор, пока он не ознакомится с употреблением красок и кистей. Для большей занимательности составлялись небольшие группы из разных мелочей: кабинетных вещиц, дамского туалета или цветов и фруктов»³. Изображая подобные предметы, воспитанник Венецианова учился видеть и передавать не только их цвет, но материальное раз-

личие, бархата, к примеру, от атласной ленты. По сути именно Венецианов первым в России ввел натюрморт в систему обучения живописи. После написания небольших этюдов с различных вещей, следовало изображение интерьера с «множеством предметов разных форм, родов и материальной сущности». «Ученика, – пишет Мокрицкий, – ознакомившегося таким образом с красками, сажал Алексей Гаврилович в Эрмитаже или во дворце для написания перспективы»⁴. Предварительно под живопись выполнялся точный рисунок дворцового интерьера или «внутренность» комнаты. Стремясь быть верным натуре, он передавал материальное различие предметов, пространство и перспективу. Таким образом, Мокрицкий не только определяет суть художественного метода Венецианова, но и его результативность: картинка, выполненная учеником с натуры в процессе обучения, становится произведением искусства.

Несмотря на единую методику, обучение и воспитание в школе Венецианова осуществлялись дифференцированно, с учетом индивидуальных особенностей учеников: каждый из них видел по-своему и имел свою собственную манеру письма. Благодаря такому подходу, среди учеников, по словам Мокрицкого, царил равенство. Наставник бережно и с большим уважением относился к дарованию ученика и предоставлял свободу для развития его таланта.

Этот венециановский принцип обучения – уважение самобытности ученика, – оказался крайне важен для формирования Мокрицкого-педагога. Когда он преподавал в Московском училище живописи и ваяния, в 1857 – 1858 годах в стенах этого учебного заведения разгорелась дискуссия, вызванная «Мнением» С.К. Зарянка о методе преподавания. Мокрицкий, ставший в этом споре главным оппонентом Зарянка, отстаивал академическую систему обучения, но считал при этом недопустимым со стороны преподавателя подавлять самобытность ученика навязываемой методикой. Кроме того, в своих занятиях с Шишкиным (И.И. Шишкин учился в Московском училище живописи и ваяния с 1852 по январь 1856 года), по мнению исследователей жизни и творчества известного пейзажиста, он в первую очередь использовал педагогические

2 Перов В. Г. Рассказы художника / Сост., вступ. ст. и примеч. А. Леонова. М., 1960. С. 103.

3 Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников / Вступ. ст., редакция и примеч. Абрама Эфроса и А. П. Мюллер. М.; Л., 1931. С. 69.

4 Там же. С. 70.

принципы Венецианова⁵. Культ Брюллова, как полагают некоторые искусствоведы, не заглушил в Мокрицком основ, усвоенных в «венециановской школе» и в своей преподавательской деятельности он во многом отталкивался от художественного метода Венецианова. Это заметно по некоторым работам Шишкина, выполненным во время обучения в Московском училище. Этюд «Комнаты в квартире Мокрицкого» может служить примером учебной задачи по овладению интерьерным жанром, игравшим у венециановцев большую роль, а его пейзажи во многом свидетельствуют о том самом следовании натуре, на котором базировалась созданная Венециановым система обучения⁶.

«Воспоминание об А. Г. Венецианове и учениках его», опубликованное к десятилетию со дня смерти художника в 1857 году, написано непосредственным представителем художественной среды второй трети XIX века. При этом изложенные в статье суждения Мокрицкого в качестве критика и обозревателя событий современной ему культурной жизни существенно отличаются от позиции, занимаемой учеными XX века.

Так, в начале 1980-х годов Т. В. Алексеева в своей работе «Художники школы Венецианова» указывает на то, что воспоминания Мокрицкого, написанные в разгар споров, которые возникли в Московском училище живописи и ваяния вокруг предлагавшихся там нововведений, должны были доказать преимущества старых академических традиций и отвести деятельности Венецианова положенное ей скромное место⁷. Более того, по словам Т. В. Алексеевой, в своём очерке, повествуя о делах своего первого наставника, Мокрицкий невольно, а в ряде случаев и сознательно, искажал смысл его деятельности и сущность понимания им искусства. Обнаруженное искажение, скрытое «за внешне благожелательным тоном», является не явным и тонким. Кроме того, как замечено Т. В. Алексеевой, на двусмысленный характер статьи Мокрицкого, указывал

еще А. М. Эфрос, ярчайший представитель отечественной художественной критики 20 – 30-х годов XX века.

А. М. Эфросом и А. П. Мюллер составлена книга «Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников»⁸, вышедшая в свет в 1931 году, в которой был собран богатый историко-документальный материал, связанный с жизнью и творчеством живописца, в том числе и «Воспоминание об А. Г. Венецианове и учениках его» Аполлона Мокрицкого. В статье «Венецианов в оценке бывшего ученика», послужившей предисловием к «Воспоминанию», А. М. Эфрос обнаруживает, что, повествуя о школе Венецианова, Мокрицкий подводит итоги отжившему явлению. Как замечает ученый, суждения академика Мокрицкого – лица, самым прямым образом связанного с теми, о ком он говорил, имели авторитет. Так, именно очерк Аполлона Мокрицкого, напечатанный в руководящем журнале «Отечественные записки», получил определяющий характер и на протяжении полувека (с 1840-х по 1890-е годы) являлся единственным художественно-критическим документом, который можно считать выразителем отношения второй половины XIX века к Венецианову и его школе.

«Воспоминание», по мнению А. М. Эфроса, меньше всего имеет вид нападения. Скорее наоборот, кажущееся похвальным словом и возданием за заслуги, оно «как будто ласково и признательно», «как будто преемственно, объективно и исторично». «Однако, – продолжает критик, – это только видимость. По существу «Воспоминание» есть акт отрицания. Приветливая, почти душевная словесная вязь Мокрицкого начинает для внимательного читателя казаться сначала двусмысленной и затем негативной»⁹. Он хвалит Венецианова, но похвала, по сути, уничижительна.

Действительно, при прочтении «Воспоминания», находим, что «старичок» Венецианов «был слишком слаб и добр», а ученик его, представитель «этой маленькой школы», «не отличавший-

5 Иван Иванович Шишкин. Переписка. Дневник. Современники о художнике / Сост., вступ. ст. и примеч. И. Н. Шуваловой. – 2-е изд., доп. Л., 1984. С. 5.
6 Пикuleв И. И. Иван Иванович Шишкин. 1832 – 1898. М., 1955. С. 27-28.
7 Алексеева Т. В. Художники школы Венецианова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1982. С. 12.

8 Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников / Вступ. ст., редакция и примеч. Абрама Эфроса и А. П. Мюллер. М.; Л., 1931.
9 Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников / Вступ. ст., редакция и примеч. Абрама Эфроса и А. П. Мюллер. М.; Л., 1931. С. 48-49.

ся особенным образованием», «рабски копируя натуру» «с небольшим трудом» выполнял «приятную картинку», где «правдоподобие предметов достигалось через слепое подражание».

Мокрицкий, по мнению А.М. Эфроса, – «брюлловец, изменивший венециановской семье». Он сделал то, что сделали все, когда «Последний день Помпеи» ввел Карла Брюллова триумфатором в русское искусство, принял свет истины в обновленном академизме. Как считает искусствовед, венециановские годы для Мокрицкого – лишь школьная пора, обучавшая первым шагам в искусстве. Тот, кто сумел подняться над нею, тот вышел на большой путь. Тот, кто остановился в рамках венециановской школы, тот устранен из развития отечественной живописи и лишен будущего.

С мнением критика нельзя не согласиться, ведь, по словам самого Мокрицкого, ученики Алексея Гавриловича, тихо и скромно ушедшие «со сцены художественной деятельности» и удалившиеся «в мирные уголки России», подобны звездочкам, сошедшим с небесного свода «при блеске великолепного солнца» – Карла Брюллова.

В исторической перспективе развития искусства «школа» Венецианова, действительно, представляет собой яркое вневременное явление. Непосредственным очевидцем ее расцвета и неизбежного угасания стал Мокрицкий. Учеба у Венецианова явилась для него (как и для многих других воспитанников «школы») лишь начальным этапом в профессиональном становлении. Этот факт подтверждает сама метода обучения венециановской школы. «Ученики у Венецианова, – свидетельствует Мокрицкий, – знакомились со всеми предметами, потому что не знал он, какой кому придется избрать род живописи; знал только, что для каждого рода живописи нужно уметь написать то и другое, и третье»¹⁰.

Обозревая события культурной жизни, Мокрицкий, отнюдь не ставил себе целью уничтожение заслуг Венецианова и значения его «школы». Мокрицкий – «свидетель», выразивший свой взгляд на творческий метод, а не «обвиняемый», каким он предстает нам в суждениях ученых XX века.

Как известно, уже обучаясь в Академии художеств, он продолжал занятия с Венециановым,

как и прежде, пользовался его советами¹¹. Со временем, однако, как отмечает Н.Л. Приймак, проанализировав записи «Дневника», терпимость и деликатность Венецианова вызвали в Мокрицком некоторую небрежность и даже пренебрежение к мнению учителя¹². Именно в это время «восходило на горизонте искусства новое светило».

Мокрицкий стал учеником Брюллова (т. е. одним из «потерянных людей», как Венецианов называл тех своих воспитанников, которые, попав под обаяние славы и таланта Брюллова, изменили принципам пройденной «школы») и на протяжении всей своей жизни не переставал испытывать влияния его легендарной личности (в большей степени, как считают некоторые исследователи, именно личности, а не художественного метода Брюллова).

Деятельность Брюллова в качестве педагога, профессора класса портретной и исторической живописи, стала этапом в истории Академии художеств. В основе его творческого метода, помимо полученной академической школы, лежал принцип изучения натуры. Он настойчиво рекомендовал своим ученикам приобщаться к действительности, а картины, написанные без натуры, презрительно называл «отсебятиной»¹³. В своих взглядах Брюллов не был одинок, принцип следования натуре разделяли и другие педагоги Академии художеств. Его художественный метод не выходил за рамки доминирующей художественной системы. Однако понимание Брюлловым искусства существенно разнилось с официальными академическими установками. Он стремился обучать не столько профессиональному мастерству, сколько искусству как отклик на окружающую действительность. Отделение ремесла от творчества являлось основным принципом художественного метода Брюллова.

В статье «Воспоминание о Брюллове» Мокрицкий повествует о личностных качествах, творческих и педагогических установках своего учителя, которые во многом сформировали его не только как художника, но и как педагога.

10 Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников / Вступ. ст., редакция и примеч. Абрама Эфроса и А. П. Мюллер. М.; Л., 1931. С. 74.

11 Дневник художника А. Н. Мокрицкого / Вступ. ст. и примеч. Н. Л. Приймак. М., 1975. С. 11.

12 Там же. С. 12.

13 Дневник художника А. Н. Мокрицкого / Вступ. статья и примеч. Н. Л. Приймак. М., 1975. С. 14.

Так, обучение рисунку – «азбуке искусства», играли у Брюллова первостепенную роль. Именно свободное владение рисунком позволяет художнику без затруднений передавать задуманное. «Не упускайте ни одного дня, не приучая руку к послушанию. – Наставлял Брюллов. – Делайте с карандашом то же, что делают настоящие артисты со смычком, с голосом – тогда только можно сделаться вполне художником...»¹⁴.

В последствии сам Мокрицкий, став преподавателем Московского училища живописи и ваяния (обучение в стенах которого основывалось на классических принципах и идеалах Академии художеств), будет уверен: рисунок – «важнейший принцип изобразительных искусств»¹⁵, а раньше времени предоставить ученику краски, не упрочив в нем рисунка, значит, вместо художника сделать из него маляра¹⁶.

От своих учеников Брюллов требовал, чтобы те как можно больше рисовали слепки с античной скульптуры. На изучении антиков, кстати, так же основывалось и обучение в «школе» Венецианова. Творчество в дальнейшем предполагало «слепое подражание», следование натуре. Академией художеств, напротив, утверждалось превосходство искусства над натурой. Эстетика объективной красоты оставалась незыблемой. Брюллов же считал, что, научившись передавать тело, нужно обращаться не к его идеализации, не к поправкам модели, а к попыткам более живо и правдоподобно его изображать. Знание человеческого тела, его строения было для Брюллова основополагающим.

Позже, Мокрицкий-педагог, сам убежденный в необходимости изучать строение человека, напишет: «Без знания анатомии, нельзя ни понять правильного рисунка и красот антиков в гипсовом классе, ни ступить шагу в натуре»¹⁷.

Большое значение имело и то, что ученик, посещавший мастерскую Брюллова, своими глазами мог видеть, как работает учитель. Некоторые произведения создавались буквально на глазах Мокрицкого. Кроме того, Брюллов систематиче-

ски просматривал и даже изредка поправлял ученические работы. Этот живой показ много давал начинающим живописцам. Так же и Мокрицкий (очевидно, для большей наглядности), взяв палитру в руки, садился поправлять этюды учеников. Вслед за Брюлловым он обращал их внимание и на столь важную сторону художественного образования как овладение культурой прошлого. Образованный и начитанный он всегда был открыт для общения и, подобно Брюллову, стремился расширить кругозор своих учеников.

Мокрицкий, хотя и применял в своей педагогической практике принципы художественного метода Венецианова, был твердо убежден, что стремление следовать натуре непременно должно «сопровождаться чувством составить картину»¹⁸. Картина при этом – не просто учебная работа, выполненная в процессе овладения художественным ремеслом, не «продукт» изучения природы, не её точная копия. Картина для Мокрицкого – это произведение искусства, логически завершенное целое, интеллектуальный и живописный труд художника, который прошел крепкую академическую школу. Изученная за время учебы натура является инструментом для её создания.

Не случайно и то, что именно словами Брюллова завершается «Автобиография» Мокрицкого: «Душа художника как зеркало, должна отражать в себе всю природу; образованный вкус его выберет из неё прекрасное, а талант передаст ее в картину»¹⁹.

В воззрениях Мокрицкого, как художника, а в большей степени как педагога, соединились принципы обучения и Брюллова, и Венецианова. Формирование его педагогических взглядов происходило пусть и в неравной степени, но под воздействием личности и творческого метода каждого из учителей.

Список литературы

1. Алексеева Т. В. Художники школы Венецианова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1982.
2. Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников / Вступ. ст., редак-

14 Рамазанов Н.А. Материалы для истории художеств в России. – Москва: Губернская типография, 1863. Кн. 1. С. 177.

15 ОР ГТГ, ф. 33, ед.хр. 30, л. 4 об.

16 ОР ГТГ, ф. 4, ед. хр. 89, л. 37.

17 ОР ГТГ, ф. 33, ед.хр. 30, л. 2 – 2 об.

18 Иван Иванович Шишкин. Переписка. Дневник. Современники о художнике / Сост., вступ. ст. и примеч. И.Н.Шуваловой. – 2-е изд., доп. Л., 1984. С. 69.

19 Мокрицкий А. Автобиография // Художественный журнал. 1882. Т. 3. С. 158.

ция и примеч. Абрама Эфроса и А. П. Мюллер. М.; Л., 1931.

3. Государственный Русский музей. Генеральный каталог музейного собрания. Живопись. Т. 3. Первая половина XIX века (К-Я). СПб., 2008.

4. Дневник художника А. Н. Мокрицкого / Вступ. статья и примечания. Н. Л. Приймак. М., 1975.

5. Иван Иванович Шишкин. Переписка. Дневник. Современники о художнике / Сост., вступ. ст. и примеч. И. Н. Шуваловой. 2-е изд., доп. Л., 1984.

6. Мокрицкий А. Автобиография // Художественный журнал. 1882. Т. 3. С.147-158;

7. Молева Н. Т., Белютин Э. Н. Русская художественная школа первой половины XIX века. М., 1963.

8. ОР ГТГ, ф. 4, ед. хр. 89, л. 37.

9. ОР ГТГ, ф. 33, ед. хр. 30, л. 2 – 2 об.

10. ОР ГТГ, ф. 33, ед. хр. 30, л. 4 об.

11. Перов В. Г. Рассказы художника / Сост., вступ. ст. и примеч. А. Леонова. М., 1960.

12. Пикулев И. И. Иван Иванович Шишкин. 1832 – 1898. М., 1955.

13. Рамазанов Н. А. Материалы для истории художеств в России. М., 1863. Кн. 1.

14. Степанова С. С. Московское училище живописи и ваяния. Годы становления. СПб., 2005.

APOLLON MOKRITSKY WAS STUDIED UNDER ALEXEY VENETSIANOV AND LATER WITH KARL BRIULLOV. TO THE QUESTION ABOUT THE EVOLUTION OF THE VIEW ON THE ARTISTIC METHOD

Sharova Elena Andreevna,

The head of the department of the Serpukhov history and art museum's restoration and preservation work, Chekhov Street, 87, 142206 Serpukhov, Moscow region, Russia, scharova.elena-a@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the artist, teacher and outstanding representative of artistic milieu of 1830 - 1860th - Apollon Nikolaevich Mokritsky. The author notes that the significance of Mokritsky for Russian art culture is determined not so much by his art works as by his epistolary heritage. That's it allows us to consider the figure of Apollon Mokritsky from the one hand as a student of A. Venetsianov and from the other hand as a follower of K. Briullov. Particular attention is paid to the Mokritsky's views, which define the essence of the artistic method of each of his mentors. Mokritsky's judgments as a direct representative and observer of the artistic situation of the second third of the nineteenth century and the position of scientists of the twentieth century with respect to him were analyzed.

Keywords

A.N. Mokritsky, teacher, artistic method, education system, picture, to draw from life, A.G. Venetsianov, K.P. Briullov, cultural life, Russian art culture

РОЛЬ В.М. КЛЫКОВА В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Долженкова Татьяна Ивановна,
кандидат исторических наук,
заведующий отделением ОБПОУ «Советский социально-аграрный техникум
имени В.М. Клыкова»,
ул. Парковая, д. 2, Советский район, Курская область, Россия, 306600.
dolgenkovatana@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению роли народного художника России В.М. Клыкова в формировании неповторимого культурного облика малой родины – курской земли. Он является не только автором многих памятников, появившихся в Курской области в 1990-е – 2000-е годы, но и организатором различных мероприятий в сфере культуры.

Ключевые слова

Памятник, мемориал, скульптурная композиция, храм, фестиваль, культурный облик, поклонный крест, наследие.

Вячеслав Михайлович Клыков (1939 – 2006) – известный советский и российский скульптор, Народный художник России, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, лауреат Государственных премий и обладатель Золотой медали Академии художеств СССР. (Фото 1.).

В 2019 году ему исполнилось бы 80 лет. В связи с этой памятной датой мы постарались оценить его вклад в формирование культурного облика Курской области, уроженцем которой он является.

Значение В.М. Клыкова для современной отечественной культуры бесспорно: около 200 скульптурных работ, созданных им за 40 лет творческой деятельности и украсивших многие российские и зарубежные города, яркое тому доказательство. Интересно, что Вячеслав Михайлович был не только скульптором, но и активным общественным деятелем, публицистом, генератором многих нововведений, прочно вошедших в нашу жизнь. Отличительная особенность этого человека – безграничная деятельная любовь

к малой родине¹, курской земле и её людям, как ныне живущим, так и ушедшим. Это глубокое чувство, помноженное на клыковскую энергию, способствовало формированию культурного облика современной Курской области.

Впервые куряне узнали о своем талантливом земляке в декабре 1984 года из статьи краеведа Ю. Бугрова в «Курской правде»². В дальнейшем в областной прессе было опубликовано более 100 интервью В.М. Клыкова, и в каждом из них он с любовью и трепетом отзывался о малой родине: «Связей с родиной не терял никогда, более того, уверен, что их можно разорвать только искусственно... Что мне дает Родина? Пусть это и громко звучит, но здесь я черпаю силы, здесь

1 В.М. Клыков родился в с. Мармыжи Советского района Курской области

2 Бугров Ю. Память, высеченная в камне: Наши выдающиеся земляки // Курская правда. 1984. 23 декабря

Фото 1. Вячеслав Михайлович Клыков.

рождается ответственность перед земляками – простыми людьми, жителями деревеньки Мармыжи. Этот уголок курщины и не даёт мне потеряться ни в большом городе, ни в искусстве. А сам Курск памятен мне тем, что здесь, в подвале пединститута, я начал творить самостоятельно, проверяя всё накопленное за время учебы в суриковском институте. Здесь сложился круг моих друзей-единомышленников – а это тоже немало. Люди повторяют землю, на которой живут, и я не исключение...»³.

В.М. Клыков поддерживал с малой родиной очень тесные связи, и они носили не формально-декларативный, а реальный, практический характер. Даже в трудные 1990-е годы он практически ежегодно, бывая в родном селе, оставлял щедрые и важные для исторической памяти дары.

Самый ценный подарок, сделанный им не только односельчанам, но и всей Курской области – это храм Покрова Пресвятой Богородицы, построенный в селе Мармыжи на месте преж-

него, окончательно разрушенного в 1959 году⁴. (Фото 2.).

В.М. Клыков был инициатором возрождения храма, сам строил его более 10 лет по собственному проекту и на собственные средства с большим финансовым и деятельным участием земляков, друзей детства и соратников – В.М. Харина и Н.М. Богатищева.

В этом проекте скульптор интерпретировал традиции владими́ро-суздальской архитектуры, взяв за основу храм Покрова на Нерли и, частично, Дмитриевский собор. Богатое внешнее украшение храма несколькими десятками барельефов, выполненных мастером, даёт основание считать его современным памятником искусства.

Начало строительства было отмечено установкой памятного креста и торжественной службой, прошедшей 12 августа 1994 года⁵. Закладку первого камня осуществили 14 октября того же года, в престольный праздник. Освящение храма состоялось в октябре 2006 года уже без участия его создателя.

Теперь храм Покрова Пресвятой Богородицы, где идут службы по большим церковным праздникам и памятным датам, связанным с именем В.М. Клыкова, стал ещё и центром притяжения паломников, экскурсантов и гостей

Фото 2. Храм Покрова Пресвятой Богородицы в селе Мармыжи. Фото Е. Козновой.

3 Бабенко В. «Связей с родиной не терял никогда» // Курская правда. 28 апреля 1989. № 98. С. 4.

4 Освящен храм, построенный Вячеславом Клыковым [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/18995.html> (Дата обращения: 02.07.2019)

5 Кузичева Е. На месте рва встанет храм Покрова // Нива. 20 августа 1994.

района и области. Здесь третий год действует межрайонный летний православный лагерь «Покров» для детей из воскресных школ, а также из неблагополучных семей и семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

На территории храма находится могила первых строителей храма, здесь же похоронен В.М. Клыков. Места погребения по православной традиции увековечены памятными крестами.

К крестам у В.М. Клыкова было особое отношение, проходящее через всё его творчество. Это самый простой тип монумента и самый используемый скульптором символ. Помимо упомянутого выше, им установлены ещё шесть поклонных крестов в Советском районе:

- памятник в честь равноапостольных Кирилла и Мефодия, выполненный в виде закругленного креста в оригинальной клыковской манере, повторяющей древнюю новгородскую традицию. Подарен поселку Кшенскому во время празднования Дня славянской письменности и культуры (май 1998 г.) (Фото на обложке.);
- гранитный крест у источника целителя Пантелеймона в селе Мармыжи (август 1995 г.);
- мраморный памятник в виде «процветшего креста» на могиле родителей В.М. Клыкова – Лидии Михайловны и Михаила Константиновича (1996 г.); (Фото 3.);
- крест с изображением распятия на братской могиле железнодорожной станции Мармыжи, где похоронены 140 советских воинов-железнодорожников, погибших в 1941 – 1942 гг. Скульптор лично принимал участие в открытии памятника вместе с ветеранами войны и труда, членами поисковых отрядов, участниками VI международного Марша Мира (май 1996 г.);
- крест на братской могиле в родном селе Мармыжи (2000 г.);
- памятный крест с распятием в память о многострадальном российском крестьянстве, установленный по просьбе внука репрессированного крестьянина В.П. Леньшина в деревне Раково (май 2004 г.). (Фото 4.).

Все эти памятники выполнены скульптором в дар, на собственные средства, зачастую немалые⁶.

6 «Народ должен беречь свою память...» (памятники воинской доблести и славы в гражданско-патриотическом воспитании соотечественников. XIX–XX века) // А.Ю. Золотухин, В.В. Коровин, А.Н. Манжосов. Курск, 2010. С. 17 – 18.

Фото 3. Мемориальный памятник на могиле родителей В.М. Клыкова.

Фото 4. Крест «Многострадальному российскому крестьянству» в деревне Раково.

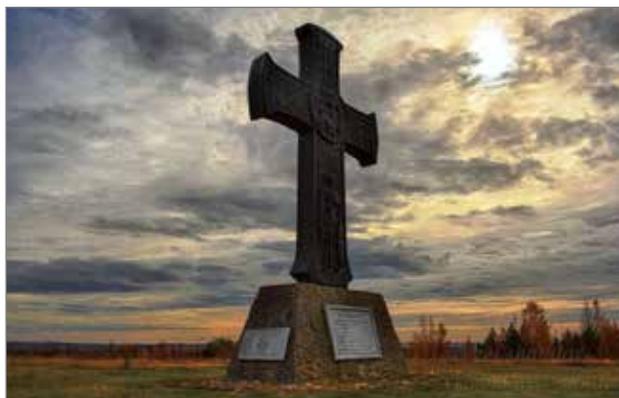

Фото 5. Поклонный крест в селе Красная поляна. Фото С. Шаталова.

Самый большой (12 метров) и самый известный кляковский крест установлен в Черемисиновском районе Курской области, недалеко от с. Красная поляна, у дороги. (Фото 5.)

Скульптор, вслед за краеведом-любителем Р.Л. Марковым (1849 – 1912), считал это место ареной сражения курских порубежников с ордой ногайцев в 1709 году в период Полтавской битвы. Историки обстоятельно доказывают фантастичность этой легенды, хотя вероятность битвы не отрицают, относя её к 1632 году⁷. Инициативу В.М. Клыкова поддержал глава Черемисиновского района Ю.В. Федянин, организовавший сбор пожертвований. Торжественное открытие Поклонного Креста состоялось 10 мая 2002 года с участием губернатора А.Н. Михайлова и других первых лиц Курской области, духовенства, а также гостей из Москвы, Белгорода, Санкт-Петербурга, Воронежа, Якутии.

Это место было выбрано В.М. Клыковым для проведения в июле 2005 года Всероссийского большого казачьего Круга, с участием всех казачьих войск Беларуси, России, Украины, Казахстана и Приднестровья⁸.

Тогда же был установлен «Голубец»⁹ (июль 2005 г.): птица сидит на своеобразной крыше, под которой – голова великана из разгромленного древними курянами татарского войска. По задумке В.М. Клыкова памятник воплощает рассказ о гибели татарского богатыря-великана от рук местного крестьянина и наглядно свидетельствует о героизме русских воинов и местного населения в битвах с кочевниками. (Фото 6.).

Конечно, можно спорить об достоверных исторических основаниях установки этих памятников, но был создан определенный миф, аккумулирующий представления о роли курских земель в древности, бережно хранящийся в исторической памяти потомков.

Не обошёл вниманием В.М. Клыков и областной центр. Наверное, самым узнаваемым его произведением в Курске является скульптурный

Фото 6. Памятник «Голубец на Красной поляне». Деревня Чернянка.

знак в честь 700-летия обретения Иконы Божьей матери «Знамение», почитаемой православными как заступница и покровительница курского края. Этот подарок скульптора к знаменательной дате был открыт 21 сентября 1995 года¹⁰ в историческом центре (по улице Сонина), где он как бы возвышается над старой частью города. (Фото 7.).

В.М. Клыков был инициатором возрождения Коренской ярмарки и сторонником возвращения православных святынь на родину, многое сделал для возрождения религиозного центра Курской области – Рождества Богородицы мужского монастыря «Коренная пустынь», который для всех верующих людей является символом курского края. Сразу у входа в монастырь, на Знаменской площади местечка Свобода Золотухинского района, стоит скульптурная композиция, иллюстрирующая обретение в 1295 году иконы Божьей Матери «Знамение». Памятник был открыт 14 августа 2003 года и стал уникальной достопримечательностью Свободы. (Фото 8,9.).

7 «Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края. Курск, 2008. С. 524 – 526.

8 Озеров В.П. Что имеем – не храним. Курск, 2014. С. 280 – 282.

9 Голубец (голбец) – крест с кровлеобразным покрытием, надгробие по форме напоминающее дом.

10 Чемодуров В. Родина его не забудет // Выбор. 1995. № 21. С. 12; Бельх М.Н. Родства связующая нить... (к вопросу о художественно образной структуре произведений В.М. Клыкова) // Художественная жизнь Курского края: Проблемы провинциальной художественной культуры. Курск, 2000. С. 66.

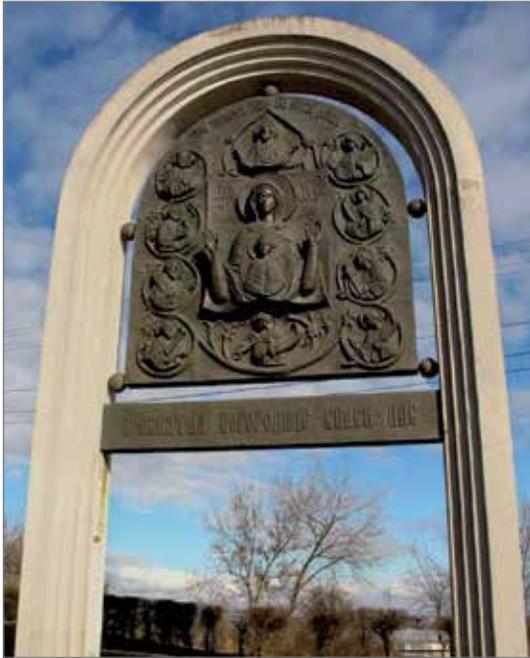

Фото 7. Памятный знак в честь 700-летия обретения Иконы Божьей матери «Знамение».

Знаменательным местом монастыря является смотровая площадка с возвышающимся монументом святого Серафима Саровского – курянина, причисленного к лику святых. Этот дар Вячеслав Михайлович сделал курской общине в 1998 году. (Фото 10.).

Похожий монумент стоит в Дивеевском монастыре, словно обеспечивая связь этих двух мест. Памятник преподобному Серафиму поставил В.М. Клыков и у родника в с. Покровское Черемисиновского района на берегу реки Тим¹¹. Главным отличием этого монумента является сквозной образ Богородицы, расположенный за спиной молитвенника. (Фото 11.).

Возвращаясь к скульптурам, выполненным для Курска, необходимо отметить, что В. М. Клыков всегда отзывался на просьбы своих земляков. Так, в 1999 году он изготовил бюст Константина Константиновича Рокоссовского по просьбе администрации курской школы, носящей имя знаменитого полковника. (Фото 12.).

В октябре 2000 года около центральной площади в Первомайском парке освятили величественный памятник Александру Невско-

Фото 8. Скульптурная композиция в честь обретения Иконы Божьей матери «Знамение». Местечко Свобода. Фото Н. Турбиной.

Фото 9. Фрагмент скульптурной композиция в честь обретения Иконы Божьей матери «Знамение».

Фото 10. В. М. Клыков у памятника преподобному Серафиму Саровскому. Коренная пустынь.

11 Озеров В.П. Что имеем – не храним. Курск, 2014. С. 280 – 282.

▲ Фото 11. Памятник преподобному Серафиму Саровскому в селе Покровское.

◀ Фото 12. Памятник маршалу К.К. Рокоссовскому.

Фото 13. Памятник Святому благоверному князю ▲ Александру Невскому.

му, выполненный скульптором для ветеранов Великой Отечественной войны, кавалеров Ордена Невского, и безвозмездно переданный городу¹². (Фото 13.)

А в середине 2000-х годов после традиционной встречи с фронтовиками В.М. Клыков изготовил памятник маршалу К.К. Рокоссовскому для главной площади Сеймского округа Курска, названной его именем. «Мне очень понятен этот патриотический порыв моих земляков, – сказал в одном интервью В.М. Клыков, – ведь где же ещё, как ни на курской земле, должен стоять памятник человеку, во многом благодаря которому эта земля осталась непокоренной для фашистских полчищ»¹³. На открытии памятника в августе 2005 года присутствовали и родные маршала – дочь Надежда, его внук и праправнучка.

Без громких слов и помпезной шумихи был открыт бюст маршалу Г.К. Жукова (9 мая 2000 г.) на привокзальной площади посёлка Кшенский,

недалеко от братской могилы, где похоронено около 900 защитников Отечества¹⁴. (Фото 14.)

В августе 2003 года на центральной улице Курска появился мемориал памяти участников Великой Отечественной войны, работников областной прокуратуры, с центральным бюстом Героя Советского Союза Г.Ф. Пантелеева¹⁵. (Фото 15).

В подарок православной гимназии был передан памятник ещё одного уроженца курских мест, святого Феодосия Печерского (2000 г.). В школе искусств № 1 стоит бронзовый бюст знаменитого земляка, композитора Г.В. Свиридова (1998 г.), с которым Вячеслава Михайловича связывала

12 Волобуева Е. Вершить дела праведные // Курская быль. № 6. 23 июня 2008.

13 Полунина О. Легендарному маршалу земли курской // Нива. 6 мая 2005.

14 «И памятники дышат, как живые...» (памятники боевой славы, установленные на Курской земле в честь событий Великой Отечественной войны) // А.Ю. Золотухин, В.В. Коровин, А.Н. Манжосов. Курск, 2010. С. 95.

15 ««Память, только память сохраните...» (мемориальная пропаганда воинских подвигов земляков-курян в середине XX – начале XXI веков) // А.Ю. Золотухин, В.В. Коровин, А.Н. Манжосов. Курск, 2011. С. 12–13.

▲ Фото 14. Бюст маршалу Жукову К. Г. в посёлке Кишенский.

▼ Фото 15. Мемориал работникам прокуратуры, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

▲ Фото 16. Бюст императору Николаю II.

настоящая дружба. Скульптор подарил Курску и бюст императора Николая II (2003 г.), установленный на месте, где царь в 1902 году проводил большие военные маневры. (Фото 16.).

Поводом к духовному уединению стал трогательный «Батюшка Ипполит» – памятник архимандриту Ипполиту, поставленный В. М. Клыковым в пейзажном парке санатория «Марьино» (бывшей усадьбы князей Барятинских) в 2005 году. (Фото 17.).

Мало кто знает, что и оригинальные памятники, придающие городу неповторимый облик, тоже созданы Клыковым. Это жеребёнок, который стоит на улице Димитрова возле административного здания Курской биофабрики¹⁶ (1999 г.). (Фото 18.) и курская антоновка на улице Ленина (2008). (Фото 19.).

Этот сорт яблок является не только символом соловьиного края, но и олицетворяет награду одноименной премии общественного при-

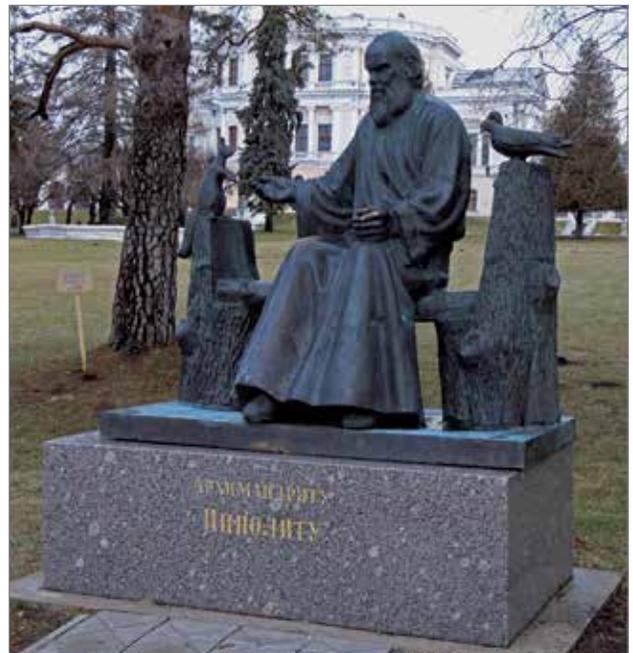

Фото 17. Памятник архимандриту Ипполиту.

16 Федеральное казенное предприятие «Курская биофабрика–фирма «БИОК» является одним из ведущих в РФ производителей средств диагностики и профилактики инфекционных болезней животных.

знания. Открытие монумента в 2004 году было приурочено к православному празднику, именуемому в народе Яблочным Спасом.

▲ Фото 18.
Жеребенок у Курской биофабрики.

▼ Фото 19.
Памятник Курской антоновке.

Фото 20. Мемориальная доска ►
в честь Н. В. Плевицкой.

С участием В. М. Клыкова был возведен ещё один уникальный храм на территории Курской области – тот, что стоит в живописном внутреннем дворе старейшего вуза – Курского государственного университета. Скульптору принадлежит идея его строительства и эскиз. Закладка камня состоялась 24 мая 1998 года, а освящение храма ровно через 10 лет – 24 мая 2008 года. Он создавался как духовно-просветительский центр молодежи города и области и назван в честь основателей славянской письменности и культуры равноапостольных Мефодия и Кирилла.

В. М. Клыков всегда гордился своими земляками и высоко ценил их. Именно он вернул курянам, да и всей России забытое имя Надежды Плевицкой, поднявшей русскую народную песню до высокого искусства. Он увековечил её память в монументальном творчестве, став автором мемориальной доски (1997 г.) на доме по улице Золотой (г. Курск), где жила певица (Фото 20.)

В. М. Клыков установил памятник (1998 г.) напротив родительского дома Н. Плевицкой в селе Винниково Курского района и принял участие в организации конкурса народной песни «Курский соловей» (1995 г.), который стал истоком двух самостоятельных масштабных песенных конкурсов: Всероссийского фестиваля детских

фольклорных коллективов «Дёжкин корогод»¹⁷ и Всероссийского конкурса-фестиваля исполнителей народной песни имени Надежды Плевицкой (с 2002 года¹⁸). (Фото 21.).

Участниками фестивалей являются ансамбли и солисты из различных регионов России и СНГ. Это уникальный и самобытный музыкальный форум стал заметным событием культурной жизни всего курского края.

Думается, масштаб этих конкурсов послужил основанием для открытия музея Н. В. Плевицкой (октябрь 2009 г.) и решения о присвоении имени Плевицкой новому проспекту Курска (2011 г.), вокруг которого возник одноименный жилой микрорайон.

Движимый любовью к отчужденному краю, Клыков упорно искал и находил на родине талантливых людей, помогая им выйти на широкую дорогу. Он способствовал восхождению заслуженной артистки России Надежды Крыгиной, продол-

17 Дёжкой звали в детстве Надежду Плевицкую её родные. Корогодом в Курской губернии называли хоровод (диалект).

18 Вячеслав Клыков: «Пока жива русская песня, жива и душа народа» // Русский вестник. Специально для Курской области. С. 8.

Фото 21. Фольклорный ансамбль «Радовесь» у памятника Н.В. Плевницкой в селе Винниково.

жательницы традиций русской народной песни. Дал возможность широкой публике познакомиться с творчеством самодеятельного художника П.Р. Сырцова и поэтессы О.В. Полуниной из посёлка Кшенский Курской области.

У Клыкова был тесный контакт с курским духовенством, курским землячеством в Москве и отделением Международного фонда славянской письменности и культуры в Курске. Он устраивал на родине крестные ходы, проводил различные сборы и конференции, даже, казалось, не имеющие прямого отношения к культурной жизни. Так, в 1991 году В.М. Клыков стал одним из инициаторов вызвавшей широкий общественный резонанс Всероссийской конференции «Русский Чернозем», посвященной проблемам комплексного подъема Черноземного региона.

Всё сделанное В.М. Клыковым для курской земли – это не только его душевный порыв, но и программа действий, заключенная в его словах: «Не разрушать, не осквернять нашу землю, а украшать её – вот долг каждого настоящего патриота своей Родины». И он украшал курскую землю как никто другой. Не зря в январе 2004 года деяния Клыкова отмечены премией общественного признания «Курская антоновка» («Человек года – 2003») в номинации «Духовный радатель Курской области»¹⁹.

«Моя любовь к родной земле оказалась взаимной», – говорил скульптор²⁰. И это дей-

ствительно так. В сентябре 2006 года решением Курского городского собрания одному из самых больших проспектов, соединяющему северо-западный микрорайон с микрорайоном КЗТЗ, присвоено имя Клыкова²¹. Год спустя, в октябре 2007 года здесь был торжественно открыт памятник В.М. Клыкову, выполненный его сыном Андреем, продолжающим дело отца²². (Фото 22.).

Фото 22. Памятник В.М. Клыкову.

И после смерти скульптора многие творческие начинания связаны с его именем. В 2008 году на станции Мармыжи был открыт музей В.М. Клыкова, ставший филиалом Курской картинной галереи им. А.А. Дейнеки. В экспозиции личные вещи, переданные семьёй скульптора, модели памятников, фотодокументы. Ещё при жизни художника это здание, ранее принадлежавшее

19 «А сердце оставляю вам...» // Грива Т. Записки «лягушки-путешественницы». Курск, 2004. С. 271 – 274.

20 Кулешов В. Есть краешек земли, с названием Мармыжи...// Нива. 16 октября 2019. С. 3.

21 Клыков В.М. // Время. События. Люди. Курск, 2008. С. 262.

22 Памятник скульптору // Курские епархиальные ведомости. № 24-26. октябрь 2007.

железной дороге, было передано для открытия художественной школы и мастерской. Теперь этот музей с интересом посещают школьники Советского и соседних районов, а также гости Курской области. Здесь проходят концерты и праздники для детей, конкурсы творческих работ школьников и круглые столы, посвященные Клыкову²³.

В Советском районе проводится ежегодный фестиваль научного и художественного творчества, посвященный Дню славянской письменности и культуры и памяти народного художника В.М. Клыкова (с 2007 г.). Базой его проведения является Советский социально-аграрный техникум, который с 2014 года носит имя прославленного земляка. Именем В.М. Клыкова назван также бульвар, находящийся в центре поселка Кшенского²⁴.

С 2010 в областном центре ежегодно проходят Клыковские чтения и Вечера памяти, организованные по инициативе близкого друга и соратника скульптора, депутата Курской областной Думы В.М. Харина²⁵.

Родная земля для Вячеслава Михайловича Клыкова на протяжении всей его жизни – это вечная любовь, источник мудрости, силы, красоты. Многие здесь одухотворено его благими делами. Благодаря его деятельному участию, инициативе и неравнодушию сбылись слова, сказанные им около 20 лет назад: «Курск – не культурная глубинка!»²⁶.

И он сыграл в этом не последнюю роль.

Список литературы

1. «А сердце оставляю вам...» // Грива Т. Записки «лягушки-путешественницы». Курск, 2004. С. 271 – 274.

2. Бабенко В. «Связей с родиной не терял никогда» // Курская правда. 28 апреля 1989. № 98. С. 4.

3. Белых М.Н. Родства связующая нить... (к вопросу о художественно образной структуре произведений В.М. Клыкова) // Художественная

жизнь Курского края: Проблемы провинциальной художественной культуры. Курск, 2000. С. 66.

4. Бугров Ю. Память, высеченная в камне: Наши выдающиеся земляки // Курская правда. 1984. 23 декабря.

5. Волобуева Е. Вершить дела праведные // Курская быль. № 6. 23 июня 2008.

6. Вячеслав Клыков: «Пока жива русская песня, жива и душа народа»//Русский вестник. Специально для Курской области. 2000.С. 8.

7. Гудилина Г. Кшенские тропы В.М. Клыкова // Нива. 3 июня 2009. С. 2.

8. Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края. Курск, 2008. С. 524 – 526.

9. «И памятники дышат, как живые...» (памятники боевой славы, установленные на Курской земле в честь событий Великой Отечественной войны) // А.Ю. Золотухин, В.В. Коровин, А.Н. Манжосов. Курск, 2010. С. 95.

10. Клыков В.М. // Время. События. Люди. Курск, 2008. С. 262.

11. Кузичева Е. На месте рва встанет храм Покрова // Нива. 20 августа 1994.

12. Кулешов В. Есть краешек земли, с названием Мармыжи... // Нива. 16 октября 2019. С. 3.

13. «Народ должен беречь свою память...» (памятники воинской доблести и славы в гражданско-патриотическом воспитании соотечественников. XIX – XX века) // А.Ю. Золотухин, В.В. Коровин, А.Н. Манжосов. Курск, 2010. С. 17 – 18.

14. Озеров В.П. Что имеем – не храним. Курск, 2014. С. 280 – 282.

15. Освящен храм, построенный Вячеславом Клыковым [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/18995.html> (Дата обращения: 02.07.2019)

16. «Память, только память сохраните...» (Мемориальная пропаганда воинских подвигов земляков-курян в середине XX – начале XXI веков) // А.Ю. Золотухин, В.В. Коровин, А.Н. Манжосов. Курск, 2011. С. 12 – 13.

17. Памятник скульптору // Курские епархиальные ведомости. № 24-26. октябрь 2007.

18. Полунина О. Легендарному маршалу земли курской // Нива. 6 мая 2005.

19. Полунина О. Вся жизнь Клыкова – акт объединения русских людей! // Нива. 27 октября 2010. С. 2.

20. Прозоров А. Курск – не культурная глубинка // Аргументы и факты. 2001. Июнь. № 25. С.2.

23 Степанищев В. «Вечный зодчий святой Руси»// Нива. 3 июня 2009. С. 2.

24 Гудилина Г. Кшенские тропы В.М. Клыкова // Нива. 3 июня 2009. С. 2.

25 Полунина О. Вся жизнь Клыкова – акт объединения русских людей! // Нива. 27 октября 2010. С. 2.

26 Прозоров А. Курск – не культурная глубинка // Аргументы и факты. 2001. Июнь. № 25. С.2.

21. Степанищев В. Вечный зодчий святой Руси// Нива. 3 июня 2009. С. 2.

22. Чемодуров В. Родина его не забудет // Выбор.1995. № 21.С. 12

THE ROLE OF V.M. KLYKOV IN THE FORMATION OF THE CULTURAL IMAGE OF THE KURSK REGION

Dolzhenkova Tatiana Ivanovna,

PhD in History,

branch manager of the RBPEE

«The Soviet socio-agricultural College named after V.M. Klykov»,

2, Parkovaya str., Sovetsky district, Kursk region, Russia, 306600

dolgenkovatana@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the role of the people's painter of Russia V. M. Klykov in the formation of the unique cultural image of the small Motherland-Kursk land. He is not only the author of many monuments that appeared in the Kursk region in the 1990s-2000s, but also the organizer of many events in the field of culture

Keywords

Monument, memorial, sculptural composition, temple, festival, cultural appearance, cross of worship, heritage.

RAR
УДК 7.03
ББК 85.0
10.34685/НН.2019.27.4.013

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ 20-Х ГГ. XIX ВЕКА: О КУРСКОМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ ГРАФА МИХ. Ю. ВИЕЛЬГОРСКОГО (1818-1823)

Синянская Нина Александровна,
кандидат искусствоведения,
доцент кафедры вокального искусства,
Юго-Западный государственный университет,
ул.50 лет Октября, 94, г. Курск, Россия, 305035,
nin8541@yandex.ru

Аннотация

Предметом исследования является курский период (1818-1823) жизни графа Мих. Ю.Виельгорского в имении Фатеевка (Луизино) Дмитриевского уезда Курской губернии, который стал началом его активной многолетней композиторской и музыкально-просветительской деятельности. Основываясь на архивных материалах отдела рукописей Национальной Российской библиотеки, автор вводит в обиход научного регионального краеведения новые факты о музыкально-культурной жизни в курских дворянских имениях графа Мих. Ю. Виельгорского и князя Ив. Ив. Барятинского.

Ключевые слова

Курская губерния; дворянская усадебная культура; граф Михаил Виельгорский; Фатеевка (Луизино); князь Иван Иванович Барятинский; Марьино; симфонический оркестр; домашние концерты.

Русская усадебная дворянская культура во всём многообразии характеризующих её аспектов в последние годы часто становится предметом исследовательского интереса архитекторов, историков, культурологов¹.

Однако описание и характеристика часто весьма богатой и самодостаточной культурной жизни «дворянских гнёзд» во второй половине XVIII – первой половине XIX века является наи-

1 Упомянем исследования, основанные на курском региональном материале: Звягинцева М.М. Русская усадьба как культурно-исторический феномен: на материале курского края. Диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии. Санкт-Петербург, 1997;

Холодова Е.В. Загородное усадебное строительство Курской губернии 1861–1917 гг. Дисс. на соискание учёной степени кандидата архитектуры. Москва, 2005.; Дмитриева В.В. Дворянский род И.П.Анненкова в истории русской провинции. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Курск, 2010.

менее изученной и наиболее сложной для реконструкции областью исследования в силу своей особой хрупкости и «нематериальности». Сегодня эту весьма существенную сторону исчезнувшей жизни русского дворянства можно воссоздать лишь с той степенью полноты, которую это позволяют сделать имеющиеся в российских архивохранилищах материалы.

Об исчезающей «атлантиде» русских дворянско-помещичьих усадеб XIX века свидетельствуют следующие данные: по материалам курских краеведов (каталог памятников истории и культуры Курской области, Курск, 1998) в Курской области в конце XX века было каталогизировано около двух тысяч материальных памятников истории и культуры, подавляющая часть которых не сохранилась, а немногие сохранившиеся (около 50) находятся в полуразрушенном состоянии. Однако, это лишь третья часть из существовавших к началу XX века шести тысяч загородных дворянских и купеческих усадеб. И лишь о единичных из этих усадеб сегодня в крупнейших российских архивохранилищах (Национальная Российская библиотека в гг. Москве и Санкт-Петербурге) можно найти интересующие нас сведения о некогда протекавшей в них жизни, в которой заметное место занимали культурно-художественные интересы их хозяев.

Такими являются два архива в отделе рукописей НРБ в Москве: архив князей Барятинских из усадьбы Марьино Курской губернии (фонд Б/19) и архив Веневитиновых-Виельгорских (фонд 5-80). Хранящиеся в них материалы позволяют реконструировать культурную жизнь усадьбы князя Ивана Ивановича Барятинского в первые десятилетия XIX века, а также узнать малоизвестные подробности жизни и деятельности младших современников И.И. Барятинского – графов Михаила и Матвея Виельгорских в период пребывания гр. Михаила Виельгорского в курском имении Луизино (Фатеевка), принадлежавшее второй жене графа Михаила Луизе Карловне Виельгорской (урождённой Бирон).

На рубеже 20-х гг. XIX века в течение пяти лет (1818-1923) в юго-западной части обширной тогда Курской губернии резиденция Марьино князя Ив.Ив. Барятинского в Рыльском уезде и имение Л.К. Виельгорской в Фатеевке в соседнем Дмитриевском уезде становятся замкнутыми и само-

достаточными центрами богатой музыкально-концертной жизни².

Известно, что с конца 20-х гг. удалившийся от обязанностей дипломатической службы при дворе Александра I стареющий князь Ив.Ив. Барятинский (1767-1825) в своём новом поместье Марьино жил замкнуто и уединённо в кругу своей большой семьи и своих обширных хозяйственных и художественных интересов. Его образ жизни добровольного затворника и меломана лучше всего характеризует фраза князя из его письма к своему управляющему: «... мы для себя хотим жить покойно и приятно, а не для других, да и не для кого»³. (Фото 1.).

Фото 1. Современный вид усадьбы Барятинских Марьино. Фото из общедоступных источников.

Напротив, молодой, не достигший и 30 лет, блестяще и разносторонне образованный, чиновник канцелярии внутренних дел граф Михаил Виельгорский оказался в глуши курских лесостепей в связи с достаточно драматическим стечением личных обстоятельств.

Причиной, по которой молодой граф был принуждён отказаться от светской столичной

2 Сиянская Н. О музыкальной культуре дворянских усадеб Курской губернии в первой трети XIX века [К истории рода князей Барятинских] Сборник Общества изучения русской усадьбы вып.10 [26] Москва 2004. С. 556- 567.

3 Тарасова М. Иконография Барятинских//Культурное наследие Курского края. Сборник докладов областной научно-практической конференции. Курск, 1998. С.46.

жизни была его тайная и скорая женитьба на родной старшей сестре своей первой жены. Екатерина Карловна Виельгорская (урождённая Бирон) умерла в январе 1816 г. от родов. В апреле того же года граф Мих.Ю.Виельгорский тайно венчается с её старшей сестрой Луизой Карловной Бирон, что, будучи нарушением всех приличий, вызвало осуждение большого света и недовольство двора.

Другой причиной было, по-видимому, чрезмерное увлечение графа идеями масонства. Молодой вельможа, находившийся в центре светской жизни Петербурга, Михаил Виельгорский увлёкся масонской доктриной настолько, что некоторое время (1816-1818) даже был одним из руководителей Великой Провинциальной ложи масонов в Петербурге. Однако, к концу десятилетия отношение императора, вначале благосклонного к увлечениям дворянства, стало меняться. В 1822 г. последовал высочайший указ о запрещении в России масонских лож. Поэтому не удивительно, что в 1818 г. граф Мих. Ю.Виельгорский был отправлен в отставку с предписанием поселиться в деревне. (Фото 2.)

Фото 2. Портрет графа Мих.Ю. Виельгорского
Фото из общедоступных источников.

Там, лишённый возможности продолжать свою масонскую деятельность, Мих. Ю. Виельгорский со страстью предаётся музыке. Он создаёт в

своей усадьбе симфонический оркестр, много сочиняет и устраивает домашние концерты, привлекая к участию в них соседей-помещиков.

Автор содержательной и богато документированной монографии о братьях Виельгорских Таисия Щербакова пишет: «Этой русской деревне, затерянной в глуши, суждено было завидное предназначение – жить поразительной для России начала 20-х гг. творческой жизнью... Талант художественного общения, насущная потребность жить в искусстве питал дар инициатора уникальных концертных вечеров...»⁴.

Архивные материалы за 1821 г. говорят о существовании в имении Виельгорских симфонического оркестра. Именно годами курской «ссылки», начиная с 1820 г. датируется начало творческого пути Мих.Ю.Виельгорского композитора. Именно наличие симфонического оркестра определило создание крупных, в том числе инструментально-симфонических произведений вельможного автора: 1-й симфонии Си-бемоль мажор и 2-й симфонии Фа-мажор (до 1922 г.), Увертюры Ре-мажор (до 1922 г.), Air varie для виолончели с оркестром (1820).

Привлечение на концерты Виельгорских любителей музыки из соседей-дворян стимулировало появление хоровых, вокальных и камерно-инструментальных сочинений графа, таких как мужской хор «Верность до гроба» (1822), хоромотет «Ave verum» (возможно, появление ансамблей на латинские тексты было связано с тем, что Луиза Карловна Бирон была католичкой).

Первое описание композиторских опусов Мих.Ю.Виельгорского было сделано на основе его рукописей, хранящихся в отделе рукописей НРБ в фонде Виельгорских-Веневитиновых.

Этот архив представляет наибольший интерес для исследователей русской дворянской усадебной культуры. Т. Трофимова, первый исследователь композиторского наследия Мих. Ю. Виельгорского в 1937-39 гг., даёт целостную исчерпывающую характеристику творческого лица вельможного композитора-меломана.

«Виельгорский в музыке был далеко не самоучкой. Напротив, он своевременно получил

4 Щербакова Т. Михаил и Матвей Виельгорские. Исполнители. Просветители. Меценаты. М. : Музыка, 1990. С.17

незаурядное музыкальное воспитание (Мартини-Солера, Керубини), он прошёл солидную школу совместной игры и с детства впитал в себя лучшие традиции западного классицизма. Кроме того, он имел возможность исчерпывающе изучить практику оркестрового письма.

Основными чертами Виельгорского-композитора были: явное тяготение (в начале творческого пути) к крупным симфоническим и камерным формам, к хорам и ансамблям. Многоголосное хоровое начало было у Виельгорского первой формой его музыкального мышления: наброски мелодий и тем излагались им первоначально в виде хоровых или инструментальных партитур – случай очень редких среди дилетантов. Для творчества Виельгорского очень характерно преобладание западной ориентации в приёмах письма и материала, особенно в симфонических и камерных произведениях. Творческий процесс у Виельгорского был лёгким и быстрым. Творческая природа была активна, подвижна, отзывчива.

Симфоническое наследие Виельгорского обнаруживает определённое симфоническое дарование, солидную школу и владение техническими средствами оркестра классического состава мы не видим в оркестровых и камерных сочинениях ясного живого лица композитора: оно заслонено вполне культурным, но обезличивающим одеянием западного образца (Гайдн, Моцарт, ранний Бетховен). В равной мере мы не видим в них и национального лица – в них нет освежающей струи народной мелодики. Но учтите, что большинство вышеназванных произведений составляют первый творческий этап композитора.

В личном творческом пути Виельгорского этот дебют был не только удовлетворительным, но блестящим⁵.

Следует отметить, что музыкально-творческая продукция вельможного композитора сразу же исполнялась, пусть и в узком кругу для таких же помещиков-меломанов соседей.

Об этом свидетельствуют хранящиеся в марьинском архиве Барятинских рукописные программы концертов в Луизино за 1821-1823 гг. В этот период концертная жизнь в Луизино была на редкость интенсивной – исследователь пишет о 33-х концертах за 4 месяца, причём это были

концерты преимущественно симфонической музыки. Концерты проходили, как правило 2-3 раза в неделю, но иногда устраивались даже каждый (!) день.

Вот рукописные афиши музыкальных собраний в Луизино за 1822-23 гг.:

«2 января 1822 г. – Симфония графа Михаила Виельгорского в Ре-мажоре; Ария Бартоло из «Женитьбы Фигаро» Моцарта «Месть» поёт граф Михаил Виельгорский; Симфония Мегюля в соль-миноре;

3 января 1822 г. – Квартет Гайдна в Соль-мажоре; 3-й квартет Ромберга в ре-миноре; Квартет Моцарта в ля-миноре;

4 января 1822 г. – Симфония Гайдна в До-мажоре; Ария из «Сотворение человека» поёт граф Михаил; Увертюра Россини в опере «Отелло»; Ария с вариациями для виолончели соч. гр. Михаила; Аве верум корпус. Мотет для трёх голосов с аккомпанементом оркестра соч. гр. Михаила, он же – первый тенор, второй тенор – музыкант оркестра и мадам Шоттен; Увертюра «Фаниска» Керубини.

С конца 1822 г. концерты, как правило, проходили в двух отделениях:

16 января 1823 г. – 1-е отделение – 4-я симфония Бетховена в Си-бемоль мажоре; 3-й концерт для скрипки Лафона исп. мсье Рудерсдорф; Марш соч. гр. Михаила;

2-е отделение – Увертюра «Йозеф» Мегюля; Первая ария из той же оперы исп. гр. Михаил; Болеро для в-чели Крафта исп. гр. Матвей; Трио из «Йозефа» поют бр. Виельгорские и мсье Рудерсдорф; Фрагмент ансамбля из той же оперы «Нет, вечность, которую я оскорбил» поют бр. Виельгорские, мадам Рудерсдорф и музыканты оркестра; Увертюра Мегюля в Ми-бемоль мажоре;

17 января 1823 г. – 1-е отделение – 4-я симфония Бетховена в Си-бемоль мажоре; Концертная симфония для 2-х скрипок исполняют мсье Теплов и Антуан; Увертюра гр. Михаила в Ре-мажоре; 4. Увертюра к опере «Элиза» Керубини;

2-е отделение – Ария из «Gazza ladra» Россини исп. гр. Матвей; Второй антракт из «Фаниски» Керубини; Финал 2 акта из той же оперы, поют те же, что и в №7 предыдущего дня; Увертюра к «Баядерке» Кателя⁶.

5 Трофимова Т. Музыкальное наследие композитора М.Ю. Виельгорского. Записки отдела рукописей ВГИБЛ вып.2. М., 1939. С.70-79

6 Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки г. Москва. Фонд Барятинских Б/19, опись 192, лист 34г.

В этих документальных свидетельствах удивительной духовной жизни, возникшей словно по мановению волшебной палочки в глухой курской деревне, поражает многое. Это и постоянное исполнение новых музыкальных сочинений графа Михаила. И звучащая музыка многочисленных, в их числе, ныне забытых европейских композиторов-современников Гайдна, Моцарта, Бетховена и Россини. И исполненные именно в Луизино (впервые в России!) все симфонии Бетховена (кроме 5-й и 9-й), что подразумевало и наличие библиотеки партитур, и соответствующий состав оркестра, который, по-видимому, формировался до 1821 г., и постоянное участие в этих концертах любителей-помещиков из соседей, как певцов, так и инструменталистов.

Среди сложившегося в эти годы круга исполнителей из числа дворян одной из главных фигур был граф Матвей Виельгорский, виолончелист и певец. (Фото 3.).

Фото 3. Портрет гр. Матв. Ю. Виельгорского.
Фото из общедоступных источников.

Частое появление его имени в программах концертов в Луизино в 1822-23 гг. объясняется его близким нахождением по военной службе

к местопребыванию семьи графа Михаила – с 1821 по 1823 гг. Матвей командовал кирасирским дивизионом, расквартированным в уезде Севске Орловской губернии неподалёку от Луизино⁷.

Известно, что скрипач Иван Островский, который выступал как солист, был капельмейстером оркестра Виельгорских, но найти сведения о других исполнителях не удалось.

Можно лишь предполагать, как попали программы концертов в Луизино в марьинский архив Барятинских. По-видимому в этот период владельцы Марьино и Луизино общались между собой (их поместья находились в соседних уездах западной части Курской губернии на расстоянии около 100 км). В пользу этого предположения говорит тот факт, что именно к 1822 г. – периоду первого расцвета композиторского творчества графа Михаила и домашних музыкальных концертов в Луизино – относится единственное сохранившееся крупное симфоническое сочинение князя Ивана Ивановича – Увертюра ре-минор для большого симфонического оркестра.

Но именно марьинский архив Барятинских сохранил многочисленные программы концертов в усадьбе Виельгорских. И это говорит либо о том, что князь Ив.Ив. Барятинский являлся гостем Виельгорских (что маловероятно, учитывая замкнутый и нелюдимый образ жизни владельца Марьино), либо же (и это гораздо вероятнее, учитывая географическое соседство имений обеих вельмож), что музыка, звучащая в Фатеевке (Луизино), «любезно предлагалась просвещённому вниманию Его Сиятельства». (Фото 4.).

В пользу последнего говорит адресованное князю Барятинскому письмо от капельмейстера оркестра Виельгорских, скрипача Ивана Островского (пер. с франц. Н.С.). Это письмо, по-видимому, является ответом на просьбу князя Барятинского доставить оркестр из имения Виельгорских в имение Барятинских, возможно, с целью послушать какое-либо заинтересовавшее князя произведение.⁸

7 Штейнпресс Б. Матвей Юрьевич Виельгорский // Советская музыка. 1946. № 8-9. С. 74-80.

8 Отношения гр. Мих. Ю. Виельгорского и кн. И.И. Барятинского не нашли отражения в уже упоминавшейся обстоятельной монографии Т. Щербаковой

Фото 4. Портрет кн. И.И.Барятинского.
Фото из общедоступных источников.

«Князь!

К моему большому сожалению, я не могу выполнить поручение, которое дали мне Ваше Сиятельство. Во время отдыха музыканты потеряли форму (в оригинале буквально: перепились, – Н.С.) и разбежались навестить своих родственников.

Кроме того, я не считаю, что мне разрешено распоряжаться оркестром без согласия г-на графа Чернышёва.

Но есть один выход, чтобы выпутаться из этого неудобства: можно доставить оркестр несколькими неделями позднее. Я напишу об этом г-ну графу (Чернышёву -Н.С.), а за это время музыканты отдохнут и затем смогут приехать в Ивановское (Марьино – Н.С.) к 15 июля.

Возможен и другой выход – вызвать людей из более дальних мест, но тогда Вам, князь, понадобится около 10 человек... Что касается певцов г-на графа Комаровского, я полагаю, что до того, как предпринимать попытки их вызвать, следовало бы справиться о них у Ваших ближайших соседей.

...я думаю, что нам не хватает струнных, и по этому поводу, вероятно, надо будет обратиться к г-ну графу Теплову, чтобы заполучить несколько крепостных из его оркестра. Хочется верить, что музыканты г-на Анненкова очень способные, но если они не играли много музыки Бетховена, Керубини и всех тех композиторов,

которые имеют ценность для истинных знатоков, то они будут бесполезны. Мой оркестр уехал из Луизина сегодня утром и я тоже рассчитываю вскоре попрощаться с господами графами Михаилом и Матвеем.

Если Ваше Сиятельство удостоит почтить меня своими дальнейшими приказами, я смогу их принять на своём месте в Курске или позднее в Орле.

Имею честь оставаться глубокоуважающим Вас преданным слугой Вашего Сиятельства Иваном Островским.

19 мая 1822 г.»

Об упоминаемых в этом письме владельцах курских дворянских усадеб (Чернышёвы, Тепловы, Анненковы, Комаровские) и о некогда существовавшей в них музыкальной жизни не только не удалось найти никаких сведений, но и сами эти усадьбы исчезли с лица земли. (Фото 5, 6.).

Однако, даже немногие сохранённые архивами следы короткой, но поистине необыкновен-

Фото 5. План имения Луизино гр. Мих.Владимировича Соллогуба в Фатеевке, 1887 г. Гос. архив Курской области (ГАКО) Ф.621. Оп.2. Д.898

Фото 6. Современный вид Фатеевки. Мостик через реку Журавкуоколо пруда в парке усадьбы Луизино.

ной музыкальной деятельности владельцев курских усадеб Марьино и Луизино, вдохновлённые их любовью к высокому искусству, и сегодня могут служить ободряющим примером для исследователей.

Список литературы

1. «А сердце оставляю вам...» // Грива Т. Зап1. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Фонд Барятинских Б/19. Оп. 192. Л. 34г.

2. Синянская Н. О музыкальной культуре дворянских усадеб Курской губернии в первой трети XIX века [К истории рода князей Баря-

тинских] // Сб. Общества изучения русской усадьбы. Вып.10 [26]. М., 2004.

3. Тарасова М. Иконография Барятинских// Культурное наследие Курского края. Сб. докл. областной научно-практ. конференции. Курск, 1998. 4. Трофимова Т. Музыкальное наследие композитора М.Ю.Виельгорского. Записки отдела рукописей ВГИБЛ. Вып. 2. М., 1939.

5. Штейнпресс Б. Матвей Юрьевич Виельгорский // Советская музыка. 1946. № 8-9.

6. Щербакова Т. Михаил и Матвей Виельгорские. Исполнители. Просветители. Меценаты. М. : Музыка, 1990.

FROM THE HISTORY OF THE MUSICAL CULTURE OF THE NOBLE ESTATES OF THE KURSK PROVINCE AT THE TURN OF THE 20-th YEARS OF THE XIX CENTURY: ON THE KURSK PERIOD OF THE LIFE OF COUNT MICH. Y. VIELGORSKY (1818-1823)

Sinyanskaya Nina Alexandrovna,

PhD in Art history,

associate professor of department of vocal art,

Southwest State University

Kursk, 50 years of October St., 94, Russia, 305035,

nin8541@yandex.ru

Abstract

The subject of the study is the Kursk period of life's (1818-1823) of count Mich.Y. Vielgorsky in the estate of Fateevka (Luisino) Dmitriyevsky district, Kursk province, which was the beginning of his active long-term composer and musical enlightenment. Based on the archival materials of the manuscripts Department of the National Russian library, the author introduces new facts about the musical and cultural life in the Kursk noble estates of the count Mich. Y. Vielgorsky and prince Iv.Iv. Baryatinsky.

Keywords

Kursk province; noble estate culture; count Mikhail Vielgorsky; Fateevka (Luisino); prince Ivan Ivanovich Baryatinsky; Maryino; symphony orchestra; home concerts.

RAR
УДК 008
ББК 63.3
10.34685/НИ.2019.27.4.0014

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ: СУЛТАН КЛЫЧ-ГИРЕЙ

Малышева Елена Михайловна,
доктор исторических наук, профессор
Адыгейский государственный университет
385000 г. Майкоп, Республика Адыгея,
ул. Университетская. 208
emalysheva@yandex.ru

Аннотация

Судьба и биография прямого потомка крымских Гиреев – Султан Клыч-Гирея, представляют научный интерес с точки зрения современной мифологизации коллаборанта, открыто выступившего на стороне нацистской Германии в годы Второй мировой войны как героической личности.

Ключевые слова

Султан Клыч-Гирей, историческая память, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Дикая дивизия, Третий рейх, коллаборационизм, Кавказ.

Историческая память, сохраняя опыт минувших времён, влияет на формирование общественного сознания в первую очередь, молодёжи. Обществом востребованы национальные герои, которыми можно гордиться, и которые стали бы ориентиром в социализации молодого поколения молодёжи России. В этом контексте используются особенности восприятия и интерпретации исторического опыта на базе разнообразных исторических источников. Вместе с этим, создание героических образов, их мифологизация порой используется как инструмент идеологического влияния: в подобных случаях социально детерминированная историческая память становится инструментом реализации политических амбиций.

Создание «доблестного» образа некоей «третьей силы» – «борцов против тоталитарного режима советской власти», героизация военных преступников – коллаборационистов, выступив-

ших на стороне Третьего рейха в годы Второй мировой войны, получивших заслуженное наказание, переоценки и тенденциозные интерпретации фактов, искажают исторические реалии и раскалывают российское общество. Подобные попытки «ревизии» истории проявляются в сотворении, например, героических образов казачьих атаманов, в попытках мемориализации памяти «оболганных патриотов России» посредством сооружения барельефов, памятников. Таким образом размываются и предаются забвению факты военных преступлений коллаборантов, осознанно воевавших на стороне нацистской Германии против своей исторической Родины.

Героизирующее прочтение биографии концентрирует, что Султан-Гирей Шаханович Клыч¹

1 Имя в литературе и исследованиях встречается как Клыч Шаханович Султан-Гирей, Султан-Клыч-Гирей, Султан-Келеч-Гирей, Гирей-Султан Клыч родился 15 марта 1880 г.

был воспитан по законам высоких требований адыгского этикета «адыгэ хабзе». Внешне он представлял собой, «чрезвычайно импозантную и колоритную фигуру: атлетически сложенный, с широкими плечами, стройным станом и великолепной львиной головой настоящего скифского хана Сила была его такова, что он легко сваливал на землю коня»².

Согласно «Краткой записке о службе командира 2-й сотни Черкесского конного полка штабс-ротмистра Султана Гирея», в предвоенный период он получил немало благодарностей и поощрений «за примерную службу и отличную выучку солдат».

Первая мировая война застала Султана Клыч-Гирея в период службы штабс-ротмистром в составе Белгородского полка. Узнав о формировании «Дикой Дивизии» из добровольцев-мусульман, он подаёт прошение своём желанием служить в ней и направляет телеграмму на имя командования дивизии с просьбой о переводе его на службу командиром Черкесской сотни. Прошение было удовлетворено. Став командиром 3-й сотни, штабс-ротмистр снискал славу смелого офицера,

за что и был удостоен ордена Св. Георгия и Золотого оружия с надписью: «За храбрость».

Дивизию кавказского (туземного) конного корпуса, в которой служил Султан, негласно называли «Дикой». Это название она получила, когда один из ее полков пронесся галопом на смотре перед великим князем Михаилом Александровичем. Февральскую революцию потомок знатного рода не принял, встретив с открытым осуждением. В чине полковника, летом 1917-го года, он в составе «Дикой дивизии» участвует в корниловском мятеже. Октябрьскую революцию и приход к власти большевиков Султан Клыч-Гирей также не признаёт. Он принимает осознанное решение открыто противостоять новому режиму³. После поражения белого движения в 1921 г. эмигрирует в Турцию, а затем в Европу.

В эмиграции Султан Клыч-Гирей занимается пропагандистской и политической работой в «Комитете независимости Кавказа», куда входили руководители закавказских, кавказских, грузинских, армянских, азербайджанских и других горских националистов.

Вторую мировую войну Султан Клыч-Гирей встретил в рядах сторонников нацистской Германии. С 1939 г. он возвращается к военной службе – командует черкесскими воинскими подразделениями казачьего корпуса генерала Краснова численностью около 6000 человек. Вошёл в состав Северокавказского комитета, в котором вместе с дагестанцем Ахмед-Наби Агаевым и осетином Алиханом Кантемировым принимает активное участие в формировании северокавказского 2-го Туркестанского легиона вермахта, формирование которого началось в 1942 г. под Варшавой. В легион входили 8 батальонов, в том числе и известный отдельный батальон Bergmann (Бергманн).

Первые бойцы были пленными кавказцами, затем к нему стали примыкать добровольцы из числа эмигрантов и коллаборационистов-предателей. Этот легион под командованием Султана Клыч-Гирея «отличился» в Хорватии во время национально-освободительной войны Югославии. Кавказцы-легионеры и казаки дотла сжигали хутора, в которых были замечены партизаны,

в ауле Ульском Майкопского отдела Кубанской области, (в ауле Уляп, по другим сведениям в Майкопе) в многодетной семье в семье прапорщика Султана Шана (Шахана) Гирея (1810-1898). Считается, что Султан Гирей по происхождению он из младших ветвей крымской ханской династии чингизидов родился и вырос в Черкесии, считал себя адыгом. Получил хорошее образование: поступил в Санкт-Петербургское, Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище, сформированное в сентябре 1865 г. С отличием окончил кадетский корпус и военное юнкерское училище, офицерскую кавалерийскую школу (1911). Пройдя обучение в Елисаветградском училище, одном из трёх в Российской империи, готовивших кадры для офицерских кавалерийских частей, стал одним из самых подготовленных выпускников. Дальнейшую службу штабс-ротмистр Гирей продолжил в 12-м Белгородском уланском полку. Штабс-ротмистр Султан Клыч-Гирей неоднократно получал благодарности от начальства за отличную воинскую службу, был награжден орденом св. Анны 4-ой степени «За храбрость». Участник подавления революции 1905 года. Князь, как значилось в его документах, один из руководителей горского националистического движения, генерал-майор белой армии (1918).

2 Султан Клыч-Гирей «Адыги – История, культура, традиции и быт» [Эл. ресурс]/<http://fb.ru/article/57970/znachimaya-rol-lichnosti-v-istorii> (дата обращения 8.08.2018).

3 В начале 1918 г. Султан Клыч - Гирей становится командиром вновь созданного Черкесского конного полка, который активно борется с большевиками, участвует в репрессиях против населения, выражавшего симпатии советской власти.

и отдавали оставшихся под контроль усташей (хорватское нацистское движение). Благодаря последним, в Хорватии появились концлагеря, куда стогнали цыган, евреев и сербов. То, что самыми рьяным в исполнении нацистской мечты был именно Северокавказский легион, подтверждается местным названием казаков «черкесы». Тем не менее, горские части по немецким документам считались самыми ненадежными и наиболее склонными к дезертирству среди всех легионов. Отдельные батальоны, в которые входили порядка 1000 солдат и офицеров, состояли из штабной, пулеметной и трех стрелковых рот. Помимо боевых действий в обязанности руководства входила также пропагандистская деятельность. Северокавказский комитет, в котором состоял и Султан Клыч-Гирей, выпускал газету «Газават», которую распространяли сторонники фашизма во время оккупации нацистами Кавказа.

Султан Клыч-Гирей оставил свой след в период временной нацистской оккупации его родной Адыгеи.

Оккупационные власти на территории Адыгейской автономной области строили свою политику с учетом национальных особенностей и исторического прошлого адыгского народа. На Кавказе намечалось создать автономную область в составе Третьего рейха со столицей в Тбилиси (рейхскомиссар А. Шикеданц)⁴. Аппараты рейхскомиссариатов «Кавказ», «Московия» и «Туркестан» были сформированы в 1941 году, однако к работе приступили лишь некоторые административные органы на Кавказе и в Центральной России. Аппараты рейхскомиссариатов «Кавказ», «Московия» и «Туркестан» были сформированы в 1941 году, однако к работе приступили лишь некоторые административные органы на Кавказе и в Центральной России. Территория рейхскомиссариата «Кавказ» должна была охватить всю территорию советского Кавказа от Турции и Ирана до Дона и Волги. Основой экономики этого края планировалось сделать добычу нефти и сельское хозяйство.

Опираясь на буржуазно-националистические элементы, антисоветски настроенную часть

интеллигенции, стариков-авторитетов, а также играя на национальных и религиозных чувствах населения Адыгеи, оккупанты стремились укрепить здесь свое господство. Антисоветская риторика в идеологическом инструментарии нацистской Германии на оккупированной территории СССР, как об этом свидетельствуют документы Третьего рейха, была направлена на привлечение к сотрудничеству народов СССР, для создания воинских подразделений, так называемых «восточных формирований». Задачам комплектования националистических соединений и агитации казаков и нацменьшинств выступить на борьбу с большевизмом и советской власти служила акция доставки в оккупированные районы белоэмигрантов, бывших царских генералов и других буржуазно-националистических элементов.

Опубликованные документы Третьего рейха дают документальное представление о сущности «Восточной политики» нацистской Германии, её идеологических установках и «практике» на оккупированной территории СССР. Восточная оккупационная политика в СССР осуществлялась в сотрудничестве между вермахтом и СС, между армией и карателями с 1941 по 1944 гг., вплоть до освобождения всей оккупированной территории. Оккупационный режим осуществлялся немецкой администрацией и частями вермахта, в компетенцию которых входило беспощадное подавление любого сопротивления населения занятых территорий. Руководящие органы вермахта активно принимали участие в подготовке и проведении массовых убийств во временно занятых советских областях совместно со специальными карательными органами: опергруппами СС и зондеркомандами в сотрудничестве с СД. Отметим, что особую оккупационную политику планировало руководство Третьего рейха в национальных республиках и автономиях Северного Кавказа. В начале оккупационного периода здесь была предпринята не давшая ожидаемых результатов попытка заигрывания германских оккупационных властей с местным населением – так называемый «Кавказский эксперимент».

На горном Кавказском перевале при разгроме немецкой части наши бойцы захватили секретный приказ командующего 44 германским армейским корпусом от 8 августа 1942 года. «Здесь нужно действовать иначе, чем на Дону, – гласит приказ. Считаться с тем, что в этих районах добровольные группы горно-кавказского населения

4 Аппараты рейхскомиссариатов «Кавказ», «Московия» и «Туркестан» были сформированы в 1941 году, однако к работе приступили лишь некоторые административные органы на Кавказе и в Центральной России.

могут сыграть немалую роль. Восстание горных народов Кавказа, направленное против нас, может иметь тяжелые для нас последствия»⁵.

На Северный Кавказ были доставлены для агитации среди казачества белоэмигрант Венеровский, белогвардейский генерал Щепетильников, есаул Н.Вольгер, офицер гестапо Р. Алидзаев, для работы среди карачаевцев – белогвардейский полковник Леккарт. В Адыгею был с этой целью доставлен Султан Гирей⁶. Постоянная резиденция бывшего генерала белой армии была в г. Ставрополе. В беседах Султан призывал, чтобы население края помогало германской армии не только материально, но и живой силой путем добровольного вступления в создаваемые немцами «добровольческие легионы».

Командованием рейха предусматривалось проведение на территории Кавказа массовых мятежей, диверсий, террора, беспорядков, с помощью коллаборационистских, этнических формирований из национальных меньшинств СССР. С первых дней оккупации в соответствии с планами вермахта ставилась задача силами местного населения кавказской эмиграции «организовать восстание на территории Кавказа». Пропагандистским целям служила идеологическая обработка населения оккупированных территорий СССР с целью дезактивировать очаги сопротивления и разоружения морального, привлечения к сотрудничеству. Воплощая в «практику» планы покорения народов России, нацистские оккупанты применяли самые разные формы и методы. В планах идеологической обработки советских людей обусловленную роль должна была сыграть конфессиональная политика.

Германские оккупационные власти во всех занятых населенных пунктах открывали мечети, церкви, насаждали и поощряли культовые религиозные обряды. Фарисейски подчеркнуто-благодушное отношение к религии и священнослужителям в период оккупации в пропаганде противопоставлялось антирелигиозной политике советской власти. В этом контексте приведем интересный факт по манипулированию

религиозными чувствами кавказских этносов из оккупационного периода на Северном Кавказе и фарисейское использование конфессионального мировоззрения кавказцев⁷.

Генерал фон Маккензен, командующий I танковой армией объявил о принятии магометанства, посещал мечети, лицемерно придерживался горских обычаев. Гитлер был возведен в ранг «Великого имама всего Кавказа»⁸.

Находясь в г. Ставрополе, Султан-Гирей Клыч созвал совещание националистических горских авторитетов и представителей мусульманского духовенства. Он входил в Северокавказский комитет, выпускавший газету «Газават», которую распространяли сторонники нацизма в период оккупации.

Из Адыгеи в г. Ставрополь к Султан-Гирею Клычу была послана специальная делегация «почетных стариков от имени адыгейского народа» с просьбой прибыть в Адыгею и возглавить борьбу против Советской власти. В составе делегации входили ставленник немцев бургомистр Шовгеновского района Аташуков Аскарбий, бывший начхоз Грузлесзага, заместитель бургомистра того же района Бжассо Керим, до оккупации работавший работником в банке. Майкопа».

В конце декабря 1942 г. и в начале января 1943 г. Султан Клыч-Гирей в сопровождении эмигранта-осетина «профессора» Козырева Мисоста и двух немецких офицеров посетил город Майкоп, а также ряд аулов и хуторов Шовгеновского и Кошехабльского районов ААО. Позиционируя себя как член «национального комитета», прибывший из Берлина со спецзаданием германского командования для «организации жизни кавказских народов», Султан-Гирей выступал на собраниях, призывая соплеменников-адыгов активно помогать немцам в борьбе против советской власти. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы, свидетельства, отложившиеся в воспоминаниях и других источниках личного происхождения, в СМИ, в том числе Интернет-ресурсах. При наличии некоторых расхождений,

5 Центральный архив Министерства Обороны Российской Федерации -ЦАМО РФ, Ф.208, Оп.2552. Д.491; М.М.Загорулько, А.Ф.Юденков. «Крах плана «Ольденбург». М.: Экономика, 1980. С.169.

6 Малышева Е.М. «Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941-1945гг.». М.: Издательство «Вече», 2011. С.231.

7 Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Майкоп, 2000. С.200.

8 Малышева Е.М. Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // Россия в XX веке. Война 1941 -1945 годов. Современные подходы. М.: Наука, 2005. С.315.

не имеющих принципиального характера, все свидетельства подтверждают коллаборационистский характер деятельности Султана Клыч-Гирея на службе у нацистской Германии.

После выступлений на собраниях Султан Клыч-Гирей отдельно провёл несколько групповых бесед с «почетными стариками», лицами, служившими в «дикой дивизии». Перед отъездом из Адыгеи Козырев по инициативе националистических элементов Шовгеновского района с согласия Султана Клыч-Гирея написал текст «ходатайства адыгейского народа» к германскому командованию следующего содержания: «Фельдкомендатура – гестапо – г. Майкоп. «...Имеем честь заявить следующее. В данное время на Кавказе пребывает наш уважаемый кавказским народом, любимый вождь черкесского, а также народа кавказского генерал Султан Клыч-Гирей. Зная популярность Султана Клыч-Гирея в народе, предлагаем со своей стороны доверить ему организовать черкесскую армию – отряд, который безо всяких сомнений под его мудрым руководством окажет существенную помощь германскому командованию... Считаем своим долгом довести до сведения германского командования следующее. Необходимо для общей борьбы вызвать наших братьев-эмигрантов из-за границы, в которых мы неотложно нуждаемся, как в отношении ведения войны на Кавказе, так и в административном отношении. Доводим до сведения германского правительства, а также и командования о том, что эмигранты Кавказа изгнаны не кавказцами с Родины, а только лишь большевиками, которые много зла и несчастья причинили всему нашему народу. Убедительно просим высшее командование германских вооруженных сил поддержать наше ходатайство, принять во внимание и в кратчайшее время разрешить его. Да здравствует Адольф Гитлер, германское правительство и армия! Начальник Хакуринохальского района Аташуков. Почетные старики народа (подписи)»⁹.

Так свидетельствуют документы – неоспоримые доказательства преступлений Султан-Гирея, которые в настоящее время предаются забвению,

и историческая память современников искажается. Происходит мифологизация личности Султан-Гирея, опирающаяся на смутные устные предания о якобы стремлении Султан-Гирея предотвратить напрасные жертвы адыгов призывами «вести себя осторожно» поскольку «Кавказ немцы заняли ненадолго, Красная Армия победит». Со слов якобы очевидцев, Султан-Гирей, в отличие от своих резко антисоветских выступлений в присутствии немцев, на собраниях, в беседах в узком кругу недвусмысленно подчеркивал непрочность немецких завоеваний на Кавказе, в связи с чем, не рекомендовал заниматься репрессиями коммунистов, «дабы впоследствии не пострадать самим от большевиков». Говорил он на адыгейском языке: «Я знаю, что среди этих немцев никто по-нашему не понимает, и я вам скажу то, что на самом деле должен вам сказать. Мое дело решено и подписано. Я связал свою жизнь с этими людьми, и я погибну вместе с ними. Но вам незачем с ними погибать. Поэтому вы кричите «ура, ура», но имейте в виду, что долго их власть здесь не продержится. Большевики сильнее. Большевики их выбьют отсюда и, если вы, как дураки, пойдете вслед за ними, то вас тоже уничтожат»¹⁰.

Эти факты не могут «реабилитировать» прошедшего на родную землю Адыгеи генерала на службе Третьего рейха с врагами его родины, а только подтверждают общую оценку сотрудничества с нацистской Германией. Но по мере удаления от событий актуализируется проблема переоценки в общественном сознании знаковых для кавказских этносов личностей, каковой был генерал Султан-Клыч Гирей. Однако апологетам коллаборационистов, ставших на путь сотрудничества с беспощадным врагом Родины, опонируют документы, факты, свидетельства и другие герои адыгского народа, Герои Советского Союза Хусен Андрухаев, Айдамир Ачмиз, Даут Нехай и многие другие.

В мае 1945-го Кавказский легион вместе с другими подразделениями Казацкого стана сдался английским войскам возле территории тирольского города Лиенца. 29 мая в числе 125 кавказских офицеров Султан-Гирей он был доставлен в Юденбург.

9 К 75-летию Битвы за Кавказ 1942-1943 гг.: не «героические борцы с Красной армией», а каратели и убийцы мирного населения. [Электронный ресурс]. <https://belorechensk.net/threads/k-75-letiju-bitvy-za-kavkaz-1942-1943-gg-podrazdelenija-predatelej-i-karatelej-na/> (Дата обращения 25.05.2018 г.).

10 Личный архив Е.М. Малышевой. Воспоминания Дзыбовой Любови Хутатовны, 1895 г.р., уроженка аула Егерухай.

1 июня 1945 года в соответствии с Ялтинскими соглашениями между Великобританией, США и СССР Султан-Гирей Клыч был этапирован в Москву. 16 января 1947 года Верховной коллегией Верховного Суда СССР Султан-Гирей Клыч был признан виновным в контрреволюционно-белогвардейской и диверсионно-террористической деятельности против Советского Союза и с формулировкой «за измену родине», приговорен к смертной казни.

В условиях постсоветского транзита после развала СССР, на волне переоценки истории XX века, в средствах массовой информации появляются аргументы, оправдывающие многочисленные беспощадные преступления Султан Клыч-Гирея, в том числе против своего народа, его желанием противостоять «красной угрозе», невозможностью смириться с тем, что его, офицера, потомка чингизидов, приравняют в новом государстве к «черни». А в 1990-х гг. даже были предприняты кощунственные попытки его официальной реабилитации. Военная коллегия Верховного суда Российской Федерации жестко заявила - наказание по заслугам и оправданию Султан-Гирей не подлежит.

Список литературы

- Имя в литературе и исследованиях встречается как Клыч Шаханович Султан-Гирей, Султан-Клыч-Гирей, Султан-Келеч-Гирей, Ги-рей-Султан Клыч. В настоящей статье называется и используется в соответствии с источником.
- Султан Клыч-Гирей «Адыги - История, культура, традиции и быт» [Эл. ресурс] <http://fb.ru/article/57970/znachimaya-rol-lichnosti-v-istorii> (дата обращения 8.08.2018).
- См. Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия. Жанр: Биографии и Мемуары. М.: ВЕЧЕ, 2007. – 200 с.
- Аппараты рейхскомиссариатов «Кавказ», «Московия» и «Туркестан» были сформированы в 1941 году, однако к работе приступили лишь некоторые административные органы на Кавказе и в Центральной России.
- Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации – ЦАМО РФ, Ф.208, Оп.2552. Д.491; М.М.Загорюлько, А.Ф.Юденков. «Крах плана «Ольденбург». – М.: Экономика, 1980. С.169.
- Малышева Е.М. «Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941-1945 гг.». Монография / Е.М. Малышева. Москва: Издательство «Вече», 2011. С.231.
- Документ из архивного дела № 341 Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХДИК), Док. Центра переданы в РГВА; Малышева Е.М. Проблемы патриотизма, дружбы народов и коллаборационизма в 1941–1945 гг. // Патриотизм – духовный стержень народов России. – М.: изд. Дом «Экономическая литература», 2006. С.358.
- Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Монография / Е.М. Малышева. – Майкоп, 2000. С.200.
- Малышева Е.М. Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // Россия в XX веке. Война 1941 -1945 годов. Современные подходы. – М.: Наука, 2005. С.315.
- К 75-летию Битвы за Кавказ 1942-1943 гг.: не «героические борцы с Красной армией», а каратели и убийцы мирного населения. [Электронный ресурс]. <https://belorechensk.net/threads/k-75-letiju-bitvy-za-kavkaz-1942-1943-gg-podrazdelenija-predatelej-i-karatelej-na/> (Дата обращения 25.05.2018 г.).
- Личный архив Е.М. Малышевой. Воспоминания Дзыбовой Любви Хутатовны, 1895 г.р., уроженка аула Егерухай.
- См. «Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941–1944 гг.)». М.: Политиздат, 1968. – 383с. [Электронный ресурс]. <http://militera.lib.ru/docs/da/prestupnye/index.html>. (Дата обращения 24.11.2018). Распоряжение начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии о военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск. 13 мая 1941 г. Совершенно секретно! Из протокола совещания Гитлера с руководителями вермахта по обсуждению организационной структуры хозяйственного раздела плана «Барбаросса» – «Ольденбург». 29 апреля 1941 г. // «Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944 гг.)». М.: Политиздат, 1968. 383 с.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 1045. Л. 19, 25.
- Главные военные преступления 1-й казачьей дивизии Гитлера <http://russian7.ru/post/glavnye-voennye-prestupleniya-1-y-kazach/>

15. Нерусские русские каратели и их немецкие хозяева. Фон Паннвиц. С кем воевали? [Электронный ресурс]. <https://arctus.livejournal.com/143263.html> (дата обращения 4.02.2019)

16. См. Козлов А.И. Великая Отечественная война и казаки // RELGA. 2006. № 3. [Электронный ресурс]. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=authors&userid=38>. (Дата обращения 23.11.2018); Дробязко С., Карашук А. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. - М.: АСТ, 2000. - 46 с.; Крикунов П. Казаки. Между Сталиным и Гитлером. Крестовый поход против большевизма. М. : Язуза, Эскмо, 2005. 608 с; Главные военные преступления 1-й казачьей дивизии Гитлера <http://russian7.ru/post/glavnye-voennye-prestupleniya-1-y-kazach>.

17. Малышева Е.М. Судебная ответственность немецких военнослужащих и советских коллаборационистов на территории СССР: основные тенденции и подходы к осмыслению проблемы // Великая Отечественная война: взгляд из XXI века: Материалы Международной научной конференции (19–20 сентября 2013 г.) / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГБОУ ВПО «Кубан. гос. технолог. ун-т», Социально-гуманит. фак, каф. истории, политологии и социал. коммуникаций. Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2013. С.98.

Султан Гирей-Клыч: как бывший командир «Дикой дивизии» хотел отдать Кавказ нацистам [Электронный ресурс]. <http://russian7.ru/post/sultan-girey-klych-kak-byvshiy-komandir/> (Дата обращения 6.09.2018).

SULTAN KLYCH-GIREY: MYTHOLOGY HISTORIC MEMORY

Malysheva Elena Mikhaylovna,
DSc, Professor of Adyghe State University,
Pervomaiskaya Str., 208, Maikop, 385000,
The Russian Federation
emalysheva@yandex.ru

Abstract

The fate and biography of the direct descendant of the Crimean Gireev - Sultan Klych Girei, who remained in the historical memory, represent scientific interest in terms of its mythologization: the ratings vary from respectful as to charismatic personality, to uncompromisingly a collaborator who openly sided with Nazi Germany during World War II.

Keywords

Historical memory, World War II, Great Patriotic War, Sultan Klych-Girei, emigration, Wild Division, Red Army, Third Reich, Resistance, collaborationism, Caucasus, occupation, Homeland.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МИРА

RAR

УДК 93/94

ББК 63.0

10.34685/НИ.2019.27.4.015

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ:

рецензия на книгу С.И. Лучицкой «Крестовые походы:
идея и реальность»

Сокольская Нина Федоровна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт Всеобщей Истории РАН,
Москва, Ленинский пр-т, 32а,
ivi-1415@yandex.ru

Аннотация

Представлена рецензия на книгу С.И. Лучицкой «Крестовые походы: идея и реальность». В книге предлагается совершенно иной взгляд на крестоносное движение, которое рассматривается в широком контексте социально-политических процессов, происходивших в Европе в Средние века.

Ключевые слова

С.И. Лучицкая, крестовые походы, Средние века, всемирная история.

Крестовые походы традиционно считаются одним из центральных явлений европейской истории, в котором как в призма пересеклись и обрели новые формы основные особенности культурного, социального, религиозного и духовного развития Латинской Европы в эпоху Средневековья. Вместе с тем, крестоносное движение оказало существенное влияние и на историю регионов, лежащих за пределами Запада, в частности, Византийской Империи и мусульманского Средиземноморья. Крестовые походы стали неотъемлемой частью русского культурного и социально-политического сознания уже с рубежа

XVIII – XIX вв.¹, воплотившись в образы художественной литературы и метафоры политико-идеологической полемики, прямо связанной со спо-

---

1 Знакомство русской образованной публики с проблематикой можно отнести к концу XVIII в. Помимо беллетристики можно указать перевод просвещенческого эссе Вольтера: Вольтер. История о крестовых походах / пер. И. А. Вельяшева-Волынцова. СПб., 1772. К концу первой трети следующего столетия относятся переводы европейских исторических сочинений, которые стали известны русской публике в том числе и в форме компиляций и рецензий, написанных публицистами, историками-дилетантами, литературными критиками.

ром об исторических судьбах России и Европы, греко-славянского и романо-германского миров. Начиная с середины XIX в., особенно последней трети столетия, изучение этого явления стало специальной проблемой профессиональной историографии. Русским ученым принадлежит ряд серьезных имеющих самостоятельное значение для мировой науки исследований как источниковедческого, так и исторического характера², однако в общем объеме историографии крестоносного движения они составляют лишь незначительную величину. С точки зрения мировой науки наиболее значимым вкладом русских ученых были и остаются исследования важных, но, тем не менее, маргинальных аспектов явления. К ним можно отнести такие сюжеты, как завоевание «латинянами» Константинополя и распад Империи; крестовые походы германского рыцарства в северо-восточной Европе и славянской Прибалтике; исследование славянских и византийских источников о крестоносцах. Серьезные самостоятельные исследования отечественных историков о Крестовых походах как феномене собственно европейской истории могут быть перечислены буквально по пальцам.

Весной 2019 г. в издательстве «Наука» в серии «Библиотека всемирной истории» была опубликована монография «Крестовые походы: идея и реальность», написанная известным специалистом по истории христианско-мусульманских отношений доктором исторических наук С.И. Лучицкой. (фото 1.)

Появление этой книги можно считать важнейшим событием в отечественной историографии крестоносного движения за последние полвека, поскольку автор впервые после работ М.А. Заборова, составивших эпоху в советской историографии, взял на себя смелость создать целостную картину этого явления. Работа Лучицкой представляет собой одновременно и развернутый исторический нарратив, и синтез новейших

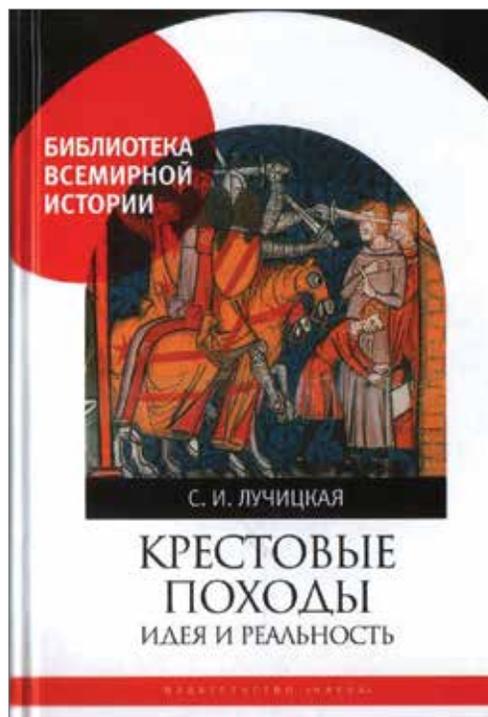

Фото 1. «Крестовые походы: идея и реальность» С.И. Лучицкая

историографических исследований, и оригинальный взгляд на проблему. Следует напомнить, что эта монография стала плодом упорного и целеустремленного труда: в течение последних трех десятилетий Лучицкой было опубликовано более сотни научных сочинений, в которых рассматривались различные аспекты истории и источниковедения крестовых походов³. Многие из них были переведены на основные европейские языки и широко цитируются самыми авторитетными специалистами. За рецензируемой монографией стоят годы, проведенные в архивах и библиотеках, участие в международных исследовательских проектах и реальное сотрудничество с мировым экспертным сообществом.

Научный интерес к истории крестовых походов в России зародился еще в первой половине XIX в.⁴, когда появились как переводы трудов за-

2 М.А. Заборов, крупнейший отечественный исследователь историографии эпохи «крестовых походов», называется в числе авторов, внесших вклад в изучение этого явления, следующих медиевистов: Т.Н. Грановский, В.А. Бильбасов, М.М. Стасюлевич, Ф.Я. Фортинский, А.Н. Ясинский, Д.Н. Егоров, О.А. Добиаш-Рожественская, В.Г. Васильевский, П.В. Безобразов, Ф.И. Успенский, Б.А. Панченко. Заборов М.А. Историография крестовых походов (литература XV-XIX вв.). М., 1971

3 Укажу лишь монографию, написанную на основании докторской диссертации: Лучицкая С.И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001

4 Подробный очерк см.: Заборов М.А. Ук.соч. В той работе указаны и предшествующие историографические исследования и очерки.

падных ученых по этой теме⁵, так и первые компилятивные⁶, а позже – и оригинальные работы русских авторов⁷. Интерес к теме резко обострился в России в связи с восточным вопросом во второй половине XIX в.⁸, когда европейские державы, в том числе и Россия боролись за влияние, а к концу века и за раздел Османской империи⁹. Именно тогда была опубликована «История крестовых походов» (СПб., 1901), принадлежащая перу выдающегося русского византиста Ф.И. Успенского. Эта книга долгое время оставалась единственным написанным русским историком обобщающим трудом по истории крестоносного движения. Лишь два десятилетия спустя появились книги написанные крупным историком-медиевистом О.А. Добиаш-Рождественской: «Эпоха крестовых походов. Запад в крестоносном движении» (Петроград, 1918) и «Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце» (Ленинград, 1925). В них глубокий научный анализ, основанный на превосходном знании источников, сочетался с яркой образной манерой письма¹⁰.

Уже в советское и постсоветское время было создано немало трудов (И.П. Шаскольского, а позже Е.Л. Назаровой, В.И. Магузовой, М.Б. Бесудновой и др.), посвященных разным аспектам истории крестовых походов, преимущественно т.н. северным крестовым походам. Но обобщаю-

щих сочинений, в которых была бы дана целостная картина истории крестоносного движения, у нас до сих пор не так много. Среди них, конечно, выделяются написанные более полувека назад труды выдающегося специалиста по этой тематике – М.А. Заборова (1920-1988). Не отрицая огромной ценности этих исследований, речь идет, прежде всего, о его книгах «Крестовые походы» (М., 1956) и «Крестоносцы на Востоке» (М., 1980), необходимо учитывать, что за истекшие десятилетия в изучении этой тематики произошли значительные сдвиги, и само видение этой проблематики, как и интерпретация связанных с ней сюжетов, существенно изменились. Этот новый уровень знаний о крестовых походах, достигнутый современной наукой, отражен в рецензируемом сочинении С.И. Лучицкой. Книга написана для широкой аудитории, но при этом освещает многие проблемы истории крестоносного движения, которые сегодня трактуются совершенно иным образом, чем прежде.

Не останавливаясь подробно на всех поднятых в книге проблемах, отметим некоторые принципиальные моменты. Во-первых, автор разрабатывает новую периодизацию крестовых походов, корректируя принятую в науке классификацию событий, разработанную еще историками Просвещения. Во-вторых, – и это главное – в книге по существу предлагается совершенно иной взгляд на крестоносное движение, которое рассматривается в широком контексте социально-политических процессов, происходивших в Европе в Средние века.

В отличие от своих предшественников, С.И. Лучицкая предлагает исследовать крестовые походы не как некие события, которые разыгрывались на границе с исламом, но как процессы, происходившие в центре христианской Европы. Вот почему крестоносное движение рассматривается в широком историческом контексте, начиная от григорианской реформы XI в., когда в лоне западной Церкви возникла идея религиозно-политического единения всего христианского мира под эгидой папства, и кончая эпохой Реформации XVI в., когда были поколеблены христианские доктрины об авторитете папы и об индульгенциях. Именно Реформация, а не победы ислама в к. XIII в., как полагает С.И. Лучицкая, положили конец эпохе крестовых походов.

В книге крестовый поход трактуется как результат очень сложной эволюции самых разных средневековых практик и представлений – таких,

5 Мишо Ж. История крестовых походов / перев. И. Бутовский. ТТ. I – V. СПб., 1822-1836; Краткая история крестовых походов / перев. Ф. Ф. Сидонский. СПб., 1845.

6 История крестовых походов для освобождения Иерусалима и Святой Земли из рук неверных, выбранная из Всеобщей истории Ивана Ертова. СПб., 1835.

7 Бильбасов В. А. Крестовый поход императора Фридриха II из дома гогенштауфенских герцогов. СПб., 1863; Грановский Т. Н. Латинская империя // Сочинения. Т. II. М., 1856

8 Титов Г. Крестовые походы и восточный вопрос. СПб., 1854

9 Бузескул В. П. Генрих Зибель как историк-политик. Харьков, 1896; Заборов М. А. Крестовые походы в работах русских историков начала XX в. // ВВ. Т. XXV. М., 1964.

10 Можно, впрочем, указать работы и других крупных дореволюционных историков, которые, однако, не имели ни сопоставимой глубины, ни читательской популярности: Фортинский Ф. Я. Научная разработка истории первого крестового похода // УИ. № 4-5. Киев, 1882; Ясинский А. Н. История крестовых походов. Литографированный курс. Юрьев, 1909.

как «справедливая война» (*bellum justum*), рыцарство, паломничество, культ святых, идея мученичества, идея покаяния и пр. Стоит отметить, что, по мнению автора монографии, крестовый поход отнюдь не был радикальным разрывом с предшествующей деятельностью, но представлял собой синтез различных идей и институтов, которые всегда существовали в средневековом обществе.

Вообще в своей книге С.И. Лучицкая доказывает, что крестовые походы в общем не были каким-то независимым движением и не существовали сами по себе. Не будучи самостоятельным и единообразным по форме, крестоносное движение, как считает автор, отражало разные тенденции развития общества средневековой Европы. Оно было связано с различными процессами, происходившими в самых разных сферах общественной жизни – такими, как борьба Папства и Империи, религиозные реформы, внешняя экспансия западного христианства, развитие культа рыцарства и пр. Крестоносное движение, как показано в книге, всякий раз перестраивалось в соответствии с потребностями общества, и его природа менялась под влиянием разных социальных и политических факторов.

Важной вехой в его истории С.И. Лучицкая считает нач. XIII в. Именно тогда, по ее мнению, это движение существенно меняется – оно приобретает невиданный размах, значительно расширяется его география, и при этом (во многом благодаря инициативе папы Иннокентия III) в него вносится порядок: создаются структуры крестоносного движения, его правовые и финансовые институты и пр. (см. главу «Дело креста» в XIII в.). В то время крестовый поход превращается, как явствует из собранного в книге материала, в важный инструмент папской власти, который служит религиозно-политическим целям понтификов в их войнах со всеми видами врагов – против прибалтов, славян, русских, мавров, турок, мамлюков, против христианских еретиков, политических врагов папства и пр. Эти поздние крестовые походы, о которых достаточно подробно говорится на страницах монографии, привлекали меньше внимания исследователей, так как многие из упомянутых экспедиций были безуспешными и даже бесславными.

В целом же история крестоносного движения вписывается в исследование С.И. Лучицкой в весьма длительный временной контекст: в частности, в книге рассматривается вопрос о том, как

события крестовых походов переосмыслились в европейской культуре на протяжении целых столетий – от средневековой эпохи, когда крестоносное движение интерпретировалось современниками, – до наших дней, когда эта тема подчас становится инструментом идеологической борьбы. В соответствующих разделах («Критика крестового похода и упадок крестоносного движения», «Образы крестовых походов» и др.) исследуемый сюжет вписывается в актуальную для исторической науки проблему взаимосвязи истории и памяти. Автор также касается болезненного вопроса *the use and abuse of history*, показывая, как тематика истории крестовых походов использовалась в определенные исторические периоды в самых разных целях в политической сфере.

Для отечественного читателя чрезвычайно ценно, что изучаемая тема рассматривается и в контексте русской истории и культуры. Речь идет не только о том, что в книге уделяется определенное внимание взаимоотношениям средневековой Руси и крестоносцев, но и о том, как исторический опыт крестовых походов осмыслился в русской культуре.

Наконец, существенное достоинство монографии заключается в том, что ее автору удалось достичь точного баланса между историей событий и институциональной историей. С одной стороны, в книге доходчиво и в меру лаконично изложена фактическая история крестоносного движения, с другой – крестовый поход рассматривается как институт. Так, отдельные главы повествуют о том, как средневековые христиане решали вопрос организации военно-религиозных экспедиций (их проповедования, финансирования), как они преодолевали пространство (см. главу «Как достичь Святой Земли») а также – какими духовными и светскими привилегиями пользовался принявший обет крестоносца мирянин ...

В небольшой рецензии невозможно охватить все затронутые в книге проблемы истории крестовых походов, да это, наверное, и не требуется. В заключение ограничимся лишь самым общим соображением. Бесспорно, история крестовых походов едва ли не самый известный сюжет средневековой истории, он часто популяризируется в Интернете, обсуждается в масс-медиа. По понятным причинам о нем сложилось много мифов и предрассудков, стереотипов, которые затрудняют наше понимание этих событий. Между тем в последние десятилетия время истории разных

стран (Дж. Райли Смит, Дж. Констэбл, Ж. Ришар, Н. Хаусли, Ф. Кардини) многое сделали для изучения этой темы, по-иному расставив акценты в общей картине истории крестоносного движения. Однако плоды научной работы медленно входят в общественное сознание, а сами историки публикуют специальные работы, которые подчас недоступны широкому читателю. С.И. Лучицкая

взяла на себя труд создать синтез новых достижений в этой сфере знания и познакомить читателя с новой интерпретацией истории крестовых походов. В ее книге обобщен опыт исследования этого центрального для Средневековья сюжета за последние три с лишним десятилетия, и тем самым поставлен надежный заслон всяческим фальсификациям и упрощениям истории.

CROSS FREE IN RUSSIAN CULTURAL REFLECTION: a review of S.I. Lucitskaya's book "The Crusades: Idea and Reality"

Sokolskaya Nina Feodorovna,
PhD Senior Research Fellow,
Institute of Universal History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Leninsky Ave., 32a,
ivi-1415@yandex.ru

Abstract

A review of S.I. Luchitskaya's book "The Crusades: Idea and Reality" is presented. The book offers a completely different view of the crusader movement, which is considered in the broad context of the socio-political processes that took place in Europe in the Middle Ages.

Keywords

S.I. Lucitskaya, Crusades, Middle Ages, world history.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2019 ГОД

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Гуцалов А. А. Основные характеристики культурного бренда. № 2

Сальников В. И., Беспалова Т. В. Русский мир в условиях турбулентности мирополитической системы: в поисках методологии исследования. № 3

Бревнова Ю. А. Икона в контексте современной культуры: исследовательская проблематика. № 3

Соловей Т. Д. С надеждой на прекрасную науку будущего: кафедре этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова – 80 лет. №4

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Гуля А. Н., Ефимов А. Б. Возможности и риски китайской инициативы «Нового шелкового пути» для развития России. № 1

Минаев Е. А., Гнисюк Н. А. Музыка в повседневности. № 1

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

Маслова Ю. В. Старообрядчество и национальная идентичность в творчестве русских писателей второй половины XX – начала XXI века. № 1

Кирьянова О. Г. Музейные учреждения русской православной церкви: современное состояние и перспективы. № 2

РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ

Катасонов В. Н. Цифровизация, платонизм и христианство. № 2

Кривовичев С. В. Феномен верующих ученых: история и современность. №2

Крижевский М. В. Церковное искусство в контексте борьбы № 2 за «литургические права». № 2

Маслин М. А. Национально-государственная идеология воспитание в высшей школе. № 2

Силуянова И. В. Образование: традиционные моральные ценности, или новый диапазон прав? (на примере высшей медицинской школы). № 2

ЭТНОКУЛЬТУРЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Михеева Л. Н., Джичоная М. А. Свадебный фольклор народов Поволжья: лексико-семантический анализ. № 1

Жамбаева Т. И. Культура Китая и бурятское буддийское искусство (XVIII – начало XX вв.). № 3

Титорева Г. Т. Амурские текстильные ковры. № 3

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

Виноградов М. Ю. Становление Вальтера Фельзенштейна как режиссера-постановщика оперных спектаклей. № 1

Карманов К. Л. Отражение литургического года в церковно-музыкальном наследии диакона Сергия Трубачёва. № 1

Коновалов А. А. Россия как вечная ценность в творчестве Л. Д. Ржевского. № 1

Радченко С. Е. Концерты Н. В. Плевицкой в губернских городах центрального черноземья: к 135-летию со дня рождения певицы № 1

Кощиченко И.В. Синописис дневника В. В. Тимофеевой (Починковской) 1918–1921 гг. № 3

Павлов А. В. Вера и верность долгу: разрушение института православия в царской армии. № 3

Сорокин В. Н. От императорского к общедоступному: к столетию Декрета СНК «Об объединении театрального дела». № 3

Шарова Е. А. Аполлон Николаевич Мокрицкий – ученик А. Г. Венецианова и последователь К. П. Брюллова: к вопросу об эволюции взглядов на художественный метод. № 4

Долженкова Т. И. Роль В.М. Клыкова в формировании культурного облика Курской области. № 4

Синянская Н. А. Из истории музыкальной культуры дворянских усадеб Курской губернии на рубеже 20-х гг. XIX века: о курском периоде жизни графа Мих. Ю. Виельгорского (1818-1823). № 4

Мальшева Е. М. Мифологизация личности как инструмент искажения исторической правды: Султан Клыч-Гирей. № 4

Пархоменко Т.А. «Записи» А. Н. Скрябина в культурном наследии Серебряного века. № 4

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Нельзина О. Ю. Музеи-заповедники как база для создания тематических исторических парков в условиях процесса визуализации истории. № 1

Пустовойт Ю. В. Классифицирование мультимедийных технологий в экспозиционно-выставочном пространстве современного музея. № 1

Нефедьев Г. В. Дом и сад С.Н. Дурылина в Болшево как пространство культуры. № 4

Бельская С. А. Болшевский детский посёлок (1918-1928): к истории социального воспитания в советской России. № 4

Плотникова А. Г. Киносценарий М.Горького о трудовых коммунах. № 4

Севостьянов А. С. Коллекция керамики селища Болшево-3 как источник истории Московского края. № 4

Степанова М. А. Репрезентация жизненного пути А.И. Цветаевой на выставке «“Многоликая Ася”»: личность, судьба и творчество Анастасии Цветаевой». № 4

Чермошенцев А. В. Мозаики города Королёв, как культурный символ советской эпохи. № 4

Юренева Т. Ю. Музейная сеть России: основные характеристики и проблемы изучения. № 4

Зотова Т. А. Музей-заповедник «Горки Ленинские»: проблемы ребрендинга. № 4

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

Шинтяпина Е. С. Архитектурно-историческое наследие посёлка Ореанда на южном берегу Крыма. № 1

Золотых М. С. О влиянии русской народной художественной культуры на творчество братьев-художников Золотых. № 2

Лысенко А. С. Творческая жизнь династии глазами наследника художественной традиции семьи Лысенко-Терещенко. № 2

Сариева Е. А. Поэтические произведения в антрактах и дивертисментах императорской сцены. № 2

Яскевич М. И. Массовые открытые онлайн-курсы как главная тенденция развития образования. № 2

Суворова А. А. Религиозные мотивы в современном российском аутсайдерском искусстве: творчество Владимира Зороастрова. № 3

Бакулина Н.А. Национально-региональные особенности художественно-образовательной сферы культуры Западной Сибири во второй половине XIX – первой трети XX века. № 3

ПРАКТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ладыгин Е. В. Интегрированная литературно-графическая методика «Портрет моей земли» и образовательный проект «Суздаль глазами „Новых имён“» – эффективное средство развития творческих способностей и духовно-патриотического воспитания одарённых детей России. № 1

Сорокин В. Н. Актерская компетенция как социокультурный ресурс. № 1

Шатохина Н. Н. Создание художественного образа в процессе работы над композицией в технике мозаики. № 2

Горлова И.И., Бычкова О.И., Костина Н.А. Особенности продвижения этнокультурных брендов в контексте формирования и реализации потенциала территориальных музеев. № 3

Ладыгина Т. А. Хроники красноуфимских пленэров: молодежные краеведческие проекты. № 3

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ

Зуйков В.С. Алтай – ось Евразии: философско-исторический анализ культурной миссии. № 3

Беленький Л.П. Песенная культура и её структурные признаки. № 3

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МИРА

Рецензия на книгу С.И. Лучицкой «Крестовые походы: идея и реальность» №4

ПУБЛИКАЦИЯ В НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ЖУРНАЛЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

Основные рубрики: «Методология и методы исследования культурных процессов»; «Искусство, образование, наука»; «Духовное наследие и культура»; «Культура регионов»; «Культура повседневности»; «Этнокультуры в прошлом и настоящем»; «Имена и события прошлого»; «Культурное наследие мира»; «Музееведение и охрана культурного наследия» и др.

С 1 декабря 2015 г. журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Требования к статьям, присылаемым в журнал «Культурное наследие России»

- К рассмотрению принимаются не опубликованные ранее статьи общим объёмом до 10—12 страниц (не более 0,5 п. л. — 20 000 знаков).
- Публикация безгонорарная, автору высылается электронная версия журнала.
- Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт публикации. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
- Автор представляет рукопись по электронной почте: knaros@yandex.ru.
- Формат текстовых файлов — DOC, DOCX.
- Все элементы статьи выполняются шрифтом Times New Roman, размер (кегель) — 14 пт (основной текст), 11 пт (сноски); расстояние между строк (межстрочный интервал) — 1,5; абзацный отступ — 1 см., шрифт — обычный; выравнивание — по ширине (кроме указанного особо).
- Формат страницы — А4. Поля — 2 см.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и включать все перечисленные пункты:

1. 1. Тип статьи (выбрать из списка на следующей странице).
2. 2. УДК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
3. 3. ББК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
4. 4. Название статьи — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
5. 5. ФИО автора полностью — выравнивание по правому краю.
6. 6. Сведения об авторе: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
7. 7. Аннотация на русском языке (5–8 строк).
8. 8. Ключевые слова на русском языке (8–10).
9. 9. Основной текст: шрифт — Times New Roman, кегель — 14 пт., междустрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см.; выравнивание текста по ширине. Сноски — постраничные (внизу страницы).
10. 10. Список использованной литературы.
11. 11. Название статьи на английском языке — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
12. 12. ФИО автора полностью на английском языке — выравнивание по правому краю.
13. 13. Сведения об авторе на английском языке: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
14. 14. Аннотация на английском языке (5–8 строк).
15. 15. Ключевые слова на английском языке (8–10).

Иллюстрации представляются отдельными файлами с указанием названия иллюстрации и места ее вставки в тексте. Формат файлов — TIFF, JPG, JPEG.

Редакция может не разделять мнения авторов и не несёт ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несёт ответственности перед авторами и / или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ЖУРНАЛА «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

RAR
УДК 008
ББК 63.3

СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХ И ДУХОВНОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Иванов Иван Иванович,
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных наук,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
ул. 5-я Магистральная, д. 5, г. Москва, Россия, 123007,
e-mail: ivanov@yandex.ru

Аннотация

Постмодернизм изменяет существующее в науке понятие личности. С позиций постмодернизма личность — это мозаика множественных идентичностей, социальных ролей, масок, которые человек волен выбирать и изобретать по своему желанию.

Ключевые слова

Субъект, личность, индивид, дух, духовное, фрагментация.

Как замечает М. Мамардашвили, мировые религии «отличаются от этнических религий прежде всего тем, что они обращены к личности и предполагают наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нём как некоторый внутренний образ, или голос. <...> Он поможет только идущему»¹.

.....

Когда цитируют слова Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»², то обычно это высказывание трактуют буквально...

-
- 1 Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
  - 2 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 199.
2. Там же стр. 89.....
3. Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
4. ....

.....

SUBJECT, PERSONALITY, SPIRIT AND SPIRITUALITY IN THE POSTMODERN ERA

Ivanov Ivan Ivanovich,
DSc in Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Academy of Retraining Arts, Culture and Tourism,
5-ia Magistralnaia Str. 5, 123007 Moscow, Russia,
ivanov@yandex.ru

Abstract

Postmodernism modifies an existing concept in the science of personality. From the standpoint of postmodern identity — a mosaic of multiple identities, social roles, masks that man is free to choose and invent as you wish.

Keywords

Subject, person, individual, spirit, spiritual, schizoid fragmentation.

Тип статьи:

RAR — научная статья;
EDI — редакционная заметка;
BRV- рецензия;
CNF — материалы конференции;

SCO — краткое сообщение;
REV- обзорная статья;
ABS- аннотация;
REP- научный отчет;

COR- переписка;
PER — персоналии;
MIS — разное;
UNK — неопределен.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77–69550 от 02.05.2017 г.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России»: Э93581.
Издатель: МОО «Русский культурный центр».

Подписано в печать: 22.11.2019. Формат 60x90 1/8. Тираж 500 экз.
Адрес редакции: 117321, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 136, корп. 1, кв. 309.
Сайт: <http://www.kultnasledie.ru/>
<http://ркцентр.рф/> / культурное-наследие-россии /
E-mail: knaros@yandex.ru